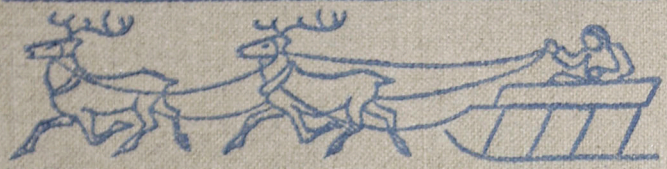
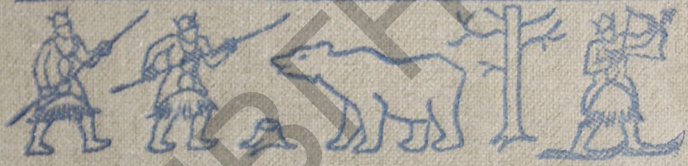
Д896
К276

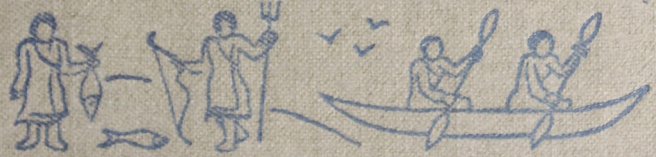

В. КАРЦОВ

НАРОДЫ СИБИРИ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1935

ЭР03134

ДВГНБ
1409681

ЭР03134

ДВГНБ

ЭР03134

ДВГНБ

ЭР03134

ДВГНБ

ЭР03134

ДВГНБ

ЭР03134

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	13 сверху	во вотрую	во вторую
20	18-19 сверху	Ан- Ангара	Ангара
57	11 снизу	извращенном виде	в извращенном виде
89	7 „	ьокруг	вокруг
98	9 „	пудовыми	подовыми
116	18 сверху	Ивана Кольцова	Ивана Кольцо
125	15 „	клинки, порванные	клинки, поправляя порванные
148	15 и 20 сверху	Андыря	Анадыря
148	19 снизу	Андырский	Анадырский

ЭР03134

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

ДВГНБ

ДВГНБ

ЭР03134

ДВ96
К 276

В. Г. КАРЦОВ

НАРОДЫ СИБИРИ

ОЧЕРКИ ПРОШЛОГО

ДВГНБ

№ 316
1964

1409681

Хабаровская краевая БИБЛИОТЕКА

ПРОВЕРЕНО
1944
Инв. № 480.
1958.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ★ 1935

ЭР03134

ДВ
государственная
научная библиотека

ДВГНБ

ЭР03134

ПРЕДИСЛОВИЕ

Огромная территория, именуемая Сибирью, с древнейших времен была населена многочисленными народами, многие из которых к XVI—XVII веку достигли довольно высокой ступени своего общественного развития. С этого времени начинается колонизация Сибири царской Россией. Когда-то свободная и цветущая страна становится ареной открытого грабежа и жесточайшей эксплоатации ее населения. Обобранный и забитый туземец, кулак, пристав, нищий-переселенец и кандальщик — вот характерные фигуры Сибири в эпоху царизма.

Октябрьская революция вихрем пронеслась по ней.

Отсталая Сибирь начала превращаться во вотрую каменноугольно-металлургическую, индустриальную базу страны.

По черноземным полям и степям, по глухой тайге, по далекой тундре прокатилась волна коллективизации.

Выросли многочисленные гиганты промышленности. Они возникли там, где раньше шумела непроходимая тайга или рос чертополох, а ветер гонял дикое перекати-поле.

Каменноугольные шахты Кузнецкого бассейна, сталинские домны, кемеровские заводы, новосибирские комбинаты промышленного и сельскохозяйственного машиностроения, Анжеро-Суджинские и Черемховские копи, Красноярский завод золотопромышленного машиностроения, новый полярный порт и крупный центр деревообрабатывающей промышленности город Игарка, крупнейшая железнодорожная магистраль, связавшая Сибирь с Туркестаном, — Турксиб — и множество других таких же славных названий — это не миф, не чудесная сказка, не мечта, это реальный факт, это факт, который все знают, все видят.

Но новая Сибирь знает еще и другие факты, менее, быть может, бросающиеся в глаза, но не менее важные и знаменательные.

Многочисленные темные и забитые народности, не имев-

ЭР03134

шие даже своей азбуки, получили сейчас не только письменность, но и свои школы и вузы.

Там, где раньше колдуны-шаманы и монахи-миссионеры одурманивали народ, выросли мощные очаги национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Множество медицинских и ветеринарных пунктов возникло в тайге и тундре.

Малые народы, освобожденные от гнета своего национального и русского кулачества, начали строить новую жизнь.

Минуя капиталистическую, а иногда и феодальную стадию развития, они, при поддержке передового пролетариата и под руководством его партии, включились в победное шествие социализма.

До сих пор буржуазные ученые доказывали, что эти народы, не имеющие своей письменности, являются народами «бескультурными», народами «неисторическими».

Сейчас все эти народы получили равное со всеми другими право иметь свою историю.

Задачей настоящей книги является кратко, в виде отдельных популярных очерков, познакомить нашу молодежь с основными вехами этой истории.

Но если сибирские народы не имели раньше своей письменности, то как же мы можем узнать их историю? Что нам расскажет о ней?

Оказывается, можно найти и неписанные источники.

Одним из них является сама земля.

Она запечатлевает в своих слоях историю живших на ней людей.

Представьте себе поселок первобытного человека. Он делает здесь орудия, которыми потом работает. Эти орудия ломаются, приходят в негодность и выбрасываются или теряются. Человек жжет костры и готовит на них пищу.

Отбросы пищи, такие, например, как кости съеденных животных, остаются тут же вместе с золой и углями костров. Все эти остатки постепенно заносятся землей и отлагаются в виде так называемого культурного слоя.

Теперь, по прошествии многих веков и даже тысячелетий, ученые раскапывают те места, где были древние стоянки, и находят все это.

По обнаруженным раскопками материалам можно восстановить картину былой жизни.

В этом отношении земля, сохраняющая в себе остатки былой жизни людей, является прекрасной книгой, по кото-

ЭР03134

рой специалисты-археологи читают историю вымерших народов.

Вторым источником для истории сибирских народов служат сохранившиеся в их памяти словесные легенды и предания.

Третьим источником являются разнообразные старинные обычаи, не вышедшие из быта до настоящего времени.

И наконец четвертое — это различные записи и другие документы, писавшиеся в древности более культурными народами, соприкасавшимися с Сибирью. Таковы китайские летописи, насчитывающие около двух тысяч лет со времени своего составления, а также многочисленные старинные русские источники и записки иностранцев.

Используя все эти материалы и сопоставляя их друг с другом, мы имеем возможность выявить основные моменты истории народов Сибири.

ДВГНБ

ЭР03134

ДВГНБ

ЭР03134

I. ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

1. Когда и как жили древнейшие обитатели Сибири

Идя с востока к городу Красноярску, поезд проходит по длинному красивому железнодорожному мосту, проложенному через широкие воды реки Енисея.

Из окон вагона открывается прекрасный вид. Направо, над зеркальной гладью реки, беспорядочно нагромоздились городские постройки. Многочисленные заводские трубы застилают небо черным дымом, поднимающимся вверх в виде облаков. Шумят машины ближайших к железнодорожным линиям заводов, по многочисленным путям беспрестанно шныряют оживленно перекликающиеся друг с другом паровозы.

Левее моста стройной башней высится гигантский элеватор мельничного комбината. Он только недавно закончен стройкой и пущен в эксплоатацию.

За ним зеленеет густой травой пологий склон горы, кончающийся близ берега Енисея крутым многометровым обрывом.

Это Афонтова гора.

Кто не знает, чем знаменито это место, тот, взглянув сюда, скажет:

— Да, довольно красиво, а впрочем, здесь нет ничего особенного.

Тем не менее Афонтова гора пользуется большой и вполне заслуженной известностью. Когда-то, много тысяч лет тому назад, здесь жили древние люди. Они были одними из первых обитателей Сибири. С тех пор поверхность земли во многом изменилась. Верхний, почвенный слой, вместе с остатками древнего поселения, оказался занесенным глиной, намытой с горы.

И вот теперь ученые-археологи обнаружили в желтоватом обрыве, на большой глубине, темный культурный слой,

ЭР03134

отложившийся как раз в те далекие времена, когда здесь жили первобытные люди. Поэтому теперь в нем обнаруживаются многочисленные следы их пребывания.

Археологи аккуратно разбирают его маленькими ножичками и находят в большом количестве самые разнообразные древние предметы.

Здесь встречаются грубо обитые каменные орудия, различные изделия, вырезанные из бивня мамонта, осколки костей животных, съеденных людьми, жившими тысячи лет назад, и т. п.

В Сибири известна не одна такая стоянка древнего человека. Теперь они открыты в нескольких местах, но особенно любопытна среди них, кроме Афонтовой горы, стоянка Мальта, под Иркутском.

Здесь, между прочим, было обнаружено погребение ребенка и найдены небольшие костяные статуэтки, изображающие собой фигуры женщин. По этим статуэткам и костям скелета ребенка и многим другим найденным предметам можно хотя бы приблизительно представить себе, как выглядели, как жили первобытные обитатели Сибири.

Тот период в истории земли, когда жили эти первобытные люди, называется четвертичным периодом.

Климат тогда был значительно холоднее теперешнего. С высоких гор, — таких, как Уральский хребет, возвышенность полуострова Ял-Мала, горы Бырранга на Таймыре, Алданские, Колымские и другие, — сползали вниз огромные ледники, покрывавшие почти сплошным покровом весь север Сибири, Европы и Америки.

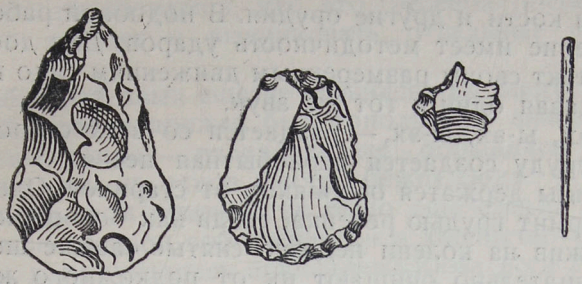
С более южных — Алтайских и Саянских — гор текли мощные реки, несшие свои воды в направлении к северу. Но здесь вечный лед преграждал им путь.

Задерживаясь, вода широко разливалась и образовала гигантское озеро, покрывавшее тогда всю Западносибирскую низменность.

По проталинам ледника, на южных его границах, расстилались тундры, покрытые множеством болот и мелких озер. Различные лишайники, мхи, неприхотливые травы являлись единственными растениями. Короткое и прохладное лето быстро сменялось продолжительной и холодной зимой. Такова была суровая природа Сибири в четвертичном периоде.

Но, несмотря на это, жизнь здесь кипела. По хмурым, туманным тундрам бродили многочисленные стада северных оленей; мелкие хищники — песцы, россомахи и другие — преследовали добычу; за кочками прятался заяц. В болотистых

ЭР03134

Наконечник копья, скребок и шило из камня и костяная игла.

озерах, окруженных густыми зарослями ивы, ютилось, вероятно, немало болотной дичи.

В степных просторах нередки были северные носороги, покрытые густой шерстью, здесь же бродили стадами огромные мамонты, а неприступные скалы сотрясались от грозного рева пещерных медведей и львов.

Зимой по безлесным долинам северные животные могли глубоко проникать на юг, а весной, когда степь покрывалась растительностью, здесь появлялись дикие лошади, сайгаки и быки.

И вот представьте себе среди подобной природы небольшую кучку людей, человек сорок-пятьдесят, раскинувших свои временные жилища на берегу реки.

Здесь, под обрывом, стоит несколько вытянутых четырехугольных шалашей, сложенных из веток, коры и листьев. Для предохранения от сильных ветров люди обложили их основания камнями. Перед этими жалкими жилищами ярко пылают костры. На земле копошатся голые ребятишки. Меньшие из них беспомощно ползают и барахтаются во мху и траве, а те, которые могут уже хорошо ходить, борются друг с другом, прыгают, бегают взапуски, возятся, точно молодые медвежата.

На поваленном стволе дерева и прямо на земле сидят старики.

Они греют на солнце свои дряблые обнаженные тела. Но в то же время они и работают.

Перед каждым навалена громадная куча камней, принесенных с самого берега реки. Держа в левой руке каменные осколки, они ударяют по ним крепкой галькой. Наученные долгим опытом, они быстро и умело, скалывая ненужные частицы, придают камню правильную форму.

Это они делают наконечники для копий, ножи, резцы для

РНТБ

обработки кости и другие орудия. В подобной работе большое значение имеет методичность ударов. Для достижения ее они в такт своим размеренным движениям тихо поют, все время издавая один и тот же звук.

— Ы-эх, ы-эх, ы-эх, — раздается со всех сторон. Так в помощь труду создается первобытная песня.

Женщины держатся особняком от стариков. Одна из них наспех кормит грудью ребенка, тогда как большинство других, положив на колени недавно снятые свежие шкуры животных, тщательно очищают их от подкожного жира. Для этого они пользуются небольшими каменными скребками, вставленными в деревянные рукоятки. Некоторые, вооружившись костяными иглами с продетыми в них жилами, шьют на зиму теплые меховые одежды.

Сейчас, летом, они все голые.

От современных женщин они несколько отличаются своим телосложением, так как на седалищной части имеют значительные жировые отложения.

Не имея одежды, большинство из них богато украшены. На шеях ожерелья из просверленных зубов животных, преимущественно песца, разнообразных костяных подвесок и бус из мягкого камня — агальматолита.

А вот две девушки, первобытные модницы, заняты своим туалетом. Они растерли в небольших ступках, сделанных из мамонтова бивня, натуральные краски — яркожелтую охру и красный кровавик — и сейчас старательно раскрашивают ими друг друга, покрывая свое лицо и тело различными рисунками.

Современные нам красавицы в этом отношении недалеко ушли вперед от своих первобытных прародительниц.

Но далеко не все женщины находятся сейчас в поселке.

Многие из них вместе с подростками рассыпались в отдалении по склону горы.

Медленно бродя, они беспрестанно нагибаются и вырывают заостренной палкой съедобные корешки дикорастущих растений. Если случайно им попадается какое-нибудь мелкое животное, вроде полевой мыши, лягушки, ящерицы, они, не брезгуя и им, стараются его убить, чтобы потом употребить в пищу в качестве лакомого блюда.

Собирание подобной пищи — дело детей и женщин.

Один из мальчиков зашел далеко вперед. Поднявшись на гору, он вдруг остановился и настороженно начал вглядываться вдаль. На окраине чернеющего на горизонте леса появилась темная точка.

ЭР03134

Наконец, распознавши, кто это, ребенок обернулся, начал махать руками и выкрикивать отдельные несложные слова.

Первобытный язык еще не развился как следует и в значительной степени должен был пополняться знаками.

— Мамы, мамы, — передавал он, обращаясь к группе женщин, — один из отцов быстро бежит сюда.

В первобытной коммуне не было еще семьи. Так как в ней не было частной собственности и хозяйство было единым, то и дети считались принадлежащими всей группе. Не зная своего родного отца, они называли отцами всех мужчин определенного возраста. То же самое и матерью они называли не только настоящую мать, но и всех ее сестер.

Женщины оторвались от работы и встревоженно поджидали бегущего.

Запыхавшийся охотник быстро приближался к стойбищу.

Он остановился перед стариками и, еле переводя дух, усиленно жестикулируя руками, стал выкрикивать отдельные нечленораздельные гортанные звуки.

— Большое мясо. Стадо. В зеленой долине, — передавал он. — Ночью надо охоту.

Старики встрепенулись. Они быстро начали обмениваться между собой также странно звучащими словами.

Вскоре все поднялись и, вооружившись дротиками и копьеметалками, пошли следом за прибежавшим. Некоторые из женщин последовали за ними.

Пройдя несколько километров вдоль по берегу, они взобрались на крутую, поросшую редким березняком гору и на вершине ее припали к торчащим в виде красноватого гребня, выходящим на поверхность известнякам.

Под ногами открывался роскошный вид.

Сквозь сумрачные гранитные скалы, напоминающие своими причудливыми очертаниями то фигуры страшных, неестественных животных, то похожие на силуэты людей-великанов, пробивалась пенящимися на порогах, мутными и быстрыми водами широкая река. Где-то вдали, теряясь в туманном горизонте, ее течение сжималось неприступными, покрытыми вечным льдом горами, но здесь вода, вырвавшись на свободу, образовала широкую живописную долину, окруженную в виде амфитеатра мрачными хребтами.

Но зато среди этих темных и угрюмо-величавых гор сочная и зеленая, залитая светом и пестрящая цветами пойма казалась еще привлекательнее.

ЭР03134

С открытой стороны горного полуцирка эта река вливалась в другую, более широкую и могучую, выглядевшую каким-то беспредельным морем.

Это Енисей, который тогда был много больше и шире современного.

Близ него зеленеющий берег круто обрывался, достигая высоты в несколько десятков метров.

В сочной долине кое-где разбросались голубеющими пятнами небольшие озерки, остатки растаявшего снега, покрытые целыми стаями плавающих, сидящих на берегу, летающих, кричащих и крякающих птиц. В отдалении мирно щипали траву дикие лошади и бродящее отдельно оленье стадо.

Но весь этот своеобразный и живописный вид совершенно не интересовал спрятавшихся людей.

Их взоры были прикованы только к одному месту, где по пушистому травяному ковру медленно двигались странные, неуклюжие рыжие чудовища, покрытые длинной шерстью и сверкавшие на солнце большими, изогнутыми в рог белыми бивнями.

Это паслось небольшое стадо мамонтов, состоявшее из крупного самца, двух самок и двух детенышей.

Глаза людей загорелись радостным блеском. Один из стариков издал звук, напоминающий крик совы.

С другой стороны скалы ответили тем же, и вскоре оттуда, идя гуськом, начали приближаться люди.

Это осторожно подходили мужчины из той же стоянки, ушедшие раньше на охоту и выследившие так удачно мамонтов.

Идя немного приседающей походкой, голые ввиду летнего времени, когда ходить в меховой одежде слишком жарко, раскрашенные яркими красками, увешанные ожерельями, вооруженные копьями с каменными наконечниками, костяными кинжалами со вставленными в них на лезвиях тонкими и острыми, как бритва, кремневыми пластинками, они тащили убитую во время охоты дичь.

— Надо охоту мамонт делать, — сказал шедший впереди воин, обратившись к старикам.

— Надо делать. Ночью, — согласились те.

Немного посовещавшись, весь коллектив начал бесшумно пробираться по скалам в направлении к крутому обрыву берега.

Они прошли к ближайшей роще и начали собирать хворост и древесные ветки, густо покрытые свежей листвой.

ЭР03134

Набрав достаточное количество этого материала, по совету наиболее опытных стариков, они выбрали на краю обрыва небольшой, но глубокий овраг и начали наспех прикрывать его ветками так, чтобы его не было видно.

Тем временем несколько человек спустились вниз, на дно, и начали врывать в землю заостренные на вершинах колья.

Когда все было готово, люди разбились по группам. Часть из них сошла под обрыв и расположилась на берегу, тогда как другие двинулись в обход стада, стараясь быть незамеченными и пройти так, чтобы ветер не дул от них в сторону мамонтов.

Между тем солнечный диск уже начал багроветь и спускаться за горы.

Черными силуэтами обрисовались их причудливые вершины на оранжево-алом небе.

Деревья зашелестели листьями под дуновением вечернего ветерка. Несмолкаемый днем крик птиц постепенно затих.

Вместе с наступающим сумраком воцарялась тишина. На темнеющем небосклоне начали зажигаться звезды. Светлой лентой обрисовывался Млечный путь.

Где-то в горах раздалось грозное рычание пещерного медведя и сейчас же опять затихло.

Мамонты улеглись на покрывшейся росою траве и звучно перетирали своими огромными, как жернова, зубами запоздалую пищу.

Окружив стадо, люди начали медленно приближаться к полудремлющим животным.

Старый самец приподнял было свои большие, чуткие уши, но, не заметив ничего подозрительного, успокоился опять.

Вдруг среди ночной темноты со всех сторон начали зажигаться костры, и раздался оглушительный вой.

Мамонт вскочил, поднял хобот и издал пронзительный, подобный басистой трубе крик.

Стадо взметнулось и шарахнулось в сторону.

Огненные головни мелькали в воздухе, прорезая мрак и смыкаясь в непроходимый полукруг.

Животные, испуганные небывалым блеском и шумом, внезапно застигшим их среди ночи, напоминающим страшные лесные и степные пожары, бросились бежать в единственную свободную сторону — к реке.

Впереди, в ужасе подняв хвосты, точно ураган, неуклюже припрыгивая на кочках, неслись многопудовые детеныши. Следом за ними бежала самка. Самец замыкал отступление.

ЭР03134

Люди по пятам преследовали их.

От тяжелого топота гудела земля.

Вдруг у бежавшего впереди молодого мамонта что-то треснуло под ногами. Потеряв точку опоры, его грузное тело покатилось в пропасть.

Животные с разбега внезапно остановились, напирая друг на друга. Перед ними расстилался обрыв, а с боков и сзади сжималось огненное кольцо.

Глаза самца налились кровью. Нагнув голову, с протяжным устрашающим ревом он кинулся на врагов. Остальные повернули за ним.

Несчастные преследователи, ловко увертываясь от бешеных ударов, бросились спасаться в разные стороны. Отчаянные крики смертельного ужаса и боли врезались в ночь.

Тяжелые бегущие шаги удалялись.

На траве корчилось и стонало несколько раненых с перебитыми ребрами и раздробленными под ногами животных конечностями.

Два трупа, превращенные в бесформенные комья мяса, истекали кровью.

В то же время засевший внизу отряд добивал разбившегося и пронзенного кольями, на которые он упал, мамонта.

Оставив смертельно раненых на произвол судьбы, люди сходились взглянуть на трофеи своего труда.

Наутро в этом месте были раскинуты шалаши, и вся орда временно перекочевала сюда.

Теперь долгое время можно быть спокойным за свое существование, можно быть уверенным в том, что будешь сыт, что не умрешь с голоду.

Весело потрескивали костры, когда люди расселись беспорядочными группами вокруг туши. Такую добычу, как мамонт, особенно делить не надо. Это только после обычной охоты, дающей возможность только-только поддержать свое скудное существование, приходится оделять добычей всех, строго распределяя установленные обычаем порции, давая лучшие части особо отличившимся во время охоты, а также старикам, помогавшим советом и изготовлявшим орудия. В таких случаях женщины получают объедки. Сегодня же пищи хватает на всех. Каждый сам для себя, вооружившись каменным ножом, отрезает тягучие куски кровавого мяса и с жадностью поедает их. В это время люди не знали еще глиняной посуды и пищу не варили и даже почти никогда не жарили, а ели сырой.

Так, в постоянной борьбе за свое существование, под-

ЭР03134

чиняя постепенно себе природу, жили первобытные люди, древнейшие обитатели Сибири.

Их общественный быт можно назвать первобытным коммунизмом. При том уровне техники, какого она тогда достигла, отдельный человек просуществовать не мог бы. Он не вынес бы непосильной борьбы с дикой природой. Только коллективный труд мог обеспечить существование и победу.

Находимые археологами на местах древних, так называемых палеолитических (древнекаменных), стоянок орудия труда, кости съеденных животных и другие предметы ясно рассказывают нам, как жили эти первобытные люди.

140968

2. Неолит (новокаменный период) в Сибири

Ледниковое время кончилось. Наступила та геологическая эпоха, в которой живем мы. Климат стал много суше, зимой выпадало меньше снегов, на протяжении жаркого лета постепенно растаивали ледники, отодвигаясь к крайнему северу и покрывая только самые высокие вершины гор.

Следом за отступающими ледниками устремились бурными, многоводными потоками великие сибирские реки — Обь, Иртыш, Енисей и Лена. Они несли с юга теплую воду, пробивавшую ледяную стену.

Перед теплыми лучами солнца отодвигалась к полярным широтам холодная тундра, уступая место могучим лесам, в свою очередь теснимым степью.

Следом за перемещающейся растительностью передвигались и животные. Некоторые из них, как, например, пещерный лев, носорог и мамонт, не могли приспособиться к новым природным условиям и постепенно вымерли.

От этого времени также сохранилось немало человеческих стоянок, лучше всего изученных по берегам Енисея.

В находимых на них орудиях труда поразительно много общего с орудиями палеолитической эпохи, так много общего, что даже археологи-специалисты не находят в них крупных отличий. «Поэтому мы в праве предполагать, — говорит исследовавший эти стоянки Н. К. Ауэрбах, — что и человек того времени немного подвинулся вперед в своем развитии сравнительно с предыдущей палеолитической эпохой. Он фактически продолжал жить жизнью палеолитического человека».

Но через некоторое время климат снова начал изменяться в сторону увлажнения. И снова тайга повела наступление на степи, отодвигая и вытесняя их.

Хабаровская краевая
ЭР03134
БИБЛИОТЕКА

Человек, окружаемый дикой и страшной тайгой, теснился в узких прибрежных долинах рек.

Преследуемый хищными зверями, гнусом и змеями, он вынужден был селиться на песчаных береговых дюнах. На них в большинстве случаев и находятся неолитические стоянки.

Человеческие поселения этого времени широко раскинулись по всей Сибири. Они известны и на западе, в бассейнах Томи, Тобола, Туры и других рек; по Енисею они заходят далеко к северу, распространяясь до устья Подкаменной Тунгуски; по Ангаре тянутся почти беспрерывной цепью, известны на Лене, Олекме, Байкале, Амуре и их притоках, а также на морских берегах далекой Камчатки.

Сильно подвинулась вперед человеческая культура к этому времени, отдаленному от нас на четыре-семь тысяч лет.

В борьбе с природой человек совершенствовал свою технику, сделал ряд новых открытий, постепенно переходил к новым формам хозяйствования.

Селясь близ безграничных водных просторов, он своим трудом подчинял себе эту новую для него, раньше грозную и недоступную стихию. Связанные вместе бревна или выдолбленные из целых стволов лодки стали служить людям как средство передвижения.

Охота стала более обеспечивающей и надежной формой хозяйства благодаря изобретению лука и стрел.

Кое-где началось приручение животных. Сильно усовершенствовалась техника изготовления орудий. Вместо грубо обитых и сколотых камней появляются впервые полированные орудия.

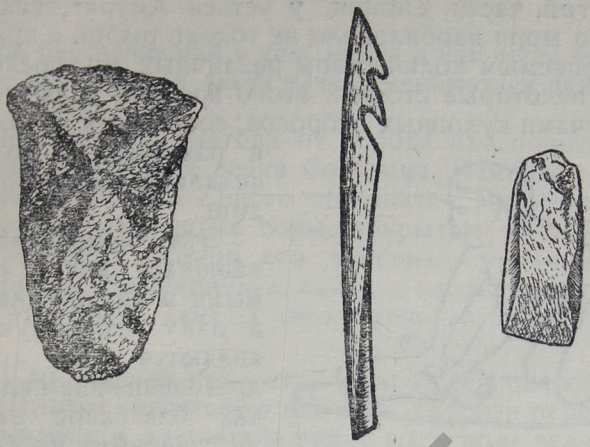
Свои топоры, долота и тесла древний мастер шлифовал на плитах песчаника, подсыпая мокрый песок и гравий. Все эти прекрасно сделанные орудия вставлялись в деревянные рукоятки и привязывались к ним или вклеивались горной смолой.

Сибирский неолитический человек, в отличие от европейского, не делал на своих орудиях сверлин для насада.

«Не абсолютное плодородие почвы, а ее диференцирование, разнообразие ее естественных произведений составляет естественную основу общественного разделения труда и заставляет человека, в силу разнообразия окружающих его естественных условий, разнообразить свои собственные потребности, способности, средства и способы производства», говорит К. Маркс.

И если раньше хозяйство палеолитического человека по-

ЭР03134

Каменная мотыга, костяной гарпун и полированное долото.

чти везде было одинаковым, то сейчас различные человеческие группы, разбросанные по всей Сибири, начали строить по-разному свою жизнь.

Вот приморские жители суровой Камчатки. Уже в ту отдаленную пору начал слагаться их современный быт.

Море, бурное и холодное, постоянно грозящее отважным пловцам смертью, изобиловало множеством рыбы и различными животными — тюленями, моржами, котиками, гигантами-китами.

Чтобы выжить в тяжелой борьбе за существование, человек своим трудом должен был покорить бушующие, пенящиеся волны.

Вероятно, уже в эту эпоху начал вырабатываться здесь тип закрытой со всех сторон, водонепроницаемой кожаной лодки.

Прекрасно сделанные, легкие и крепкие костяные гарпуны и остроконечники, направляемые ловкой рукой морского охотника, обеспечивали успех тяжелого промысла.

Для выработки шкур и шитья теплой меховой одежды, защищавшей от пронизывающих полярных ветров и мороза, служили многочисленные каменные скребки и костяные иглы.

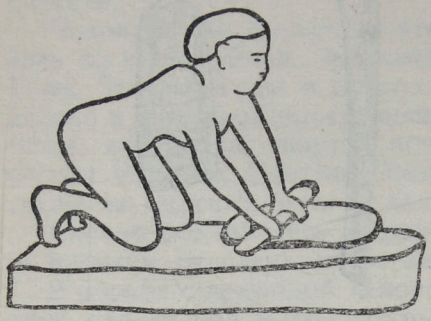
Каменные плошки с налитым в них тюленьим жиром давали некоторое тепло, экономя недостающее топливо и освещая жилище в бесконечную зимнюю, арктическую ночь.

ПГПИ

ЭР03134

В другой части Сибири, у устьев Амура, теплые воды Японского моря изобиловали не только рыбой и крабами, но и неисчерпаемым количеством различных моллюсков.

Здесь некоторые стоянки этого времени являются настоящими кучами кухонных отбросов, состоящих из костей рыб и ракушек, из года в год скапливавшихся вокруг жилищ.

Растирание зерна ручными терками (древнеегипетская статуэтка.)

Эти «помойки», спрессовавшихся вместе с находимыми в них орудиями труда в одну сплошную массу, являются для археологов драгоценнейшим кладом, так как благодаря им можно восстановить многие характерные черты древнего быта.

★

Обильная рыбой река Ангара, протекающая в Восточной Сибири среди глухой тайги, была густо заселена рыболовами.

Для борьбы с наступающим лесом и для изготовления лодок ее обитатели делали себе из прозрачного нефрита и других горных пород разнообразные топоры, долота, тесла и другие инструменты, всегда очень тщательно выделанные и отполированные. В летнее время древние рыболовы скользили взад и вперед по прозрачной поверхности реки. Они расставляли свои многочисленные сети, сплетенные из волокон крапивы и других дикорастущих растений.

Зимой рыбный лов тоже не прекращался. Люди пробивали лед тяжелыми каменными кирками, как и сейчас это делается у эвенков, живущих в тех же краях. Полусонная рыба поднималась к проруби. Поджидающий этого момента рыболов бил ее меткими ударами гарпуна.

Немалым подспорьем служила конечно и охота.

Но наиболее типичное охотничье хозяйство развилось на берегах сравнительно бедного рыбой Енисея. Стоянки Енисея в настоящее время изучены лучше других, и по их материалам можно более отчетливо представить себе картину жизни человека этого времени. Познакомимся сейчас более подробно с раскопками одной из исследованных мною енисейских стоянок.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ЭР03134

3. Стоянка, рассказавшая о том, когда и как были приручены домашние животные и люди начали заниматься земледелием

В семнадцати километрах от города Красноярска в Енисей впадает небольшая речка Собакина. Немного выше ее устья величественный Енисей становится значительно уже. Здесь крутые, каменистые горы, покрытые густой тайгой, сжимают с обеих сторон его течение. Сумрачные утесы, Собакин-бык и Шалунин-бык, как два неприступных стража, стерегут это место, бросая свою тень на быстротекущую воду.

Теперь на третью пятилетку намечается опереть на эти каменные глыбы гигантскую плотину, которая перегородила бы течение реки и подчинила дикие воды воле человека. Намечаемая к строительству гидроэлектростанция, входящая в систему Ангаро-Енисейстроя, будет одной из крупнейших во всем мире, значительно превышая Днепрострой.

Немного ниже этого места горы расходятся в стороны, и образуется узкая плодородная долина, прорезаемая наполовину высохшей сейчас Собакиной речкой.

Здесь, у ее устья, три с лишком тысячи лет тому назад поселился человек.

Древние люди жили тут более тысячелетия. За этот долгий промежуток времени успел отложиться мощный культурный слой, достигающий толщины одного метра.

Осмотрев это место, я выбрал для раскопок Усть-Собакинскую стоянку, рассудив при этом так: «Если тут отложился такой большой культурный слой, то это значит, что люди жили здесь непрерывно очень долгое время. Их культура должна была все время меняться. Раскопав этот памятник, можно будет восстановить всю картину ее постепенного развития».

Подобные рассуждения и побудили меня приступить к исследованиям. Усть-Собакинская стоянка оправдала все мои ожидания.

Слои земли отлагаются в природе постепенно. Обычно более поздние из них ложатся поверх древнейших. Следовательно, вещи, находимые в нижних горизонтах, всегда будут древнее тех, которые встречаются в верхних.

Культурный слой Усть-Собакинской стоянки мне удалось разделить на три таких горизонта. Оказалось по найденным в них орудиям, костям съеденных животных и другим пред-

ЭР03134

метам, что эти три горизонта соответствуют трем периодам в жизни человека.

Таким образом раскопки дали возможность восстановить три этапа в истории древнего человека, населявшего это место.

Вот что здесь было три тысячи лет назад.

Наступившее после ледникового времени потепление и осушение климата повлекло за собой резкое изменение природных ландшафтов и расширило границы степей с типичной для них растительностью и животным миром. Но ко времени заселения Собакинской стоянки опять началось увлажнение и некоторое похолодание.

В связи с этим ширилась дремучая тайга, завоевывая все новые и новые участки от привольных степей. Неудержимо наступающие непроходимые мхи и болота все больше и больше подходили к самым берегам Енисея, оставляя только отдельные небольшие клочки степи.

Естественна и полная перемена фауны. Исчезающие степные виды сменились типичными представителями тайги. Кое-где сохранившийся от далеких времен северный олень, лось, кабан, медведь, волк, белка и в перелесках косуля — вот те основные виды животных, которые характеризуют это время.

Основным занятием человека продолжала служить охота, в которой начали применять лук и стрелы с маленькими, тонкими каменными наконечниками.

Вооруженные ими, охотники отважно отправлялись на промысел в дикую тайгу. Теперь людям не надо было итти обязательно всем вместе. Лук давал возможность справляться со зверем и в одиночку.

Тонкий, острый и крепкий каменный наконечник копья, делавшийся несравненно лучше чем раньше, годился даже для единоборства с владыкой лесов — медведем. Многочисленные ловушки, капканы и волчьи ямы в значительной степени обеспечивали успех охоты.

Помимо нее в летнее время значительную роль играло рыболовство.

Когда на землю опускалась темная ночь, люди садились на долбленые или берестяные лодки и выплывали на реку.

Ехали молча, сложив весла, чтобы не отпугивать рыбу. Тихо журчала быстрая вода, огибая утлое суденышко и переливаясь блестками в матовых лучах луны.

Человек, стоявший на носу, брал в руки длинные жерди,

обмотанные хворостом, и поджигал их. Яркое пламя вспыхивало над водой, освещая глубины реки.

Как красиво было издали это зрелище! Среди потонувших во мраке берегов, по темной воде, плыли черные силуэты лодок с сидевшими на них людьми, освещенные красноватым огненным заревом. Это была настоящая иллюминация. Встревоженная неожиданным светом рыба подплывала к поверхности, шла на огонь так же, как летят на него ночные мотыльки.

Между тем вооруженные острыми костяными гарпунами охотники были все время на-чеку. Как только мелькала в воде спина крупной рыбы, они умелой рукой поражали ее.

Этот способ рыбного лова являлся здесь одним из первых, и только несколько позже начали применяться сети. Об их появлении свидетельствуют находимые на стоянке каменные грузики.

В описываемое время охота была уже настолько сложна, что требовала значительных навыков и сноровки, а равно и долгих отлучек из дому. Поэтому женщины, связанные детьми, не могли в ней участвовать. Их труд был другим. Они попрежнему бродили по лужайкам в поисках съедобных корней растений, грибов или ягод. Работать им приходилось очень много, так как на их долю падала забота о домашнем очаге и хозяйстве, постройка жилища, изготовление одежды и пищи.

Сначала, приготовляя пищу, ее или пекли в золе, или жарили, насадив на вертело, или варили в деревянных сосудах при помощи бросания в них раскаленных камней. Выполняя подобную работу, женщины должны были первыми обратить внимание на свойства глины задерживать воду и твердеть в огне.

Поэтому женщина оказалась пионером гончарного производств .

На Собакинской стоянке было найдено большое количество обломков древнейших горшков. Все они делались без гончарного круга, а просто лепились от руки.

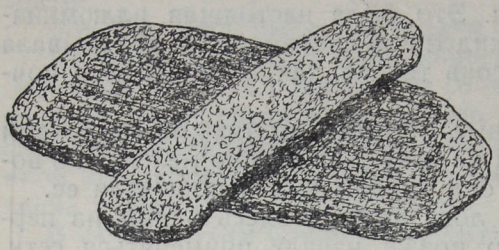
Чтобы глина была более удобной для лепки и крепкой при обжиге, к ней прибавлялись различные обезжиривавшие ее примеси, вроде толченных в порошок обломков старых горшков, кварцевого песка, слюды и т. п.

Чтобы придать вылепленному от руки горшку правильную форму, его постукивали со всех сторон деревянной лопаточкой. На некоторых черепках следы этого постукивания хорошо заметны. Еще и до сих пор этот способ изготовле-

ЭР03134

ния посуды сохранился кое-где у сибирских народов, как, например, на Алтае и у якутов.

Первоначально горшку придавалась остродонная форма. Поверхность готового сосуда густо покрывалась различными орнаментами, выдавливавшимися или простой палочкой, или специально выточенными для этого из дерева и кости штампами.

Ручные жернова-терки, найденные на Собакинской стоянке.

К вечеру, после трудового дня, всецело уходившего на тяжелую борьбу за существование, на борьбу за пищу, все члены коммуны собирались у своих шалашей. Сидя вокруг весело горящих очагов, они рассказывали друг другу о своем труде, о своих приключениях в страшном, населенном многочисленными врагами-животными лесу. Мужчины с гордостью приносили убитую дичь. За длинными разговорами у костров чинили старое и делали новое оружие и другие предметы. Приготовленную женщинами пищу ели с большим аппетитом. Особенным лакомством считался костный мозг.

Для того чтобы достать его, кость раскалывалась метким ударом, и человек, припав ртом к сколу, с жадным причмокиванием втягивал в себя вкусное серое вещество.

Отбросы бросались в сторону и убирались собаками. Эти волкообразные, лохматые, еще полудикие животные, сидя в отдалении, горящими глазами следили за каждым куском, исчезавшим во рту у человека. Но как только обглоданная кость отлетала в сторону, они, как по команде, стремглав бросались на нее, образуя своими телами сплошной катающийся, рычащий и лязгающий зубами клубок. Следы собачьих зубов сохранились на некоторых костях, находимых в раскопках. Все кости, встреченные в нижнем горизонте Усть-Собакинской стоянки, принадлежат исключительно диким животным.

Это значит, что домашнего скота еще не было. Появилось только первое прирученное животное — собака. Как она была приручена, сказать трудно. Вероятно, и в те времена, как и теперь, стаи голодных волков подходили к человеческим жилищам в надежде на возможную поживу. Должно быть,

РГНТ

ЭР03134

Расчистка погребения.

не раз первобытный охотник, убивая волчицу, притаскивал к себе ее щенят. До изобретения лука успех охоты был далеко не обеспечен. Человеку тогда приходилось часто голодать.

С развитием техники охоты жить стало легче, так как люди начали добывать больше продуктов.

Поэтому, если раньше удавалось поймать какое-нибудь молодое животное, его непременно съедали, а сейчас, наоборот, стали стремиться сохранить ему жизнь, для того чтобы всегда иметь запас.

Так свыкались с человеком и одомашнивались первые животные. А от прирученного волчонка была и другая польза, кроме сохранения его на мясо. В случае приближения к стоянке хищных животных или врагов он начинал волноваться и лаять, оповещая этим безмятежных людей. Сопровождая своего хозяина в лес, он выслеживал дичь и гнался за ней по пятам. Эту способность можно было хорошо использовать на охоте. Поэтому собака очень рано стала незаменимым другом древнему человеку.

ЭР03134

★

Прошло около полутысячи лет.

В это время начали отлагаться слои второго горизонта стоянки.

И встреченные в них находки рассказывают о происшедших за это время переменах.

Наравне с охотой начало развиваться скотоводство. Была приручена овца, а следом за ней дикий кабан превратился в домашнюю свинью. Мужчина из охотника постепенно начал превращаться в пастуха.

В свою очередь женщины в это же самое время начинают заниматься земледелием.

Собирая дикорастущие растения, храня их корни и плоды в ямах, они познакомились с прорастанием семян и с их выращиванием. Земля обрабатывалась женщинами при помощи деревянных с каменными наконечниками мотыг. Для получения муки семена растирались ручными жерновами — терками. Это были не очень большие плоские каменные плиты. На нижнюю из них, более широкую, насыпалось зерно. Верхнюю плиту, длинную и узкую, женщина брала за концы обеими руками и двигала ее взад и вперед по нижнему жернову, растирая зерно в муку.

Для хозяйства значение даже такого примитивного земледелия все же было огромно.

Так как в это время хозяйство было еще коллективно, то у людей не возникали пока и семьи в том смысле слова, как мы их понимаем теперь. О детях заботилась вся коммуна, к которой они принадлежали.

Своего личного отца дети могли совсем и не знать. Поэтому родство должно было считаться только по матери. Такая коммуна, состоящая из кровных родственников по женской линии, в науке называется материнским родом.

Женщины в таком роде пользовались большим почетом. Главным образом это объясняется тем, что они, участвуя в производственном труде, вносили в хозяйство один из основных продуктов — растительную пищу.

Так как и мужчины и женщины одинаково трудились и вносили в общее хозяйство продукты своего труда, то понятно, что и те и другие в материнском роде были равны друг другу.

Пережитки материнского права сохранились еще и до наших дней у некоторых народов Сибири, наиболее отсталых в культурном отношении. Так, например, они зарегист-

ЭР03134

рированы учеными у гиляков на Сахалине, у луораведланов (чукчей) на крайнем северо-востоке Азии и у других. Но об этом подробнее мы будем говорить дальше.

4. Три тысячи лет назад в южной Сибири

Южная Сибирь. Хакассия. И здесь протекает, только в своем верхнем течении, Енисей. Это та же река, которую мы уже видели у Афонтовой горы и у Собакиной речки, но только теперь она выглядит совсем иначе.

Солнце ослепительно играет на ее быстрых водах, отражающих красноту прибрежных песчаниковых скал и голубизну высокого ясного неба. В какой-то своеобразной воздушной дымке купаются яркозеленые степи. Это не ровные западносибирские степи, в которых не на чем остановить взгляд вплоть до самого горизонта. Наоборот, они изумительно разнообразны, открывая на каждом шагу перед путником, чудесные виды: то они поднимаются вверх в виде высоких безлесных гор, то резко обрываются выходящими на поверхность каменными утесами, то, плавно изгибаясь, образуют широкие долины, усеянные многочисленными курганами, немыми свидетелями давно минувшей жизни.

Проезжая по этим «долинам мертвых», постоянно удивляешься тому, как здесь много самых разнообразных могил. Вот возвышаются наподобие холмов большие земляные насыпи, обставленные каменными столбами, превышающими человеческий рост; или на зеленом ковре степи выделяются сложенные из серых камней фигурные площадки, так называемые керексуры; или тянутся длинной цепью, одна за другой, прямоугольные насыпи, окруженные невысокими каменными оградками.

Но некоторые погребения можно заметить только с большим трудом.

Прячась в сочной траве, кое-где торчат низкие каменные плитки, врытые в землю и поставленные на ребро. Прилегая одна к другой, наподобие переплета оконной рамы, они образуют прямоугольные или квадратные оградки. Лепясь вместе, они опутывают своей сеткой довольно большие участки степи. Это так называемые «карасукские могильники».

Попробуем вместе с археологами разгадать их тайну.

Если только на один слой земли, на один штык лопаты покопать такую огороженную площадку, то тогда мы наткнемся в ее центре на каменную плиту. Это покрышка гро-

ЭР03134

ба, или, вернее, каменного ящика, сложенного из пяти огромных прямоугольных плит, из которых четыре образуют стенки, а пятая налегает сверху. Обычно ящик бывает заполнен землей, намытой дождями через щели гроба.

Здесь погребены люди, жившие около трех тысяч лет тому назад, бывшие современниками обитателей Усть-Собакинской стоянки в ее нижних горизонтах.

В этих могилах скелет обычно лежит вытянуто, на спине, но иногда кости бывают сложены в беспорядке. Так, например, в одном из подобных погребений, раскопанных нами, череп был положен на особом камне отдельно от всего костяка.

Около покойника ставились круглые, с высокими шейками, горшки, содержавшие пищу, а также клалось мясо, от которого находятся кости, и различные вещи вроде бронзовых ножей, бляшек, предметов украшения и т. п.

Учеными было раскопано очень много таких погребений, и их изучение позволяет достаточно полно представить себе жизнь карасукских людей.

Это были кочевники. Их стада, питаясь подножным кормом, вынуждены были переходить с места на место, по мере того как они уничтожали и вытаптывали траву.

Степь оглашалась блеянием бегающих по ней многочисленных овец, мычанием быков и коров, ржанием лошадей.

Стада охранялись пастухами, сопровождавшимися крупными, волкообразными собаками.

Следом за животными передвигались люди. Тяжелые колеса телег скрипели по девственной степи. Это были своего рода подвижные деревни, только дома в них делались из войлока.

Издали они напоминали большие муравейники, так как имели форму полушария. Подобные небольшие юрты расставлялись на телегах.

Звучно хлопали бичи, подгоняя лошадей. При переездах людям не надо было складывать свои пожитки. Они могли в любой момент передвигаться с места на место, не нарушая при этом своей обычной жизни.

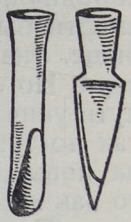
Вот скрип умолк. Люди выбрали подходящее место около родника, защищенное горами от беспокойного ветра, и решили здесь остановиться.

Вокруг юрт закипела жизнь. Мужчины привычными руками распрягали лошадей, пуская их в степь пастись вместе со всем остальным табуном. Некоторые из них принимались за другие дела. Несколько человек наспех вырыли неглубо-

ЭР03134

кую яму и устроили в ней примитивный горн. Недавно они совершили обмен с другим родом, отдав небольшую часть скота и получив за это запас драгоценной медной руды.

Теперь они сложили ее в глиняный горшок — тигль — и начали плавить на огне. Когда металл превратился наконец в огненно-красную, расплавленную и бурлящую жидкость, тогда они, взяв выточенные из камня литейные формы, начали в них отливать различные вещи. Эти формы принадлежали всему роду, и каждый по мере надобности пользовался ими. Один из мужчин, усевшись рядом и весело болтая с кузнецами, вооружившись медными долотами и теслами, принялся выдалбливать из обрубка дерева красивый резной сосуд.

Бронзовые долота.

Не тратили зря времени и женщины. Те, которые не были заняты варкой пищи, вытащили на свежий воздух примитивные ткацкие станки и, насучив из овечьей шерсти нити, принялись за изготовление грубой, но прочной материи для одежды. Некоторые из той же шерсти катали мягкий толстый войлок.

Их мужья и братья посматривали на них свысока, чувствуя свое превосходство в том, что основные, необходимые для жизни продукты добывались их трудом, их руками. Теперь уже прошли те времена, когда женщина считалась равной мужчине. Скромный охотник довольствовался вторым местом в доме, но кичливый и гордый скотовод почувствовал себя хозяином положения и начал оттеснять женщину.

В роде установилась мужская, или патриархальная, власть. Усевшись в стороне, степенно беседовали между собой старейшины. Их значение значительно возросло. Усложненное хозяйство рода требовало большого опыта, знания традиций и обычаев, а кто же лучше их мог удовлетворить эту потребность? Они указывали, когда и куда надо перекочевывать; они умели заколдовать скот от падежа, вылечить больного, знали способы общения с духами, которых выдумали люди, не умея объяснить себе те или иные явления природы; они должны были вести все дела и переговоры с другими, соседними родами, улаживать всевозможные ссоры и т. п.

Сейчас они говорили по очень важному вопросу. Недавно заболел глава рода, и со дня на день ожидалась его смерть. Все магические средства были исчерпаны, но ничто не по-

ЭР03134

могало. Умирающему становилось все хуже и хуже. Приходилось задумываться о похоронах. И надо же было так несвоевременно умирать! Ведь сейчас род откочевал очень далеко от своего главного места пребывания, далеко ушел в степи от могил предков, а обычай требовал, чтобы все сородичи, ведущие общее хозяйство в жизни, и после смерти были похоронены вместе, на одном родовом кладбище. Значит, придется возвращаться обратно, везя с собой труп. Но сделать это сейчас очень трудно. На пройденном пути уничтожена трава, и скоту может нехватить корма. Нет, так поступить нельзя. Надо продолжать двигаться дальше, на новые, свежие и обильные пастбища. Но если это так, то как же надо тогда поступить с трупом?

— Предки нашего рода, — говорил шамкающим, беззубым ртом седой, умудренный годами и жизнью старец, — требуют того, чтобы все их потомки из колена в колено оставались вместе. Дух покойного будет спокоен только в том случае, если его кости будут лежать вместе с костями его отцов и дедов. Так говорит священный обычай. Когда душа умирающего освободится от бренного тела, мы должны будем расчленить его по частям, отняв руки, ноги и голову.

Мы очистим кости от подверженного скорому разрушению мяса и других мягких частей тела и будем возить их с собой до тех пор, пока не вернемся к родным могилам и не предадим их земле.

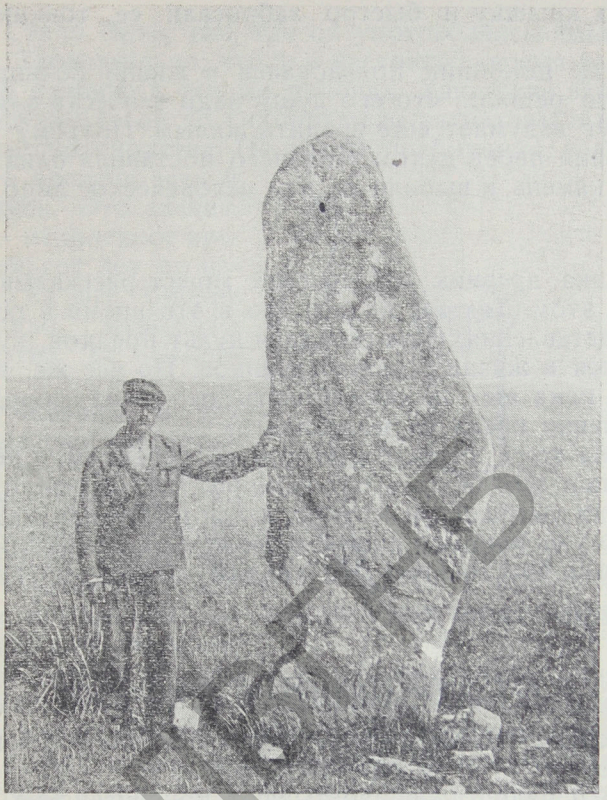
Таков священный обычай. Общее хозяйство рода на земле — совместное пребывание умерших в загробном мире.

★

Стояла глубокая осень. Начинались заморозки. Кое-где уже выпал снег. Увядшая и пожелтевшая степная трава понуро приникла к земле. Серое небо затянулось ровной пеленой молочных туч и в течение долгих дней не освобождалось от них. Стада, готовясь к зиме, грустно бродили по блеклой степи. Прикочевав к насиженному месту на берегу реки, люди раскинули свои жилища.

Но юрты сейчас пусты. Все их обитатели собрались в широкой пади, зажатой между двумя оголенными вершинами невысоких гор.

Здесь, на месте родового могильника, они вырыли яму и обставили ее стенки каменными плитами. Совершив всевозможные обряды, зарезали быка и овец.

Карасукский надгробный памятник.

Женщины и девушки, нарядно одетые и украшенные широкими блестящими медными перстнями и ожерельями, состоящими из многочисленных белых бус цилиндрической формы, сделанных из особой костяной пасти, с прическами в виде кос, убранных вплетенными в них лентами, с бренчащими металлическими подвесками, готовили последнюю, прощальную пищу для умершего.

Наконец кости, побелевшие уже во время долгой езды, но все еще отдающие дурманящим запахом, опустили в гроб.

Туда же положили лучшие куски мяса и поставили в нескольких горшках молоко и другую жидкую пищу. Опустив еще кое-какие необходимые вещи, на могилу навалили

ЭР03134

каменную крышку и быстро забросали ее тонким слоем земли.

Так как покойник пользовался в жизни большим уважением, то решили, что его душу надо всячески задобрить, а то вдруг вздумает еще вредить живым. Поэтому в целях преклонения перед духом умершего поставили близ могилы высокий камень и выбили на нем человеческое лицо предка.

★

Раскопка древних карасукских могил рассказывает нам обо всем этом. Так мы видим, что в это время в религиозных представлениях уже создался культ предков, культ выделявшихся в жизни родоначальников. Но все же эти старейшины пока еще не обособились от своих сородичей и имущественно никак не выделялись.

Это мы тоже знаем благодаря погребениям. Среди них нет богатых или бедных покойников. Набор вещей, сопровождавших умершего в могилу, везде более или менее одинаков. Но уже немного позже, в связи с развивавшимся имущественным расслоением, мы увидим совсем другую картину.

ТВГНБ

5. Как начал разлагаться древний род

Тракторы тарахтят по черноземной степи, мощные плуги поднимают ранее не паханную целину.

Бодро и радостно обрабатывают приенисейские колхозники свою родную, свободную, коллективную землю, которая раньше пропадала без пользы под голой степью, где только ветер гулял, шелестя травою. Улыбаясь, они смотрят под разрезающие дерн лемехи. Но вот железо, зацепившись и заскрипев, выворотило из земли какой-то бронзовый предмет, напоминающий немного большой изогнутый нож без рукоятки.

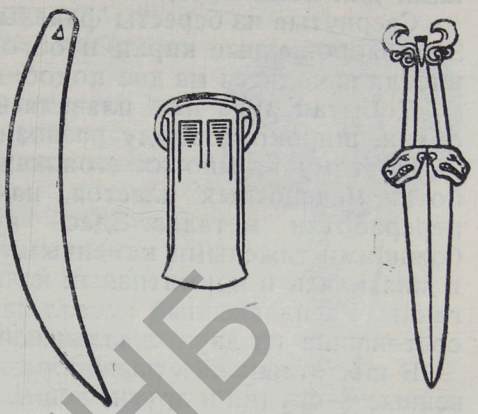
— Да ведь это же серп! — радостно разрешают задачу нашедшие.

И верно. Такие серпы впервые появились в южной Сибири примерно за семь-восемь веков до нашей эры.

Подобная находка не единична. Бронзовых серпов сейчас найдено много. Но интересно то, что эти находки встречаются не повсеместно. На правом берегу Енисея их много, а на левом они находятся только в наиболее плодородных и хорошо орошаемых местах. Серп — это земледельческое

 ЭР03134

орудие. Стало быть, там, где он употреблялся, было и земледелие. Замечательно, что и в настоящее время земледелие особенно развито в тех же районах. Хакасские засушливые левобережные степи до сих пор мало распаханы и используются для скотоводства. Но следы пребывания древних людей этого времени есть и там и здесь. Это значит, что в то отдаленное время, за семьсот лет до нашей эры, на юге Сибири происходило отделение пастушества от земледелия.

Бронзовые серп, мотыга (топор) и кинжал.

Труд человека в эту эпоху был уже настолько сложен, что земледелие стало несовместимо со скотоводством. Численно возраставшие стада животных требовали все больших и больших перекочевок, а земледелие, наоборот, тянуло к оседлости. Поэтому одни роды начали специализироваться в разведении стад, а другие осели в прибрежных плодородных, удобных для хлебопашества районах.

Разделение труда между родами вызывало потребность в сношениях между ними, но порождало и военные столкновения. Не имевшие хлеба скотоводы, наверное, нередко совершали набеги на земледельцев, отбирая у них урожаи.

О развитии подобных грабительских войн также рассказали могилы. Так, в более древних из них оружие не находилось. Видимо, особенной надобности в нем не было. Теперь же в курганы начали класть и вооружение. Это прекрасные острые бронзовые кинжалы с рукоятками, иногда очень пышно украшенными фигурами разных животных; это боевые секиры, «клевцы», пробивавшие своим острым клювом головы противников; это тонко выделанные из бронзы и кости наконечники стрел, снабжавшиеся иногда шипами, для того чтобы их нельзя было легко вынимать из ран. В грабительских войнах одни роды богатели за счет ограбления других.

Но и внутри каждого отдельного рода к этому времени произошли перемены. Развившаяся и усложнившаяся техника требовала разделения труда. Специализация была

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ

особенно нужна для металлического производства. Во многих местах Сибири от этого времени сохранились остатки копей, где добывалась руда. Они представляют собою иногда довольно глубокие колодцы — забои. В них спускались древние шахтеры, вооруженные большими каменными кирками для ломки руды.

Свернутые из бересты факелы освещали подземный мрак. Эти заброшенные кирки и обгорелые, обугленные «свечи» иногда находятся на дне подобных копей.

Добытая руда или плавилась на месте или, поступая в обмен, широко повсюду развозилась.

Поэтому на многих стоянках, удаленных от мест разработки меденосных пластов, находятся следы дальнейшей переработки металла. Здесь куски руды раздроблялись большими тяжелыми каменными молотами, клались в тигли и плавились в примитивных печах, выложенных из камня и глины. Расплавленный металл наливался в литейные формы, состоявшие из двух складывающихся половинок.

В них отливались разнообразные—часто очень художественные — орудия и другие вещи, такие, например, как кинжалы, клевцы (боевые топоры), копья, различные типы ножей, шилья, булавки, всевозможные украшения, зеркала и т. д. Для своего выполнения все это требовало большого умения и навыка. Поэтому среди членов рода выделились особые мастера — металлисты. На орудиях, выплавленных ими, они ставили свои особые знаки — клейма, которые должны были говорить о том, что та или иная вещь сделана данным мастером.

В хозяйстве, как мы уже видели, господствовало скотоводство и земледелие. Земля обрабатывалась главным образом бронзовыми мотыгами, насаживавшимися на искривленную деревянную рукоятку. Возможно, что уже появились и деревянные сохи без металлических лемехов.

Урожай собирался серпами и косами и размалывался на ручных жерновах — терках. Одним из наиболее распространенных злаков являлось просо, обугленные зерна и шелуха которого не раз находились в древних курганах этой эпохи, получившей в науке название тагарской культуры.

Скот давал мясные и молочные продукты, кожу и шерсть.

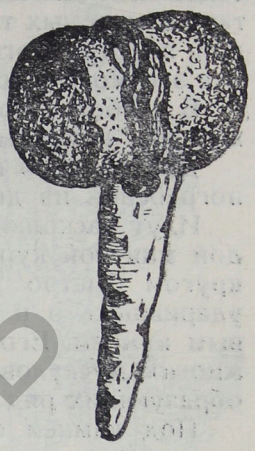
Последняя трепалась особыми бронзовыми гребнями, и из нее ткались ткани и делались войлоки.

Мы видели уже, что разделение труда между родами вызывало обмен и военный грабеж.

ЭР03134

Разделение труда внутри рода между отдельными его членами, основанное на растущей технике, позволявшей работать теперь не коллективно, а в одиночку, противоречило общественному хозяйству рода.

Такое положение, при котором каждый трудился сам по себе, а все продукты, все изделия шли в общее пользование рода, долго не могло сохраняться.

Каменный молот для раздробления руды.

Частный труд вызвал появление частной собственности. Род разбился на отдельные семьи, из которых каждая вела свое особое хозяйство.

С возникновением частной собственности появилось стремление к наживе, к захвату и накапливанию все больших и больших богатств.

Пользуясь своим положением, родовые старейшины начали присваивать себе родовое имущество, обирая своих сородичей и богатея за их счет.

Для защиты от набегов соседних родов, а равно ради нападения на них с целью грабежа, начали выделяться отдельные группы воинов и их вождей.

Хорошо вооруженные, полные корысти и жажды богатства, они нападали на мирных жителей, разоряли их, грабили, уводили в плен и обращали в рабов.

Так в Сибири, как и везде, начало развиваться неравенство между людьми и начал за счет неприкрытого грабежа и насилия выделяться господствующий класс поработителей.

Обо всем этом тоже рассказывают древние могилы, кропотливо вскрываемые и изучаемые учеными-археологами.

Эти могилы даже по внешнему своему виду не похожи на знакомые нам карасукские погребения, состоявшие, как мы помним, из слипшихся вместе и неразрывно связанных в одно целое оградок.

Теперь покойников стали хоронить в курганах.

Этих курганов тоже очень много рассыпано по хакасским степям и алтайским предгорьям. Курганы несколько иного типа встречаются вообще по всей южной Сибири. Они имеют вид невысоких земляных насыпей, похожих на лепешки, обставлены квадратными низкими оградками из песчаниковых плит, стоящих на ребре. На углах торчат вверх

ЭР03134

высокие, серые, подернувшиеся зеленоватой дымкой лишайников камни.

Когда род начал разбиваться на отдельные замкнутые в своем хозяйстве семьи, тогда и карасукские родовые могильники стали видоизменяться, рассыпаясь на множество отдельных семейных усыпальниц — курганов. В подобных — так называемых тагарских — курганах обычно бывает по одной, две, три могилы. Большее их число встречается редко. Все это могилы одной семьи.

В наиболее древних из них покойники лежат в деревянных или каменных ящиках.

Для примера попробуем проникнуть в несколько таких погребений из двух разных курганов.

Идут раскопки. Рабочие дружно бросают землю. С каждой минутой курган становится все ниже и ниже, но зато кругом быстро вырастают горы. Лопата звонко стучит, ударившись о плиту, являющуюся громадным, многопудовым камнем. Его можно сдвинуть только единым усилием многих мускулов при помощи длинных и крепких жердей, образующих ряд рычагов.

Под камнем открывается могила в виде ящика, выложенного из песчаниковых плит. Осторожно и медленно раскапывается в нем земля.

Приближаясь к покойнику, начинают работать вместо лопат ножами.

В земле обрисовываются очертания скелета. Вот череп, своими мертвыми, пустыми, черными глазными впадинами смотрящий вверх, на открывшееся голубое небо. Расчищаются ребра.

Ножик аккуратно скользит по большим костям рук, вытянутых вдоль туловища. Сейчас надо быть особенно осторожным, для того чтобы случайно не сдвинуть мелкие косточки кисти руки.

В черной земле обнажилось нечто зеленое. Это клевец, лежащий у правой руки. Клевцы служили древним людям в качестве боевых топоров.

Наконец очищены от приставшей земли кости таза и ног. На том месте, где обычно носят пояс, лежат круглое, гладко заполированное бронзовое зеркало и остатки кожаного чехла с ножом и шилом, а ниже, между ногами, — красивый кинжал. Вероятно, он свешивался от пояса на каком-нибудь ремне.

Около черепа на черной земле, ярко и весело играя своей желтизной, блестят золотые бляшки, скатившиеся со лба.

ЦБГПЕ
ГР03134

Они когда-то были нашиты на ленту и украшали в виде диадемы голову.

Два-три горшка поставлены в углу гроба. В одном из них находятся кости животного. Это остатки пищи, клавшейся в могилу вместе с покойником. Сбоку найдено несколько бронзовых стрелок.

В том же кургане, рядом с описанным погребением, есть еще и вторая могила. В ней тоже лежит костяк, но не мужской, а женский. Вероятно, это жена первого. В могиле горшки с пищей, зеркало, нож, золотые бляхи, красивые разноцветные бусы.

А вот погребение из другого кургана.

Покойник лежит в таком же каменном ящике. Ему просторно в своем крепком гробу, так как в нем нет ничего, кроме небольшого горшка и медной кругленькой пуговки, которой была застегнута, вероятно, дырявая одежонка.

Это не единичное погребение. Таких большинство.

Оленья маска для лошади.

При сравнении всех погребений этого времени становится ясным, что среди погребенных были богатые и бедные.

В одни могилы наложили щедрой рукой различные вещи, золото, драгоценные украшения, оружие, в то время как в других бедность проглядывает даже сквозь кости.

Раньше, при коллективном хозяйстве, когда все члены рода были равны друг другу, этого не было.

Эти могилы ясно рассказывают о том, как с развитием частной собственности развивалось и классовое неравенство.

Благодаря изучению таких могил мы видим, что богатые вещи находятся с теми людьми, с которыми при погребении положено оружие, служившее для грабежа и насилий.

ЭР03134

Все это с несомненностью свидетельствует о классовом расслоении общества, о выделении военной знати и военных дружин, господствовавших над остальным трудовым населением.

Теперь богатства и власть сосредоточивались в руках немногих лиц, опиравшихся на военную силу. Огромное большинство населения было обречено на самое жалкое существование.

Мы уже видели, что грабеж является непременным спутником частной собственности. Его следы запечатлелись во многих могилах этой эпохи. Погребения нередко бывают явно разграбленными. Воры обычно проникали в могилу сбоку, подкопом, так как они не имели возможности незаметно поднять тяжелую и большую верхнюю плиту.

Все ценности они вытаскивали через эту лазейку. Грабили, видимо, вскоре после того, как умерший был похоронен, тогда, когда мягкие части тела не успевали еще окончательно сгнить. Об этом можно судить по тому, что в грабительских ходах часто находятся кости рук или ног, лежащие в полном порядке по отношению друг к другу, но далеко оттащенные в сторону от всего трупа. Грабители, если они рылись бы здесь через несколько лет после смерти покойного, неизбежно должны были бы разбросать все кости в полном беспорядке. Кости ноги можно оттащить в сторону, не нарушив их соотношения друг с другом, только тогда, когда они еще связаны мышцами.

6. Могилы вождей скотоводов на Алтае

Особенно большие богатства сосредоточивались в руках военных вождей скотоводов. Не связанные землей, подвижные кочевники совершали свои опустошительные набеги на мирных земледельцев, жгли поселки, грабили имущество и брали пленных, обращая их в рабов.

Горные долины высокого и неприступного Алтая, покрытые сочной луговой травой, являлись одним из основных районов развивавшегося скотоводства.

Грозные вожди алтайцев, господствовавшие над своими сородичами, должны были являться бичом и для всех близживущих народов.

Кичась в жизни силой и роскошью, они стремились увековечить свою славу изысканной пышностью и после смерти.

ЭР03134

Среди молчаливо-угрюмых алтайских высот встречаются их одинокие могилы, окруженные погребениями подвластных людей. Это огромные курганы, достигающие пятидесяти метров в диаметре, сложенные из каменных глыб. Над их сооружением трудились сотни рабов.

Нелегко было деревянными заступами выкапывать обширные и глубокие ямы. Для привоза камней надо было немало животных ставить в ярмо.

А сколько приходилось затрачивать труда для складывания этих холмов, долженствовавших на многие века сохранять в памяти у потомства имена и военные доблести деспотов!

Но.. вспомним слова поэта А. К. Толстого:

В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит;
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.

**
*

Когда же его схоронили
И шум на могиле затих,
Певцы ему славу сулили,
На гуслях гремя золотых:
«О, витязь, делами твоими
Гордится великий народ!
Твое громоносное имя
Столетия все перейдет!
И если курган твой высокий
Сравнялся бы с полем пустым,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганом твоим!»
И вот миновалися годы,
Столетия вслед протекли,
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли;
Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сравнялся с землею,
Попрежнему гордо стоит;
А витязя славное имя
До наших времен не дошло.
Кто был он? Венцами каким
Свое он украсил чело?
Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?
И смертью погиб он какою?
И в землю опущен когда?
Безмолвен курган одинокий,
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит.

ЭР03134

Безмолвны и забыты стоят курганы и первых алтайских вождей-деспотов. Только теперь, через две тысячи лет, археологи заставляют их заговорить вновь, заставляют раскрыть свою тайну.

Вот один из таких курганов, недавно раскопанный М. П. Грязновым в урочище Пазырык. В нем прекрасно сохранились даже деревянные вещи, так как они находились в слое вечной мерзлоты.

Могильная яма достигает четырех метров глубины. Это целое подземелье с площадью в пятьдесят два квадратных метра. В нем был из бревен сложен сруб, а внутри сделан из отесанных топором досок второй. Промежуток между стенами засыпан камнем. Пол настлан так же из досок. Стены внутренней комнаты были завешаны большим войлочным ковром, украшенным каймой из разноцветных кусочков тонкого войлока, с изображениями головы тигра.

Для трупа в камере стоял большой саркофаг, оклеенный черемуховой корой и украшенный вырезанными из кожи фигурами птиц.

К сожалению, гроб здесь оказался пустым, так как погребение было расхищено проникшими, вероятно вскоре после похорон, грабителями. Повидимому, и покойник был вытащен со всем одеждами наверх, где удобнее было снять с него ценные украшения.

За пределами сруба, в могильной яме, лежали убитые для покойника лошади. Они должны были служить своему хозяину и в загробной жизни. Это были прекрасные кони хорошей породы. С ними вместе лежали седла. Эти наиболее древние из известных нам седел сделаны без какой-либо твердой деревянной основы и совершенно не имеют стремян. Две мягких кожаных подушки, сшитых вместе и привязанных широким ремнем к брюху лошади, — вот и седло.

Чтобы оно не скатывалось назад, к подпруге привязан нагрудный ремень, поддерживаемый ремнями, перекинутыми через шею лошади; чтобы оно не сползало вперед, сделан подхвостник.

Седло, его ремни и узда богато украшены. На покрышках, по цветному войлоку, даны тонкие апликации из кусочков раскрашенной кожи, изображающие сцены борьбы животных: львы или другие хищники, пожирающие козлов и оленей.

Разнообразные бляхи, вырезанные из дерева и покрытые листочками золота, украшают уздечки и ремни. Художест-

венность выполнения и тонкость работы вызывает изумление.

На лошадях были надеты маски в виде голов оленей.

Трудно объяснить загадку, почему знатный владелец коней захотел превратить их в оленей.

Возможно, что в этом обычае кроются пережитки еще большей древности, далекие отголоски тех времен, когда лошадь еще не была приручена и единственным домашним животным, возможно, являлся олень. Силы традиции обычно бывают сильны. Олень, утратив экономическое значение, сменился богатырским конем. Но старый религиозный обряд требовал заклания оленя, и тогда любимых княжеских лошадей стали наряжать в оленьи маски.

В других могилах знатных алтайских кочевников тоже было найдено много предметов быта, одежды, различных тканей и пр., позволяющих в общих чертах представить себе картину жизни вождей.

Вот в горной степи, пожелтевшей под дуновением холодных осенних ветров, раскинулся стан. В центре его, возвышаясь над всем окружающим, расставлена юрта, ярко играющая на солнце пестрыми войлоками, расшитыми изображениями фантастических животных.

Вход завешан красочными шелками, привезенными из далекого Китая.

Невдалеке работают люди. Это рабы. Они суетливо заняты приготовлением еды для пира.

Некоторые свежуют баранов, ловко снимая с них шкуры. Другие насаживают туши на вертело и подрумянивают их над кострами.

Жидкая пища кипит в больших медных котлах на высоких конических поддонах, поставленных в огонь.

За работой присматривают капризно-взыскательные и крикливые княжеские жены и наложницы. Они одеты в богатые одежды.

Сам князь ласкает своего любимого коня. Он одет в темнооливковую шелковую одежду на собольем меху, по краям украшенную кожей и кусочками золота.

Приближенные, дружинники, соратники в грабежах и войнах почтительно толпятся вокруг своего вождя.

На некотором расстоянии от роскошной княжеской юрты и более скромных юрт его близких слуг расположились убогие шалаши, сложенные из коры и ветвей. Такие жилища простого народа и до сих пор сохранились у бедняков в Саянских горах.

ЭР03134

Люди, одетые в короткие овчинные шубы, поглощены трудом.

Вот они садятся на мелких, шустрых лошадок и скачут к многоголовому стаду. Там их скота очень мало, но за подачки они должны присматривать за огромными табунами вождя.

Тяжелые клади везут на запряженных в ярмо животных.

Истощенные женщины доят княжеских кобылиц. Некоторые из них вместе с детьми, вооружившись копалками, рыскают по пригорку в поисках сараны и других диких растений, пригодных для пищи.

Какой-то бедняк уселся перед норой суслика и разжигает огонь. Он надеется выгнать зверька, убить его и употребить в пищу.

Так можно представить себе быт алтайцев за две с лишком тысячи лет назад.

7. В земледельческом поселке

К северо-востоку от алтайских кочевников, в широкой минусинско-хакасской котловине, через которую течет Енисей, в это же время расселялось немало земледельческих родов.

Люди жили здесь небольшими оседлыми поселками. На одной из скал древний художник нарисовал вид такой деревушки.

Раскопки стоянок также дают немало материалов для характеристики их быта.

Раскиданные по берегам рек, эти поселки состояли из небольших, иногда около пяти квадратных метров, бревенчатых изб с высокими пирамидальными крышами.

В жилище вела низкая дверь. Около дома делалась загородь, служившая скотным двором. Животные, пасущиеся летом на подножном корму, зимой содержались в этих хлевах.

Поэтому приходилось заботиться о заготовке сена. В летние дни на душистых поемных лугах косили траву медными косами.

Они не были похожи на наши. Маленький широкий клинок привязывался к короткой палке, которую во время работы держали одной рукой.

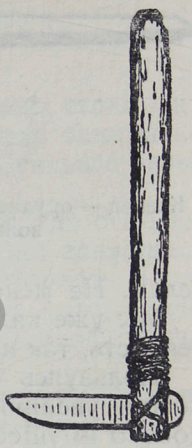
До сих пор в глухих местах нашего севера сохранились

ЭР03134

косы, похожие на эти, называемые горбушами. Только они железные.

Для обработки земли под посевы служили мотыги, но вполне возможно, что уже начали применяться и деревянные сохи.

Поселяне, разбитые на отдельные семьи, имевшие свои небольшие хозяйства, были тесно связаны в общины благодаря общности работы по расчистке леса под пашни в притаежных районах и проведению канав для орошения полей в подверженных частым засухам степях.

Реконструкция бронзовой косы.

Близ деревни длинными грядами тянулись пашни. Из рядом текущей речки небольшими канавами — арыками — отводилась вода, необходимая для орошения.

Вблизи поселков обычно располагались большие курганы, имевшие вид круглых земляных насыпей.

В этих надмогильных холмах односельчане, связанные общим трудом и интересами, совместно погребали своих умерших.

Эти курганы, видимо, были коллективными сельскими кладбищами. Все жители такого поселка совместным трудом вырывали глубокую и обширную яму, в которой ставили бревенчатый сруб. Когда кто-нибудь умирал, труп сжигали и кости клали туда.

Расчетливые, экономные и бережливые наследники стремились сохранить для себя все имущество, остававшееся после умершего.

Вероятно, поэтому перестали класть вместе с покойником его вещи. Ножи, кинжалы, зеркала, всякий скарб годились в хозяйстве.

Покойник мог обойтись и без них, но, чтобы его не обидеть, для него специально изготовлялись поддельные вещи — те же кинжалы, ножи и т. д., но маленькие, как бы игрушечные, небрежно и грубо изготовленные.

Сруб заполнялся трупами постепенно, по мере умирания людей.

Только когда он был достаточно набит мертвецами, его поджигали и, забрасывая землей, насыпали курган. В такие курганы клалось иногда свыше ста погребенных.

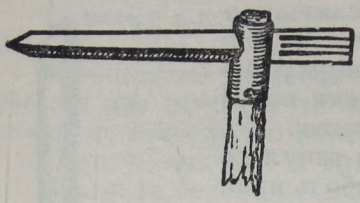
Для алчных вождей скотоводов мирный земледельческий труд всегда являлся хорошей приманкой. В целях грабежа

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

и легкой поживы они, вероятно, нередко совершали сюда набеги.

Односельчане, вынужденные защищаться, укрепляли свои поселения и обносили их валами и рвами.

Так создавались городища, бывшие очень удобными и необходимыми для обороны в минуту опасности при нападении хищников.

Клевец — орудие древнейших войн.

Подобные городища, служившие для защиты не только людей и имущества, но и для прикрытия пашен, были исследованы близ речки Ербы археологом С. В. Киселевым.

Но не только с кочевниками приходилось бороться их жителям. Не менее страшный враг был и среди них самих.

Мы уже видели, что как только появилась частная собственность, так начало развиваться неравенство между людьми.

Пользуясь своим положением, родовые старейшины и вожди увеличивали свои богатства за счет присвоения родового имущества. Бедняки должны были обращаться к ним нередко с просьбой о помощи и попадали при этом в кабалу.

Вероятно, и земельные наделы, как это наблюдается у всех народов, под тем или иным предлогом богачи присваивали себе, благодаря чему становились еще сильней и богаче.

Они также захватывали и военные функции, выступая в роли вождей и дружинников. Сосредоточивая в своих руках военную силу, они получали возможность не только экономического, но и чисто физического господства среди соплеменников.

Вот, например, у реки Ербы было два поселения, пашни которых орошались водой, отведенной из речки по искусственным арыкам.

Вожди захватили себе участок земли в верховьях речки и укрепились на нем в небольшом городище. Этим самым жители обоих поселков всецело попадали в их руки.

В случае каких-либо несогласий или неповиновения захватчики могли отвести плотиной воду и погубить все посевы.

Окончательно ставя этим в зависимость все население, они могли беспрепятственно распоряжаться всем, могли бо-

ЭР03134

гатеть, собирая налоги и подати, могли у трудящихся присваивать часть их рабочего времени.

Так около двух тысяч лет назад в южной Сибири начали складываться феодальные отношения.

8. Как и почему роды объединялись в племена и народы

Теперь мы знаем, как и почему разные роды стали жить по-разному. Мы видели, что одни из них стали заниматься главным образом скотоводством, а у других сильнее развивалось земледелие.

А некоторые из них жили в таких местах, где особенно много было залежей различных металлов. Они занялись, в свою очередь, их разработкой и начали изготовлять многочисленные металлические орудия и украшения, которые сначала делали из меди и бронзы, а затем понемногу начали делать и из железа.

Благодаря такому разделению труда у одних был постоянно излишек кожи, шерсти и молочных продуктов, но недоставало хлеба и металлических орудий; у других, наоборот, было много хлеба, но мало продуктов скотоводства, и наконец у третьих мало того и другого, но зато они не знали, куда им девать свои металлические изделия.

Все это заставляло отдельные, раньше разрозненные роды вступать в более тесные связи друг с другом.

Все больше и больше начинал налаживаться обмен.

Конечно больше всех им могли заниматься богачи — старейшины и вожди. Где они не могли захватить чужое имущество просто грубой силой, там им приходилось выступать в качестве торговцев.

Выделявшиеся небольшие военные дружины, жившие боевой добычей, начинали наравне с разбоем вести торговлю.

Видимо, появились специальные торговые караваны, часто посещавшие очень удаленные друг от друга земли. Вооруженные купцы, не брезгавшие при случае военным грабежом, начинали попадаться в Сибири все чаще и чаще. Трудно им было ездить в тогдашних условиях и при тогдашних путях сообщения. Единственными дорогами были реки. Вот по ним на небольших лодках воины-купцы и развозили свои товары.

Если в то место, куда они хотели добраться, река не текла, то тогда они выходили на сушу и пробирались через

ЭР03134

леса и горы, таща на себе лодки и всю поклажу, продвигались волоком до другой реки. Очень часто на подобные караваны совершались нападения.

Тогда торговцам приходилось защищать свое имущество, а в случае крайности прятать его, зарывая в землю.

Наверное, часто хозяева таких кладов погибали, прежде чем успевали их вырыть.

И вот теперь нет-нет да и находят в земле эти зарытые в те времена клады. В них бывают самые разнообразные вещи, как, например, кинжалы, стрелы и пр., сделанные в Хакассии и на Алтае, роскошные медные зеркала, завезенные из далекого Китая, фигурки различных священных животных, изготовлявшиеся в Приуралье и на севере Сибири.

Раньше каждый род жил своим особым, замкнутым хозяйством, до других родов ему не было никакого дела.

В это время потребность в обмене заставляла людей общаться друг с другом, заключать между собой различные договоры, объединяться в общем хозяйстве, связанном одно с другим.

Благодаря этим связям отдельные роды начали объединяться в племена и народы, у которых понемногу складывались общие обычаи и нравы, общий язык и даже одинаковый внешний тип.

Военно-грабительские набеги также содействовали образованию племен.

Отдельным слабым родам в целях защиты от нападения неприятельских военных дружин приходилось объединяться. С другой стороны, между родами заключались союзы и для совместного нападения.

Все эти войны разоряли основную массу населения, но зато они обогащали выделившуюся знать, присваивавшую себе военную добычу.

Чтобы заставить воевать подвластных себе людей и в то же время свободнее их эксплоатировать, вожди всячески начинали пропагандировать идеи единства своего народа, искусственно раздувая взаимную вражду и ненависть между отдельными племенами.

9. Исчезнувший народ

Какой же это был народ, который оставил нам все описанные памятники, содержащие бронзовые орудия и так четко рассказывающие о возникновении классов? Как он

ЭР03134

Погребение воина-динлина.

выглядел? Как назывался? Живут ли его отдаленные потомки до сих пор?

И на эти вопросы мы можем получить кое-какие ответы.

Вот перед нами многочисленные человеческие кости, вынутые из этих древних могил.

Между отдельными скелетами различных людей есть много общих черт, говорящих за то, что по своему внешнему типу все они принадлежали к одному и тому же народу.

Они совсем не были похожи на современных жителей южной Сибири.

Населяющие ее сейчас татарские (тюркские, как их обычно называют) племена имеют невысокий рост, широкие, скуластые лица, несколько приплюснутый нос, круглую форму головы, прямые и жесткие черные волосы.

А этот таинственный древний народ выглядел совсем иначе.

В те отдаленные времена здесь жили люди довольно высокого роста. Скулы у них были сравнительно небольшие.

ЭР03134

На лице резко выделялся крупный горбатый нос. Голова имела удлиненную форму.

Но, кроме костей, этот народ оставил нам и свои мумии.

По мере выделения знати, гордым богачам и вождям все более и более жалко становилось расставаться с роскошной жизнью. А ведь они верили в душу и верили в загробную жизнь.

Довольные своей земной жизнью, они, естественно, должны были бояться того, что их душа останется без сытого, упитанного, выхоленного тела.

Тогда, в первых веках нашей эры, они начали стремиться всеми силами сохранить тело покойника.

Иногда они делали из него мумию — вынимали все внутренности и приготовляли труп так, чтобы он сгнивал возможно медленнее.

Но делать это как следует, как, например, делали древние египтяне, они не умели.

Поэтому в большинстве случаев они поступали иначе. Покойника начали сжигать, но, чтобы дать место душе, где она могла бы поселиться, лепили из гипса маски, изображавшие умершего. Эти маски клались в могилу.

Благодаря этому обычаю мы теперь знаем, как тогда выглядели живые люди.

Они имели голубые глаза и русые волосы.

Лицо часто покрывали татуировкой или, вернее, накрашивали на нем краской различные узоры.

Но эти данные говорят только о том, как выглядел этот таинственный народ.

А как же он назывался?

Мы уже знаем, что в это время начала развиваться торговля. Многочисленные торговые караваны проникали в очень отдаленные страны, вплоть до Китая. Оттуда в обмен на скот, пушнину и золото шли всевозможные предметы роскоши, украшения, дорогие ткани.

Благодаря торговым сношениям китайцы, обладавшие уже к тому времени довольно высокой культурой и имевшие свою письменность, были хорошо знакомы с этим народом.

Древние китайские летописцы указывают, что в это время где-то на юге Сибири жили динлины, известные также под именем Бо-ма.

По этим данным динлины «имели рыжие волосы, румяные лица и голубые глаза». В других местах летописей есть даже указание и на горбатый нос.

ЭР03134

Про быт северных Бо-ма в китайской летописи «Тан-шу» написано:.

«Они ведут кочевой образ жизни; предпочитают селиться среди гор, поросших хвойным лесом, пашут лошадьми; все их лошади пегие, откуда и название страны — Бо-ма, что значит «Пегая лошадь»...

Дома строят из дерева. Покровом деревянного сруба служит древесная кора. Они делятся на мелкие кланы (роды) и не имеют общего начальника».

Вот видите, как изумительно совпадает описание древних китайских летописей с теми данными, какие получает наука благодаря археологическим исследованиям. У сибирских татар даже до сих пор сохранились некоторые предания об этом народе. Так, известна сказка об урсассах, которых называют ак-корок, то есть белыми и белоглазыми. По этой сказке они были первоначальными жителями края, до поселения в нем тюрков.

10. Хакасское государство VII—XIII веков

Особенно сильными были племена кочевников, жившие на необозримых просторах центральноазиатских степей. Усиленно расширяя свои владения, они в первых веках нашей эры захватили под свою власть южносибирских динлинов.

Вероятно, долгой и упорной была борьба между этими двумя народами, но в конце концов в ней победили центральноазиатские тюрки.

Часть динлинов, теснимая ими, должна была уступить свои земли и отодвинуться в тайгу и горы или податься на север.

Еще и сейчас в наиболее глухих местах среди южносибирских татар встречаются отдельные люди, отличающиеся горбатым носом, светлыми волосами и глазами.

Часть динлинского населения конечно осталась на месте и постепенно перемешалась со своими завоевателями.

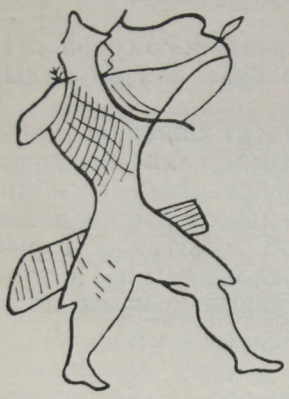
От смешения пришедших тюрков с динлинами в верховьях Енисея образовалась новая народность — хакасы.

Богачам и вождям надо было закрепить свою власть, чтобы иметь возможность сильнее эксплоатировать трудовое население как своего, так и побежденного народа. И вот уже к VII веку нашей эры здесь окончательно сложилось хакасское феодальное государство.

Феодалам была необходима его организация, так как при

классовом обществе господствующий класс неизбежно должен постоянно подавлять сопротивление со стороны угнетенных классов.

А всякое государство как раз и является организацией господствующего класса, направленной на подавление этого сопротивления.

Хакасский воин. (Древний рисунок на скале.)

Хакасское княжество было особенно сильно до XII века, когда оно распалось под натиском монголов.

До этого же времени даже китайские императоры в своей политике должны были считаться с Хакассией, заключая с нею союзы. Бывали случаи, что богдыханы «Великой небесной империи» были вынуждены снисходить до того, что для закрепления дружбы с хакасским князьями, называвшимися ажо, выдавали за них замуж своих принцесс.

Система управления этим государством была типично феодальной. Во главе правительства стоял ажо — великий князь. Его роскошная ставка, состоявшая из множества богатых юрт, раскинулась на сочных лугах среди неприступных Саянских гор.

Масса придворных и богатырей окружала могущественного князя. Огромные табуны лошадей и стада овец, коров и верблюдов, принадлежавших лично ему, под присмотром многочисленных пастухов и рабов паслись на тучных пастбищах. Множество хакасских крестьян и ремесленников изнывало от непосильного труда, обогащая князя.

Его помощники были такие же, но только более мелкие феодалы. Все они, в зависимости от своего значения и богатства, имели тот или иной чин. Так, было семь министров, три главноначальствующих, десять управителей. Все они руководили войсками. Более мелкими чиновниками являлись пятнадцать делопроизводителей и значительное количество предводителей и доган, бывших старшинами отдельных родов.

Помимо этих административных чинов большое значение имело дворянское происхождение. Так, у очень близких хакассам киргиз выделялся своей зажиточностью низший дворянский слой — ходжи; большим почетом пользовались баи — потомки военной знати, богатырей, и наконец осо-

ЭР03134

бо привилегированное положение занимали салтаны — потомки князей и военачальников.

Населения в хакасском государстве насчитывалось несколько сот тысяч, причем войско доходило до восьмидесяти тысяч человек.

Хозяйство хакассов древние китайские летописи описывают так:

«Сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень. Муку мелют ручными мельницами; хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне (апрель и октябрь).

Вино квасят из каши.

Нет ни плодов древесных, ни овоща огородного.

Хакасские жернов и сошник.

Лошади плотны и рослы. Лучшими считаются те из них, которые сильно дерутся.

Есть верблюды и коровы, но более коров и овец.

Богатые землепашцы водят их по нескольку тысяч голов».

На полях богачей работало множество бедняков, проводивших оросительные каналы и возделывавших примитивными сохами и железными мотыгами землю своих господ. Там, где занимались земледелием, летом жили в одних местах, около пашен, а на зиму перекочевывали в открытые степи, туда, где было больше подножного корма для скота [1].

Кроме того хакасскими князьями было завоевано немало племен, живших в труднопроходимых лесах и занимавшихся охотой.

Эти народы должны были платить своим победителям подать — ясак, отдавая им значительную часть своей добычи — соболиных и беличьих шкурок.

Ввиду кочевого образа жизни жилища делались легкоподвижными.

---

[1] Так, историк XVII века Фишер рассказывает о сагайцах, что они летом пахали пашни у реки Томи, а на зиму перекочевывали на реку Ию.

У богатых кочевников это были круглые войлочные юрты, а бедняки делали себе чумы. Для этого ставились конусом длинные жерди и сверху покрывались корой, сверх которой зимой накладывали иногда увядшую траву.

Их одежду китайские летописи описывают так:

«Меха собольи и рысьи составляют богатое одеяние. Ажо зимою носит соболью шапку, а летом шляпу с золотым ободочком, с коническим верхом и загнутым низом.

Прочие носят белые валяные шляпы. Вообще любят носить на поясе точило.

Низшие одеваются в овчинное платье и ходят без шляп».

Для шитья употреблялись нитки, сделанные из волокон дикорастущего татарского льна и крапивы.

Из этих же нитей делались и тетивы для луков.

Из растущей почти повсеместно желтухи плели циновки, на которых сидели и спали.

В юртах была страшная нечистота.

Грязь почти не убиралась. Все отбросы пищи бросались тут же, около жилищ.

В одежде и мехах, подстилаемых под себя для спанья, водилось множество паразитов, иногда размножавшихся в таком количестве, что даже привычные к ним тогда люди не имели сил больше терпеть. Так, легендарный алтайский богатырь Мустаг бросил свою жену Катун за ее вшивость.

Из-за такой грязи и неуменья бороться с болезнями множество людей погибало от свирепствовавших эпидемий. Особенно свирепствовала оспа. Люди представляли ее себе в виде страшных змей, незаметно подбиравшихся к ним. Считали, что с ними могли справиться только богатыри. Подобные подвиги и приписывались им в легендах, где, например, богатырь Туралыг борется с оспой, хотевшей подобраться к нему в образе двух змей.

Эпидемии косили не только самих людей, но и скот.

Падеж скота особенно болезненно отражался на бедняках-кочевниках, нередко лишавшихся последних средств к существованию.

Богачи и в таких случаях умели уберечь себя от разорения. Под видом благодеяния они за всевозможные услуги раздавали часть своих многочисленных стад на содержание беднякам.

В случае падежа скота или расхищения его врагами они требовали отданных животных обратно, отбирая в придачу и весь приплод.

Нередко бедняки, у которых скот также легко мог по-

ЭР03134

гибнуть от той же эпидемии или в войне, должны были за это «благодеяние» оставаться без крова и итти в полное рабство к богачу-баю. Таким образом богатые люди посредством своих «благодеяний» как бы страховали свой скот от всяких несчастий, а к тому же закабаляли еще свободную часть населения.

Богатыри-богачи беспрестанно воевали друг с другом, захватывали один у другого земельные угодья, скот и подчиненных людей, которых обращали в рабство. Они во время этих походов обогащались путем грабежа населения.

★

Быстро текли мутные воды реки Абакан. Где-то вдали, в его вершинах, синели в туманной дымке зубчатые вершины гор Алатау, но зато здесь, по берегам, зеленела сочная степь, залитая ласкающими солнечными лучами.

Издали она кажется усыпанной бесчисленным количеством черных точек. Это многоголовые стада овец, коров и лошадей разбрелись по равнине. Все они принадлежали богатырю Кара-Кану. Множество пастухов присматривало за ними. Вот из чернеющего вдали леса вынырнуло несколько человеческих фигур, ехавших верхом на конях. Впереди скакал всадник, одетый в яркомалиновый, шитый из китайского шелка халат с отороченной соболем шапкой на голове. Сбоку висела у него красивая сабля с костяной, инкрустированной золотом рукояткой, а за плечами кожаный колчан, наполненный оперенными стрелами. Богатое убранство конской сбруи и седла поблескивало серебром на солнце.

Шумно двигались сзади него спутники, везя с собой нескольких косуль, убитых во время веселой охоты. Это хозяин всех окружающих богатых земель и скота возвращался домой, в свое кочевье, раскинувшееся на берегу реки.

Здесь расположились несколько больших войлочных юрт, окруженных значительным количеством берестяных шалашей, служивших для жизни простого народа.

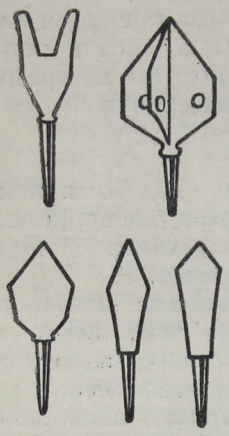
Кара-Кан подъехал к наиболее общирному и богатому из жилищ. Быстро распахнулись деревянные, раскрашенные яркими красками двери юрты, и навстречу своему супругу и господину выбежало несколько жен, шуршащих по траве длинными подолами платьев и позванивающих монетами.

Один из приехавших первым соскочил с коня и придержал стремя богатыря, когда он грузно опускался на землю. Слуги сейчас же подхватили повод и отвели лошадь.

ЭР03134

Молодая и любимая жена низко поклонилась и затем обвила руками шею своего мужа, приветствуя его.

Кара-Кан, окинув быстрыми черными узкими, как щелки, глазами свое кочевье, заметил у врытой в землю коновязи двух нерасседланных, не знакомых ему, но богато убранных яркорыжих коней.

Наконечники хакасских стрел.

— Кто это приехал? — спросил он жену.

— Не знаю, господин, — отвечала она, — это какие-то два богатыря приехали к тебе. Я дала им еды и питья, но они не говорят, откуда они, а ждут твоего возвращения.

Князь ускорил шаги и вошел в юрту. В ней, на полу, подстелив под себя пестро расшитые войлоки, сидели приехавшие. Это были совсем молодые люди. На них, поверх халатов, были надеты панцыри, составленные из тонких железных пластинок, скрепленных друг с другом ремешками. Бронзовые лица смотрели надменно и вызывающе.

Кара-Кан, тоже не сняв оружия, молча уселся против них, ловко подвернув под себя одетые в мягкие сапоги ноги и выдвинув вперед, на вид, рукоять сабли.

— Откуда вы, молодые богатыри? — наконец, передернув губами, спросил он незванных гостей. — Из каких далеких краев приехали в мои земли и зачем? Есть ли у вас к нам какое-нибудь дело, или просто проездом решили посетить мои юрты?

— Мы, богатыри, — братья, славный Кара-Кан, — отвечал один из молодых людей. — Зовут нас Ай-Тас и Кюн-Тас, а лошади у нас кровяно-рыжие. Земля наша находится в далеких странах и принадлежит нашему господину, великому богатырю Сарыг-Кану, который и послал нас в твои владения. Он велел передать тебе, Кара-Кан, чтобы ты отдал ему весь свой скот и всех своих людей и сам шел бы к нему. Если ты не сделаешь это добром, то он силой пригонит весь твой народ к себе.

Гордый хозяин еле сдерживался выслушивая самонадеянную речь. Его пухлые щеки начинали покрываться румянцем, а веки глаз нервно подергивались.

При последних словах он не выдержал и схватился было

ЭР03134

за рукоять сабли, но сейчас же сдержался, вспомнив долг гостеприимства. Только глаза продолжали поблескивать злобным огнем и то и дело метали пронизывающие молнии в незваных гостей.

Закусив губы, он начал выдавливать из себя скрипучие слова, медленно отчеканивая их:

— Славные братья-богатыри Ай-Тас и Кюн-Тас! Садитесь вы на своих кровяно-рыжих коней и поезжайте к своему господину, великому богатырю Сарыг-Кану. Скажите, что я сам приеду к нему через семь дней. Пусть Сарыг-Кан вооружится лучшим оружием и наденет свои лучшие одежды и ждет меня. Не он, а я уведу его народ и стада к себе.

Кончив, Кара-Кан оперся на саблю и грузно встал. Посланцы также поднялись и, гремя оружием, вышли из юрты.

Воевать богатырям было нетрудно, так как воинов они набирали из подвластного им народа. Каждый из призванных должен был явиться вооруженным и с двумя или несколькими из своих лошадей. Поскольку каждый содержал себя сам, такое войско хакасским князьям ничего не стоило, а обещало немалую добычу и обогащение.

★

В мирное время любимым занятием богатырей была охота на диких зверей и птиц. Значительную часть убитой дичи они в знак особой милости раздавали своим подчиненным. Домашние работы считались недостойным занятием и возлагались на женщин, рабов и бедняков.

Сидя в юрте, богатыри или оперяли стрелы, или играли на четыгане, особом струнном инструменте, или спали.

Жена богатыря обычно представляется в преданиях как верная советница и подруга жизни своего мужа. Однако богатырь часто не слушается ее, и если он очень сердит, то хватает ее за косы, таскает по юрте и сильно бьет кнутом или шестом до тех пор, пока она не лишится чувств.

Поскольку вся тяжесть работ по хозяйству возлагалась на женщин, жена ценилась прежде всего как работница. Мужчина поэтому, чтобы жениться, должен был выплатить калым родителям невесты. Выплачивался он обычно лошадьми или овцами. При этом богатые давали за жену по сто и по тысяче голов скота.

Очень часто богатыри не хотели или не могли оплатить калым и тогда завоевывали силой облюбованную девушку.

На этой почве нередко разыгрывались кровавые драмы. Вот, например, что рассказывает одна из легенд.

ЭР03134

★

Среди богатых горных пастбищ, в юрте своих родителей, жила девушка Ия. Ее черные, блестящие длинные косы, ее шустрые глазки и веселый, переливчатый, как серебряный бубенчик, смех привлекали к ней взоры многих богатырей. Но престарелый отец и братья долго не выдавали ее замуж, надеясь выторговать большой калым. Наконец они уговорились с богатырем Ак-Каном, обещавшим дать тысячу голов скота.

Жених, заключив сделку, весело ехал обратно, к себе домой, на открытые степные просторы.

Сначала радостно было ему смотреть на пестреющую цветами траву, слушать журчание горных ручейков, откликаться на чириканье вольных птиц. Затем он погрузился в приятную, полную мечтаний дремоту.

Почувствовав это, конь замедлил шаг и тихо шел по знакомой дороге, входя в сумрачное ущелье.

— Стой, Ак-Кан! — неожиданно разбудил богатыря грубый окрик.

Счастливый жених встрепенулся. Перед ним, загородив проход, был Алтын-Эргек, известный своей непобедимой силой. Его узкие глаза гневно сверкали, а в руке блестел остроотточенный клинок.

— Откажись от Ии, Ак-Кан, — продолжал он, — или я силой заставлю тебя это сделать.

Ак-Кан натянул поводья и вынул саблю.

— Если ты не отстанешь от меня, я изрублю тебя в куски!

— Ха, — засмеялся обидчик, — ты, видно, не имел еще дела с Алтын-Эргеком! — И пустил коня вскачь.

Лошади ударились грудью, и зазвенели скрестившиеся сабли. Клинки засверкали на солнце, точно огненные змеи, вьющиеся в воздухе.

Но разве мог молодой Ак-Кан противиться в единоборстве силачу Алтын-Эргеку? Поединок длился недолго. Вскоре сабля выпала из юных рук, и окровавленное тело ударилось о землю. Конь, потерявши всадника, взметнулся и поскакал в степь.

Убив своего соперника, на другой день Алтын-Эргек отправился свататься. Он призвал своего друга Алтын-Пыркана с вооруженными людьми и поехал в горное становище невесты.

Здесь, спрятав своих грозных спутников, Эргек вошел

ЭР03134

в юрту и, поздоровавшись как ни в чем не бывало с ее обитателями, начал свататься.

— Нам очень приятно твое внимание, — отвечал старик-отец, — но Ия уже обещана Ак-Кану.

Алтын-Эргек, ожидая этого ответа, резко захохотал.

— Ваш Ак-Кан еще вчера захлебнулся в своей крови, а его людям я уже послал человека сказать, чтобы они не резали молодых жеребят без маток, так как они мои, потому что я убил их князя, а если они не покорятся добровольно, то я и их пригоню себе. Ак-Кана больше нет, и Ию вы должны отдать мне. — Сказав, он начал приближаться к громко плакавшей девушке.

Братья выхватили сабли и бросились на него. Сталь зазвенела. Заколыхались войлочные стены от разъяренных ударов клинками, испуганные ребятишки попрятались между пестрыми ящичками, женщины заметались по юрте, в отчаянии ломая руки.

Плохо пришлось бы здесь неудачному жениху, не выйти бы ему живым из заветной юрты, если к нему на подмогу не подоспел бы его друг Алтын-Пыркан со своими людьми.

Наконец после долгой борьбы упрямые братья были принуждены согласиться, и Алтын-Эргек увез невесту в свой улус.

Здесь Ия, как и другие хакасские женщины, должна была на всю жизнь стать рабой своего мужа.

★

В религии хакасов многие черты сохранились от очень отдаленных времен. Вера в душу и анимистическое одухотворение природы еще не исчезли.

Но с развитием государства, с ростом классовых противоречий религия все больше и больше приобретала новый характер. Ведь религиозные представления людей отражают извращенном виде действительную земную жизнь.

Преступление перед господствующим классом, перед богачами-правителями жестоко каралось. В религии это вызывало представление о грехе. Но, совершив преступление, можно было избавиться от наказания, дав ту или иную взятку, так или иначе умилостивив судью подарками.

Это же жизненное понятие было перенесено и в религию. И богу, так же, как богачу, князю и управителю, можно дать взятку, задобрить его «искупительной жертвой», свалить свои грехи на кого-нибудь другого, сделать правого виноватым. Так, у хакасов возник обычай, совершив

ЭР03134

при помощи своих жрецов — шаманов — соответствующие колдовские, магические действия, снимать с себя грехи перед богами и перекладывать их на ни в чем неповинную белую лошадь. В таких случаях с громкими криками гонят они ее из своего улуса (пусть, мол, уносит с собой все грехи!) и радуются, если она пристанет к стадам другого племени.

Для умилостивления богов приносили им в жертву различных животных. Поскольку в обществе с развитой эксплоатацией самой ценной рабочей силой был человек, то бывали иногда и человеческие жертвоприношения.

Ведь богачи на земле стремились иметь рабов, значит они должны были быть нужными и богам.

Религия сковывала своими цепями народные массы и держала их в повиновении.

Выделившиеся жрецы — шаманы (называемые иначе камами) — всячески поддерживали и распространяли религиозный дурман, наживая на этом большие богатства.

Интересы шаманов и баев были одни и те же, и они работали заодно, думая только о том, как бы получше, совместными силами, эксплоатировать бедноту.

Если баи стремились возвеличить себя в глазах простого народа, создавая легенды о невероятных подвигах своих предков, то совершенно так же должны были поступать и шаманы, приписывая себе нечеловеческие способности.

Так, например, рассказывали о легендарном шамане Ак-Гас, что он ковал раскаленное железо одними своими руками, употребляя пальцы вместо щипцов, а кулак вместо молота.

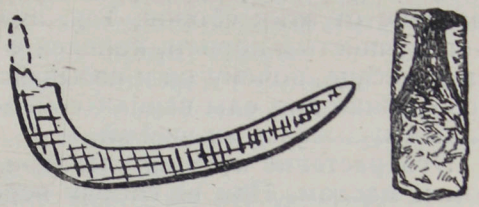
Если жизнь князей и знатных богатырей так подробно рисуется в многочисленных преданиях, то о бедняках, об их труде, голоде и лишениях мы здесь ничего не узнаем.

Легенды бедняков не воспевают. В них простой народ если и упоминается иногда, то только в связи с жизнью богатыря, в связи с его походами и подвигами. Бедняки не попадали в предания, но зато об их труде говорят раскопки.

Среди многих племен, входивших в состав хакасского государства, появилось немало ремесленников-кузнецов, разрабатывавших железные руды и изготовлявших многочисленные изделия, такие, как, наконечники стрел, ножи, сабли, кинжалы, стремена, ножницы и т. д.

Техника обработки железа была очень проста. Плавильная печь делалась в виде неглубокой ямы, выстланной глиной. С одной из сторон в эту печь вело отверстие, в кото-

рое вставлялись мехи для раздувания огня. Яма покрывалась сверху круглой горбатой вышкой из глины, на самом верху которой делалось небольшое отверстие, через которое в печь засыпались мелкие угли, где и разжигались. Когда они хорошо разгорались, при непрерывном раздувании мехами, через отверстие попеременно бросали то угли, то мелко истолченную руду. Часа через полтора из последней выплавлялось немного более килограмма железа.

Озуп и серп.

Вскрывши печь и вынув из нее металл, били по нему деревянными поленьями, для того чтобы очистить его от огарков, а затем из выплавленного таким образом железа ковали на наковальнях различные изделия.

Большинство кузнецов, будучи связанными с месторождениями руды, жили более или менее оседло, целыми поселениями.

Князья-кочевники совершали на них набеги и облагали их данью. Дорогой ценой тяжелого труда приходилось им покупать свою личную свободу, всячески одаривая князей и баев своими изделиями.

В бедных могилах этих ремесленников, кроме самодельных домашних вещей, иногда находятся и орудия их производства, клавшиеся вместе с покойником.

Но ремесленники должны были жить еще хорошо по сравнению со всей остальной массой трудового населения.

В жизни кочевника скот является единственной основой его материального благополучия. Но, или путем постепенного экономического закабаления, или путем непосредственного военного грабежа и захвата, большую часть поголовья скота феодалы присваивали себе.

Поэтому массы бедняков, работавшие за подачки на феодалов, тянули самое жалкое, полуголодное существование. К тому же богачи оттесняли их с хороших земельных участков на самые неплодородные пустоши. Например, покоренные хакасскими князьями саяты кочевали по пустынным горам в худых, крытых берестою летних юртах. Из домашнего скота они имели только небольшое количество оленей, а у большинства из них не было никаких животных, кроме собаки.

ЭР03134

Скудное свое пропитание они получали путем звериной и рыбной ловли или выкапыванием дикорастущих съедобных корней.

Собирание съедобных диких растений было настолько важным для бедняков, которым они служили основной пищей, что некоторые месяцы в году даже получали свое название от этих сборов. Так, например, кондык, обладающий мучнистым корнем, копался у племени сагайцев обычно в мае месяце, почему он и назывался бес-ай (месяц кондыка). Его обычно для еды варили с молоком. Месяц сбора корня ан-шей назывался ан-шей-ай.

Это растение и сарану пекли или варили в воде с молоком и маслом. При ее сборах нередко приходилось людям конкурировать с полевыми мышами, выискивая и разрывая их норы, для того чтобы достать из них запасенные зверьками коренья.

В качестве напитка, заменяющего чай, варили смородину, шиповник, молодые поросли различных растений.

Для выкапывания корней служила палка с небольшим железным наконечником, называемая озуп.

Если для добывания себе питания многим беднякам приходилось шарить по норам землероек, то им же для выплаты ясака (оброка, дани) неумолимым баям надо было гоняться по лесным трущобам в поисках соболя, белки и других пушных животных.

За невыплату ясака они нередко рисковали не только своей жизнью, но и жизнью своих жен и детей. Разгневанные богатыри со своей военной силой, нападая, громили все, не давая пощады ни старикам, ни младенцам.

Раздираемое внутренними междоусобицами и раздорами, к XII веку могущественное хакасское государство пало и разбилось на отдельные, беспрестанно враждовавшие друг с другом княжества.

11. Остяки и вогулы XV—XVII веков[1]

К востоку от Уральских гор тянется так называемая Великая сибирская низменность. Эту страну прорезают две мощных реки — Обь и Иртыш — с их многочисленными притоками. Правые берега этих рек более возвышены и покрыты густой тайгой. Левый берег почти всюду низменный. Множество речек, ключей и озер покрывает северные за-

[1] Остяки и вогулы имеют самоназвание — „Ханди“ и „Манси“.

ЭР03134

ливные луга, по которым тянутся гряды небольших холмов, «гривок», поросших лиственными деревьями или сосновыми борами.

Но наибольшую часть всей этой земли как в ее более возвышенных местах, так и в более низменных, занимают обширные болота: моховые, торфяные, осоковые, покрытые корявыми, изогнутыми, чахлыми березками и сосенками. Таков летний вид этой глухой страны севера.

Зимой двухаршинный снег устилает сплошной пеленой все неровности почвы, густым слоем покрывает все деревья и кусты, делает еще более однообразной и без того грустную природу северо-западной Сибири.

Древние русские летописи называют эту угрюмую страну Угрией, а ее обитателей — уграми.

Потомки этих полулегендарных людей живут здесь и в наше время под именем остяков и вогулов. Соседний народ коми еще не так давно называл их еграми. Но сами себя раньше они именовали по-разному: манси, арьяхи, хондишу и др.

Среди непроходимых болот, по берегам рек, на наиболее высоких и защищенных самой природой местах до сих пор сохраняются следы древних остяко-вогульских городков. В них не сохранилось построек, и только поросшие густой травой и кустарником, заплывшие размытой землей валы и рвы говорят о былой жизни.

Исследования этих городищ, древние предания, передающиеся из уст в уста еще и поныне, и старинные русские летописи и другие документы позволяют восстановить картину далекого прошлого.

Вот на крутом берегу многоводной красавицы Оби расположился такой городок. Около него, по реке, скользят многочисленные берестяные лодки.

Люди, одетые в непромокаемые рубахи с капюшонами, сшитыми из рыбьей кожи, забрасывают плетенные из волокон крапивы сети. Когда они поднимаются на поверхность, в них бьется, сверкая на солнце серебристой чешуей, множество рыбы.

Рыболовство — основное занятие остяков в летнее время. Зимой они превращаются в умелых охотников. Став на лыжи, вооружившись луком и стрелами, пускаются они в глухую тайгу на поиски пушного зверя.

Но сейчас лето, и с закатом солнца, багрящего своими лучами тихую воду реки, рыболовы возвращаются к своему поселку, раскинувшемуся около самого городка.

ЭР03134

Селение состоит из ряда берестяных чумов, перед которыми дымятся ярко горящие костры.

Мужчины, вернувшиеся с промысла, вытаскивают лодки на песчаную отмель и развешивают мокрые сети. Женщины большими корзинами стаскивают пойманную рыбу или суетливо спешат закончить приготовление пищи для возвратившихся мужей.

В городке, окруженном земляным валом и прилегающим к нему с наружной стороны рвом, защищенном кроме того плетнем, тоже чувствуется оживление.

Здесь, кроме нескольких чумов, имеются еще и зимние жилища — полуземлянки. Их стены рублены из бревен и до половины своей высоты врыты в землю. Небольшие, как щелки, оконца затянуты налимьей кожей.

Низкие двери ведут в эти избы. В них живут князь и родовая знать со своими семьями, слугами и рабами. Весь остальной народ расселен за валами.

Сейчас из этих жилищ, а также из поселка люди сходятся к большому дому, имеющему вид сарая. Это здание служит для народных собраний.

Шумно раздаются в нем голоса людей, спорящих по тем вопросам, которые, предположительно, будут обсуждаться сегодня. Здесь собрались все наиболее знатные, богатые и родовитые мужчины и женщины. Зябнущие старики одеты в зимние одежды, сшитые из оленьего меха, а молодежь — в летние замшевые или груботканные рубахи.

Большинство собравшихся уселось прямо на земляном полу, тогда как старики заняли почетные места на нарах, вдоль стен.

Все посматривали на входную дверь, кого-то ожидали.

Наконец появились двое князей и их жены. Они прошли через горницу и также расположились рядом со старшинами.

Голоса понемногу начали затихать. Тогда старший из князей поднялся и заговорил:

— Старейшины нашего рода, славные люди нашей волости! Вы помните, что недавно приезжали к нам татарские мурзы из города Искера на Иртыше от могущественного хана Кучума и собрали с нас, как со своих данников, богатый ясак. Они взяли с нашего народа пятьсот белок, двадцать соболей и восемь лисиц. Этот ясак тяжело лег на всех, но и нам, князьям, пришлось пострадать своим имуществом. Мы собрали теперь вас всех сюда, чтобы предложить вам начать войну, захватить и возместить утраченное, привести

ЭР03134

Остяки. (Старинная гравюра).

себе новых рабов. Что вы скажете нам на это? Отвечайте!

Сказав свою речь, князь опустился на место.

Тогда поднялся один из старейшин.

— Княгини нашего города и князья нашего города! — начал он. — На каком крае земли сосредоточили вы ваше внимание? Вы нам откройте: в какой край земли вы желаете направить воинов со стриженными головами?

Отвечал младший князь:

— Мы снаряжаемся в город кровавого богатыря Нангхуша.

По толпе пронесся шопот изумления и недовольства. Люди начали переговариваться и спорить друг с другом, обсуждая предложенный вопрос.

Князья, не принимая участия в прениях, молча и терпеливо ждали ответа.

Наконец разговоры затихли, и опять поднялся тот же седоголовый старец.

— В город кровавого богатыря, старого Нангхуша,—

ЭР03134

сказал он дребезжащим голосом, — отправлялось много мужей, но они всегда опрокидывали свои грузные лодки, в которых сидели, на вилковатых сучьях, подобных ногам журавлей, сучьях, набросанных в реке и во рву вокруг города Нангхуша. Так эти лодки погибли там, а теперь уже, наверное, поросли оленьим мохом высотой в пядь. Нет нашего одобрения на этот поход.

Князья быстро переглянулись. Старший из них гневно ударил кулаком по наре и вскочил на ноги.

— Так могут говорить только старые, трусливые собаки, поджимающие хвост при виде волка, — надрывая голос, закричал он, — а мы все-таки отправимся в город кровавого богатыря, старого Нангхуша, и сумеем пробраться через вилковатые сучья! Сегодня же вечером воины будут зарублены, и, что бы вы ни говорили, уподобляясь оленьим важенкам, поход состоится.

С этими словами князья и княгини встали и шумно вышли из дома.

Все собравшиеся, понурые и недовольные, последовали за ними.

Когда-то, во времена родового строя, в остяко-вогульском обществе все наиболее важные вопросы решались на общих родовых собраниях. Несколько позже, с выделением знати, это право перешло к старейшинам. В то же время начинали обособляться князья, которые все больше и больше присваивали себе власть и уже к XV—XVI векам хотя и обсуждали важные вопросы на собраниях, как этого требовала традиция, но окончательное решение выносили сами, не считаясь с общим мнением.

Так было и сейчас.

После собрания все наиболее знатные люди прошли в дом старшего князя. Слабые лучи заходящего солнца почти не пробивались через налимью кожу, которой было затянуто маленькое оконце, и изба освещалась разложенным в центре, на земляном полу, ярко горящим очагом.

Дым, не имея иного выхода, кроме открытой двери, покрывал стены черной копотью и ел глаза, но люди, давно привыкнув, не замечали этого.

Вдоль всех стен тянулись нары, забросанные мехами. Часть комнаты отгораживалась занавеской, за которой помещались женщины.

Под нарами слышался шорох, писк, а иногда и неуверенный, срывающийся щенячий лай. Здесь хозяева держали щенят, пойманных живыми лисиц и других мелких животных.

ЭР03134

На стенах были развешаны предметы вооружения, домашнего обихода и одежда.

В почетном углу висело несколько скальпов, переливающих черными блестящими волосами, «отливая радужными цветами», как говорится в былинах.

Эти срезанные головные кожи принадлежали побежденным врагам и подчеркивали могущество и силу их владельца.

Войдя в горницу, старший князь взял деревянный шест и начал зарубать на нем разнообразные значки — тамги (личные знаки) — его людей. Этим способом он отмечал тех из них, кто должен будет принять участие в походе.

Младший князь последовал его примеру в отношении своих подчиненных. Когда около ста воинов было намечено, князья передали шесты старейшинам, приказав немедленно известить всех завербованных.

Вскоре горе разлилось по всем чумам и землянкам.

«Где отец был плох — был зарублен (завербован) его сын, где сын был плох — зарубался отец, — говорит предание, — где отец был зарублен — сын плачет, где сын был зарублен — отец плачет».

На другой день князья устроили пир для всего народа, после которого все начали приготовляться к походу.

Всю ночь при ярком свете костров кипела работа.

Кто клеил из нескольких тонких полос дерева новый лук, кто точил мечи и копья, кто подправлял свою одежду.

На берегу реки, под священной лиственницей, где раз в год совершаются человеческие жертвоприношения богам, камлал шаман. Он был одет в кожаную рубаху, всю увешанную железными побрякушками в виде фигурок различных священных животных — медведя, лебедя и др. Длинная бахрома обрамляла одежду. Напевая тягучую и бессвязную песню, он ударял в жалобно гудевший бубен и неистово кружился, бряцая подвесками.

Народ с трепетом прислушивался к его прорицаниям.

Наконец солнечный багрянец озарил подернутый туманной дымкой восток. Легкий предрассветный ветерок зашумел вершинами деревьев. Птицы зачирикали в лесу.

Снаряженные воины начали собираться за городскими укреплениями. Шумно толпились они около земляного вала и обсуждали предстоящую войну и возможные ее последствия. Они не сомневались, что для князей и знати эта война сможет, в случае победы, дать выгоду. Они захватят имущество и рабов.

Но они, простые люди, пострадают несомненно. При побе-

де они ничего не получат, а некоторые из них конечно лишатся жизни. К тому же значительная часть рыболовного сезона будет пропущена, и зимовать будет нелегко при недостаточном запасе пищи — ведь рыба для остяка самое главное.

А в случае поражения будет еще хуже. Нангхуш в отместку нападет на их юрты и разграбит их. Тем, кому удастся спастись, придется лишиться всего созданного упорным трудом имущества. Ну, а кто не сумеет во-время скрыться в лесу, тот неизбежно попадет в рабство.

Сумрачно смотрели воины, представляя себе свою судьбу. Женщины громко рыдали и в то же время успокаивали орущих детей.

Но вот из городка вышли князья и их ближайшие советники. На них поверх легкой одежды из рыбьей кожи были одеты звенящие блестящими кольцами металлические кольчуги. Вооруженные мечами и луками, с колчанами, полными стрел, они подошли к лиственнице и стоявшему около нее священному столбу с изображением божества.

В эту торжественную минуту все стихли. Старший князь положил семь поклонов и начал отдавать последние распоряжения.

Воины расселись в лодки. Все готово. Согласно обычаю остающиеся троекратно вскрикнули.

«Громкий крик, который принято кричать при отчаливании воинов, они крикнули, — говорит былина. — До вершины низкого дерева и до середины высокого он достиг.

Второй крик достиг до пути пестрых облачков; третий крик достиг до золотого света.

Младший князь сказал:

— Послушай, брат, выступим теперь с нашими воинами. До отца нашего, золотого света, он достиг. Не наступит для нас день поражения и смерти».

Старший князь махнул рукой, и лодки соскользнули на зеркальную гладь реки, быстро разрезая ее своими носами.

Проводив взором удаляющихся детей, мужей и братьев до тех пор, пока они не исчезли за поворотом реки, люди понуро начали расходиться по своим жилищам, принимаясь за тяжелый повседневный труд.

Так четыреста-шестьсот лет тому назад в остяко-вогульском обществе начинали складываться первые государственные образования.

Князья, богатевшие на открытом грабеже своего и чужого

ЭР03134

Барабинская татарка по гравюре XVIII века.

ЭР03134

народа, упрочивали свою власть, все больше и больше подчиняя себе своих бывших сородичей.

В эту эпоху начала феодализации остяков и вогулов русские впервые столкнулись с ними, подчинив их своему господству.

12. Сибирское ханство

Когда-то остяко-вогульские племена расселялись гораздо дальше на юг, чем они живут сейчас. Но на протяжении XIII—XV веков сюда начали проникать из среднеазиатских степей татарские народы. Они оттесняли исконных жителей Западной Сибири на север, а сами расселялись на их местах, по берегам среднего течения рек Оби и Иртыша с их притоками.

Осевшие здесь татары занимались земледелием, скотоводством, рыбной ловлей и охотой. Быстро начали строиться их городки, принадлежавшие отдельным мелким, сначала не зависимым друг от друга князькам.

Так же как и у других народов, эти князья боролись друг с другом, стремясь увеличить свои владения и богатства.

Из всех этих князей к середине XIV века особенно выделялся некто Онсом, имевший свой центральный город Кызыл-Туру у устья реки Ишима.

Он распространил свои владения далеко на север, подчинив себе часть вогулов и остяков, живших по Туре, Тоболу и Нижнему Иртышу.

Но вот против него поднялся другой князек — Чингай — и убил своего соперника, присвоив значительную часть его земель и народов.

Столицей этого князя был вновь построенный им город Чинги-Тура, находившийся на берегу реки Туры, в том месте, где сейчас расположен город Тюмень.

После этого на Ишиме остались править частью татар незначительные, утратившие крупное политическое значение потомки Онсома.

Сын Чингая — князь Тайбуга — объявил себя ханом сибирского государства. Его потомки на протяжении ста лет управляли почти всей западносибирской землей.

Но ишимские князья упорно не хотели подчиняться своим победителям. И вот после долгой борьбы одному из них, Ибрагиму Ибаху, удалось наконец завладеть городом Чинги-Турой и отсюда распространить свою верховную власть на все государства.

ЭР03134

Несмотря на успех в борьбе, хан Ибах ясно чувствовал всю непрочность своего положения. Ему невольно приходилось искать сильной подмоги где-то на стороне. Поэтому он вступил в союз с ногайцами, жившими у южного Урала, а также, видя возрастающее могущество Московского государства, подчинявшего себе в это время Приуралье, послал в 1489 и 1493 годах посольства в Москву, к великому князю Ивану III, с просьбой о дружбе и союзе, на что получил согласие.

Но было уже поздно. Один из потомков Тайбугина рода, князь Махмет, напал на Ибаха и, победив, убил его. Однако, опасаясь мщения со стороны оставшихся преемников умерщвленного хана, он счел лучшим уйти от Тюмени и обосновать свою резиденцию на реке Иртыше.

Здесь он нашел на высоком мысу, в двадцати пяти километрах выше устья реки Тобола, старое, заброшенное остяцкое городище Искер. Тут он и восстановил свой город — столицу Сибирского ханства.

Город Искер со стороны Иртыша был защищен крутым обрывом. С одной из боковых сторон протекала по оврагу небольшая речка Сибирка, делавшая его неприступным и в этом направлении. Там же, где не было естественных укреплений, были устроены тройные валы и рвы. По скату вала тянулся частокол с воротами, от которых через ров был перекинут мостик.

Внутри города стояли деревянные, бревенчатые жилища со слюдяными окнами.

Здесь жил сам хан и его приближенные, тогда как прочее население ютилось за городскими укреплениями, живя главным образом в конусообразных юртах, крытых тростниковыми рогожами.

Вскоре после смерти Махмета власть перешла в руки его внуков — Эдигера и Бекбулата.

Между тем выросший внук Ибаха, Кучум, начал с ними борьбу за власть. Семь лет тянулась непрерывная война между Эдигером и Кучумом, в результате которой победил последний, жестоко расправившийся в 1563 году с самим ханом и его братом. Из всего правящего рода удалось спастись только маленькому сыну Бекбулата — Сейдяку, бежавшему вместе со своей матерью и несколькими мурзами.

Так Кучум подчинил себе все огромное ханство. Границы его владений простирались от восточных склонов Уральских гор до бассейна реки Оби и от верховьев реки Туры и линии,

ЭР03134

идущей приблизительно по 58° северной широты, до казахстанских степей.

Множество мелких татарских князьков — мурз — подчинялось ему, так же как и многие остяко-вогульские правители платили ему ясак.

В своей внешней политике Кучум значительно упрочивал связи со среднеазиатскими государствами, но не забывал и своего страшного западного соседа — Московское государство.

Между прочим в 1570 году он писал Ивану IV, Грозному: «С нашим отцом твой отец гораздо помирился, и гости (послы) на обе стороны ходили... С кем отец чей был в недружбе, с тем и сыну его в недружбе ж быти пригоже... И ныне похошь миру — и мы помиримся, а похошь воеватися — и мы воюемся...»

До 1572 года Кучум выплачивал дань московскому правительству, посылая по тысяче соболей, но, почувствовав свою силу, прекратил это.

В то же время в жизни Сибирского ханства все большую и большую роль играла торговля с Бухарой и другими среднеазиатскими государствами.

Южные купцы приходили сюда большими караванами, привозя оружие, различные драгоценности, богатые материи и т. п.

Вместе с ростом торговых связей все большее и большее распространение получала в Сибири мусульманская культура.

Следом за купцами начали приезжать муллы, вступавшие в словесное единоборство с шаманами, проповедуя ислам.

Сам хан и его ближайшие помощники приняли магометанство и начали насильно, огнем и мечом, внедрять его среди широких масс населения.

Скоплявшиеся богатства и культурный рост характеризовали положение господствующего класса — хана, его мурз и беков, тогда как на всех остальных людей падал еще больший гнет и труд.

Так на протяжении XV—XVI веков Западная Сибирь быстро шла по пути феодализации, по пути образования государственности.

Этот процесс был резко нарушен вторжением русских.

ЭР03134

II. ПО ПУТИ РУССКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

1. Порабощение русскими Западной Сибири

В то время, когда образовалось Кучумово Сибирское царство, когда начинали складываться первые государственные образования у вогул, в России шел процесс разложения феодальных отношений.

До этого времени здесь целиком и полностью господствовало натуральное хозяйство.

Каждая деревня, каждое поместье удовлетворяли все свои основные потребности производимыми у себя продуктами. На одежду шли домотканные материи, тут же вырабатывалась кожа для обуви, местные кузнецы изготовляли необходимые орудия труда и т. п.

Но в описываемую эпоху все больше и больше начинала развиваться торговля. Особенно рано она распространилась на территории Новгородского княжества, бывшего тесно связанным своими торговыми отношениями с Западной Европой.

Новгородские купцы вывозили туда различное сырье — хлеб, пеньку, воск и в значительной степени пушнину. В целях вывоза пушнины Новгород подчинил себе весь север Восточной Европы, территорию всего современного нам Северного края.

Так называемые ушкуйники, являвшиеся вооруженными купеческими отрядами, пробирались на ладьях по рекам в самые отдаленные и неведомые ранее страны, военной силой, если это было возможно, подчиняли себе их жителей и собирали с них ясак, а если это было затруднительным, то просто начинали вести с ними выгодную для себя торговлю.

Уже в древней летописи так называемого Никоновского списка под 1032 годом говорится о новгородском походе за данью к западным склонам Уральских гор. В 1187 году нов-

ЭР03134

городские купцы и бояре собирали дань в низовьях Оби. В 1364 году они «воеваша по Оби реке до моря».

В летописной заметке о смерти татарского хана Тохтамыша под 1406 годом впервые употребляется название земли Сибирской.

Конкурировавшая с Новгородом Москва в 1478 году подчинила себе это княжество и в свою очередь продолжала ранее начатое новгородцами продвижение на восток. Не далее как через каких-нибудь пять лет, в 1483 году, и позже, в 1499 и 1501 годах, московское войско совершало большие походы в Сибирь. Все это делалось в целях добычи в Сибири огромных пушных богатств.

В начале XVI века в северном Приуралье большое значение получили купцы Строгановы. Они были выходцами из Новгорода и создали здесь крупную торговую фирму. Среди дремучих, труднопроходимых, вековых северных лесов звонко застучали удары топоров, строивших соляные варницы, возводивших города и поселки. Многочисленные агенты — «прикащики» — Строгановых далеко забирались в таежные дебри, пробираясь на лодках по рекам, на собаках, на оленях и на лошадях, вступали в сношения с вогульскими и остяцкими князьками, где было возможно — грабили их и подчиняли себе или вели с ними торг, выменивая различные дешевые безделушки — вроде бисера — и металлические изделия на дорогую пушнину.

Благодаря этому в руках Строгановых скапливались исключительные богатства, и сами великие князья и цари московские должны были очень и очень с ними считаться.

Привольно жилось семейству Строгановых в своих обширных вотчинах, а тут еще в 1517 году удалось им выхлопотать от великого князя московского Василия Ивановича, отца Ивана Грозного, особые привилегии, такие, каких никто другой не имел.

Все Приуралье со всеми своими богатствами, заключенными и в горах, и в лесах, и в водах, отдано было в их полное управление; разрешено самим судить всех подвластных им людей, а сами они объявлялись, в случае чего, подсудными т лько самому князю. А царь Иван IV, прозванный Грозным, всецело поддерживая интересы торгового капитала, еще больше расширил их владения.

Являясь в своих вотчинах как бы маленькими царьками, Строгановы имели даже для всех своих дел и делишек свое особое, наемное войско, состоявшее главным образом из беглых казаков и разбойников, стекавшихся под покрови-

ЭР03134

тельство могущественных северных купцов с далеких волжских и донских просторов.

Во главе этой «вольницы» в 1578 году стоял некто Ермак Тимофеевич.

Гонясь за легкой наживой, хитрые торговцы решили втихомолку пограбить лежащую рядом с их владениями богатую сибирскую землицу.

Они снабдили Ермакову дружину пушками, ружьями, боевыми припасами, продовольствием и всем вообще необходимым для трудного и продолжительного похода и отправили в путь.

Нелегко было продвигаться казакам. Никаких дорог тогда конечно не было, и единственным способом передвижения служили лодки, а дорогой — многочисленные более или менее крупные речки. В тех местах, где реки не соединялись одна с другой, люди спешивались, прорубались сквозь дремучие леса и тащили лодки на себе волоком.

На особенно мелководных речушках приходилось даже прибегать к такому способу. Поперек реки натягивались паруса как бы в виде плотины и задерживали воду, повышая этим ее уровень. Тогда лодки могли передвигаться дальше, а там опять устраивали новый заплот и т. д.

Нелегко все это было, много пришлось потрудиться Ермаковой ватаге, н люди шли, несмотря ни на что, подгоняемые жаждой обогащения, стремлением к грабежу и надеждой на большую поживу.

По дороге грабили местное население отбирая не только все продовольственные запасы и пушнину, но все, что только попадалось под руку, снимая даже последнюю одежду с людей и оставляя их буквально нагими и голодными.

На зиму казакам приходилось останавливаться и укрепляться от нападений защищавших свою свободу туземных племен.

Когда казаки плыли по реке Туре, действовавшие ранее разрозненно татары и вогулы объединились и под начальством князя Епанчи напали на незванных гостей.

Вдруг неожиданно посыпались с берегов сотни стрел. Со свистом прорезая воздух, они падали в воду, усыпали лодки, но отскакивали от железных кольчуг и шлемов.

Вооруженные ружьями и пушками казаки дали несколько залпов.

Огненные молнии прорезали воздух, орудийный гром потряс впервые сибирскую землю, прокатившись раскатистым эхом по дикой тайге.

ЭР03134

Среди осаждающей толпы запрыгали круглые чугунные ядра, точно большие мячики, несущие с собой смерть.

Ряды дрогнули. Нападающие бросились в лес. Вооруженные только луками, пиками, мечами и кинжалами, татары, остяки и вогулы не могли противостоять огнестрельному оружию, одним своим шумом нагонявшему панический ужас.

В отместку город Епанчи — Туринск — был разрушен и сожжен дотла.

Когда Ермак зимовал в Тюмени, к нему привели захваченного в плен одного из приближенных хана Кучума по имени Кутугая.

Атаман принял своего невольного гостя очень учтиво, всячески обласкал и одарил, спрашивал о здоровьи хана и о том, что представляют собой его владения. Он говорил, что хотел с самыми дружескими целями побывать в гостях у Кучума в его столице — Искере, но что, мол, задержался и вынужден отправляться обратно в Россию. При этом он приказал пяти лучшим стрелкам показать пленнику свое искусство в ружейном бою и наконец на прощание дал ему подарки с просьбой передать их Кучуму и главнейшим его мурзам.

Кутугай сейчас же поехал в город Искер и рассказал все. Но все эти известия встревожили хана еще больше.

Не поверив Ермаку, он разослал гонцов по всей своей земле с приказом собирать войска.

Между тем весной Ермак двинулся дальше.

21 июля 1581 года произошла встреча с основным сибирским войском, объединенным под начальством царевича Маметкула.

Одно из казацких судов было направлено вперед. Татары напали на него около Бабазанских юрт. Этому казацкому отряду пришлось бы плохо, но вскоре подоспели и все остальные ладьи.

Завязался отчаянный бой, который фактически должен был решить дальнейшую судьбу Сибирского царства.

Это была не битва, а избиение. Силы были слишком неравны. Кольчуги прекрасно предохраняли русских от стрел, в то время как в туземных рядах, осыпаемых залпами огнестрельного оружия, кровь текла ручьями.

Множество лежавших трупов мешало пробиваться татарской коннице.

Жители Сибири уже успели хорошо познакомиться с хищнической лапой торгового капитала и не имели другого

ЭР03134

выхода, кроме смерти или нищенства и порабощения завоевателями. И, несмотря на неизбежную гибель, они боролись до последней возможности.

Сражение длилось целых пять дней, после чего отряд Маметкула был вынужден отступить.

Это была самая крупная битва. Дальше казаки продвигались сравнительно легко, и только под Искером укреплялся Кучум, готовясь к отчаянной защите.

★

Стояли холодные, но солнечные осенние дни. Деревья в тайге расцветились яркими красками пестрых листьев и кое-где уже начали оголять свои сучья. Утрами бывали заморозки. Перелетные птицы покинули суровые берега Иртыша.

Одержав ряд мелких побед, но не дойдя еще до столицы Сибирского ханства, города Искера, казаки решили зазимовать в захваченном ими городище Атик. Начали увеличивать высоту валов и надстраивать на них палисадники для прикрытия.

Во все ближайшие поселки атаман Ермак разослал небольшие отряды для сбора продовольственных запасов.

В то же время нельзя было дремать, надо было быть начеку, ежеминутно ожидая нападения татар.

Среди казаков начинался ропот и недовольство.

Думалось — к чему нужно награбленное имущество, когда, быть может, так и придется погибнуть всем в этой богатой, но суровой стране, вдалеке от родины, от жен и детей.

Угрюмый, как сибирская осень, ходил Ермак по двору городища, отрывисто отдавая распоряжения, стараясь ласковыми словами и богатыми обещаниями успокоить колеблющихся и решительно и жестоко наказывая всех, открыто выражающих свое недовольство.

А тут еще новая беда: из посланных за запасами казаков вернулись только очень немногие. Разосланные небольшими отрядами, они почти везде были перебиты или принуждены отступить с пустыми руками.

В лагере начинался голод.

Единственным выходом из создававшегося положения было сражение с главными силами Кучума, которых лицом к лицу русские захватчики еще не встречали.

Наступило утро 23 октября 1581 года.

— Вставай, атаман. Кучумка со своим отрядьем идет! — разбудил Ермака его ближайший помощник и друг Иван Кольцо. — Слышь! Надо нам битвы не упустить, а то дюже

ЭР03134

скверно будет. С нашей голыдьбой не сладишь, того и гляди нас порешат да по домам.

Как был атаман, в одних холстяных исподниках и шелковой красной рубахе, босиком, выскочил на двор, к валам.

— Идут! Идут! — тревожно, сдавленным голосом передавали новость казаки друг другу, натягивая шаровары, напяливая на себя тяжелые кольчуги, опоясываясь саблями, заряжая пищали.

По Иртышу полз туман, расстилаясь на низкой, заболоченной долине.

Выше, над туманом, точно ряд шапок, поднимались прибрежные холмы, обрывающиеся крутым яром к затянутой молочной мглой низине.

В тумане слышался какой-то шум, двигались какие-то тени.

Сомнения не могло быть, это подступали войска Кучума.

— К осаде готовься! К пушкам! Становись по местам, засони! — суетились сотники, отдавая распоряжения.

Ермак сплюнул в сторону, крепко выругался и затем, перекрестившись, обратился к казакам с речью:

— Буде, братцы! Видно, сегодня суда божьего не миновать, а за хозяевами да за царем служба не пропадет, и яксырь будет хороший. Держись только. А они, нехристи окаянные, если запрут нас здесь, вот те крест, с голоду сдохнем. Самим итти надо. Ты, Кольцо, со своими здесь оставайся, потом ударишь, а остальные — айда! С нами бог! Становись по десяткам!

Гремя саблями, поблескивая бердышами и шлемами, ударяя о кольчуги прикладами пищалей, потянулись казаки из городища навстречу врагам.

Из тумана обрисовались фигуры передового татарского отряда.

Впереди на небольшой шустрой гнедой степной лошадке, с пышно убранной сбруей, ехал всадник, одетый в богатый пунцового цвета бухарский халат, в подбитой соболями конической шапке.

Увидя приближающихся казаков, он резко остановил лошадь и махнул в воздухе плетью.

Быстро повернув коней, татары понеслись обратно.

— Маметкул! Царевич Маметкул! — пронеслось по рядам русских.

— А ну! Дай! — скомандовал Ермак, и тотчас грянуло несколько тяжелых ружейных выстрелов.

Кое-кто из татар свалился на землю.

ЭР03134

Бой начался.

Сибиряки наступали нестройной лавиной, выдвигая вперед свои фланги, стараясь как бы в подкову зажать казаков и раздавить их в своих сильных объятиях.

С громким, протяжным криком, напоминающим дикий и страшный вой, неслись конные татарские отряды, наступая с боков. В середине расположились одетые в оленьи меха остяки и вогулы, сыпавшие на противника тысячи свистящих стрел.

Казаки отвечали залпами, принудив конницу к отступлению.

На блеклую осеннюю траву падало все больше и больше трупов, меткие ружейные выстрелы делали свое дело, тогда как стрелы были бессильны пробить кольчуги.

Остяки и вогулы начали отступление.

Тогда, прорезав их беспорядочную массу, выступил на поле битвы запасной татарский отряд во главе с самим Маметкулом и старым его сподвижником и советником мурзой Карачей.

Несколько залпов не смогли остановить этой новой лавины, и завязался рукопашный бой.

Разъярившиеся противники бросались друг на друга, где рубясь саблями, где поражая врага пиками или бердышами, где просто сцепившись руками, катаясь по земле в судорожной, смертельной борьбе.

Стрельба прекратилась, и только звон металла, яростное хрипение и крики сражающихся, стоны раненых разносились ветром по широкой долине.

Отступившие было татарские, остяцкие и вогульские отряды вернулись обратно и тоже вступили в битву.

Теперь уже казаки начали отходить к своему городку.

Неожиданно для всех сверху, с горы, раздались орудийные выстрелы из двух пушек, и по казацким рядам запрыгали ядра.

Среди русских, не понимавших, откуда открыта по ним пушечная стрельба, началась паника.

Сибирские ряды огласились победными криками. Это вступали в сражение две пушки, доставленные Кучуму из-за Урала, от казанских татар. Внизу, в долине, действовал только отряд Маметкула, тогда как сам хан, с резервными отборными силами, расположился над обрывом.

Но орудийная стрельба продолжалась недолго. Ее заглушил новый шум — опять-таки на горе.

Это Иван Кольцо, оставленный в городе, заметил первым

ЭР03134

появление на горе Кучума и, предвидя возможный исход сражения, оставил свое укрепление и в то время, когда внимание всех было приковано к битве, шедшей в долине, незаметно, пробираясь ползком в кустарниках, окружил со своим отрядом войско Кучума. Как только татарские пушки открыли огонь, он со своими людьми, выскочив из засады, врасплох напал на противника.

Прижатые к обрыву татары оказались в отчаянном положении. Гибель самого Кучума и всей его группы казалась неизбежной.

Видя это, остяцкие и вогульские отряды совершенно неожиданно начали отступление, покидая своих союзников.

Воспрянувшие духом казаки начали наступать. Они, преследуя беспорядочно рассеявшегося врага, стреляли в спины, рубя отставших, добивая раненых.

Сам Кучум успел только сбросить свои пушки в Иртыш и вместе с Маметкулом спасся бегством.

Последняя возможность к сохранению независимости Сибирского царства в этом бою была окончательно утрачена.

Казаки ликовали победу, радостно приветствуя своего атамана.

Правда, потери их тоже были значительны. Многие оказались ранеными, а сто семь человек было убито, но зато оставшиеся в живых видели перед собой радостные дни — далее голод уже не мог быть страшен, а к тому же — и это казалось главным — теперь можно двинуться дальше в погоню за пушниной, за соболями и белкой, теперь, когда основные силы Кучума были разбиты, можно было безбоязненно заниматься грабежом и разбоем.

На другой день, 24 октября, пришло известие, что остяки покинули хана и разошлись по домам, а следом за ними последовали и вогульские отряды.

Покинутый всеми после поражения, Кучум, забрав весь свой скарб, вместе со всем семейством и ближайшими своими сподвижниками вынужден был бежать в южные степи, покинув свою столицу беззащитной на произвол судьбы.

26 октября 1581 года Ермак с казаками, уже без всякого боя, торжественно вступили в город Искер.

После разгрома войск Кучума многие остяко-вогульские и татарские князьки отчаялись в возможности справиться с вооруженными огнестрельным оружием казаками, признали неизбежность русского ига, были приведены к присяге и обязались платить ясак пушниной.

ЭР03134

★

22 декабря 1581 года Ермак послал из Искера послом в Москву, к царю Ивану IV, Грозному, своего ближайшего помощника Ивана Кольцо с пятьюдесятью казаками.

Торжественно принял царь посланцев. Ведь немалый подарок привезли они ему — всю богатейшую сибирскую землю с ее населением, из которого можно было теперь свободно выкачивать исключительные доходы.

В большой приемной теремной палате, роскошно убранной восточными коврами, богатыми европейскими тканями, различными драгоценными заморскими диковинками, восседал царь на своем троне. На нем самом блистали золотом и сверкали каменьями тяжелые парадные царские облачения. Как всегда, у трона стояли юные рынды, царские телохранители, одетые в белые кафтаны с позументами, державшие в руках боевые топорики.

Важно и степенно сидели по стенам, на лавках, длиннобородые бояре в высоких шапках из ценных мехов.

Не один из них, вероятно, посматривая самодовольно на далеких посланцев, лелеял мечту о замене своих старых шапок новыми за счет легкой поживы в новой земле.

Атаман Кольцо опустился на колени и вручил свернутую грамоту от Ермака с просьбой к Ивану Грозному «принять под свою высокую царскую руку» вновь завоеванную сибирскую землю.

Но особенно красноречивы были не грамота, а присланные подарки: две тысячи четыреста соболей, двадцать черных лисиц и пятьдесят бобров.

Милостиво поговорив с послами, царь допустил их даже поцеловать свою руку, велел простить все их прежние вины, когда они разбойничали на Волге и Дону, и дать им различные подарки, а в Сибирь послать на подмогу новое войско и для управления страной — царских воевод.

Торжественно и ликующе звонили в этот день в Москве колокола, во всех церквах служились благодарственные молебны, ликовали бояре, служивые люди, купцы и духовенство, предвкушая открытие новых источников для обогащения.

1 марта 1583 года посольство вернулось обратно в Сибирь.

Между тем Ермакова вольница не теряла свое время, усиленно продолжала расширять свои владения и грабить население или, в лучшем случае, облагать его совершенно непосильным ясаком.

ЭР03134

Неизменно во всех боях выходили они победителями. Захватив тот или иной поселок, жестоко расправлялись с его жителями. Пленных вешали за ноги, расстреливали или умерщвляли какими-либо другими, самыми жестокими способами.

Оставшихся в живых приводили к присяге в верности, заставляя целовать окровавленную саблю. Всех, до единого человека, облагали ясаком.

★

Стоял август 1584 года. С утра еще был пасмурный день, а к ночи полил нескончаемый, пронизывающий дождь.

Разрезая стругами широкую водяную грудь Иртыша, плыли по нему казаки. Промокшие и озябшие, нажимали они на весла, спеша к небольшому островку, где намечен был ночлег.

За дождем еле слышны были широкие взмахи весел, но еще менее слышались на берегу лошадиные шаги, утопавшие в мягкой степной траве.

Не выпуская лодки из виду, пронизывая привычную темноту узкими зоркими глазами, ехал Кучум во главе своего отряда.

Суда заскрипели по мели. Быстро выскочили казаки на остров, разминая окоченевшие члены, и развели костры.

Получив через татар известие, что по Иртышу идет бухарский торговый караван, они выехали к нему навстречу, но никого не нашли. Только проездили большой путь и устали зря.

Шипя и треща на дожде, разгорелись костры.

— Открой боченок-то, — распорядился Ермак, — отогревайся, ребята.

Казаки в таких делах не нуждались в повторных приказах.

Началось буйное веселье.

Нестройно разлилась по реке пьяная песня.

Зато перед рассветом, несмотря на дождь, весь лагерь спал.

Из воды показалась голова, и на берег осторожно выполз татарин.

У лодок, положив ружье, дремал часовой.

Быстро взвился аркан, и петля, брошенная умелой рукой, затянула шею.

С другой стороны лагеря, двое часовых, любовно обнявшись, спали мертвецким сном.

ЭР03134

Какая-то тень шмыгнула между ними, в отблеске потухающего костра блеснул клинок, и вместе с холодными дождевыми каплями на мокрую землю полилось что-то горячее и тягучее.

— Якши! — прошептала тень и, захватив ружья и пороховницы, опять скрылась в воде.

Весь съежившись и пригнувшись, накинув на себя шитую кочму, сидел на берегу, в кустах, Кучум, окруженный своим отрядом.

— Ну, что? — хрипло спросил вынырнувшего из темноты человека.

— Все спят! Аллах награждает тебя за лишения. Вот их огненные трубки, видишь?

Рука хана ласково скользнула по холодному железу стволов.

★

Дикий, ликующий вой разрывал ночную предрассветную тишину. Среди потухших костров в смертельной схватке катались по земле, сбиваясь в клубок, бесформенные массы человеческих тел.

Хрип, стон, ругань и вой мешались вместе. Кое-где раздавались беспорядочные выстрелы.

Несколько казаков бросились, пробившись сквозь татарское кольцо, к берегу, к судам. Но лодок на месте не было.

Где-то вдали тенями маячили они, подплывая к середине реки.

Сзади от места битвы отделились кучки татар и бросились за беглецами, осыпая их стрелами.

— Прыгай в воду! Авось догоним лодки! У, проклятые!— крикнул, крепко ругнувшись, Ермак. — В воду!

★

Только одному из всего отряда казаков удалось спастись в эту ночь. Остальные были или убиты, или утонули в реке. Одетый в тяжелую кольчугу, Ермак не смог справиться с волнами.

Русские принуждены были покинуть Сибирь, но богатства этой земли не хотели уступать так легко, и вскоре царские войска вновь захватили страну.

Все мужское население было обложено ясаком, невыплата которого жестоко каралась. Помимо ясака туземцы должны были сверх нормы давать еще так называемые «государевы» и «воеводины поминки», то есть подарки, только они собирались также в принудительном порядке.

ЭР03134

В результате уже в XVII веке половина всех доходов московского правительства шла за счет эксплоатации Сибири. Так, например, в 1660 году общая сумма дохода выражалась в 1 311 тысяч рублей, из которых с Сибири было получено 666 тысяч рублей. Открыто грабя страну, правительство не мешало также здесь и обогащению купечества.

Масса предприимчивых торговцев хлынула сюда в это время.

Они привозили из России различные металлические изделия, материи, бисер и другие украшения и за все это выменивали пушнину, бешено при этом наживаясь. Так, стоимость медного котла в это время определялась в Сибири стоимостью соболиных шкурок, помещавшихся в нем. И это тогда, когда в Москве седые соболи стоили от пяти до двадцати рублей штука, а черные лисицы от тридцати до трехсот рублей.

Чтобы было понятно, как сильно наживались при этакой «торговле» купцы, интересно посмотреть, какие в то время вообще были цены: например, десятина земли расценивалась в 1 рубль, прекрасная хата стоила 10 рублей, добрая лошадь — 2 рубля, голова рогатого скота — 1 рубль 50 копеек, овца — 10 копеек.

Если в котле средних размеров помещалось 10 штук шкурок по пятнадцати рублей каждая, то купец таким образом продавал такой котел за сто пятьдесят рублей, в то время как на эти деньги можно было купить табун лошадей в семьдесят пять голов.

Не отставали от воевод и купцов в бешеной наживе и попы всех рангов, начиная от рядовых монахов и кончая архиереями и главами церкви. Не успели захватить Сибирь, как вся эта черная стая полетела туда, протягивая свои хищные когти.

Правительство предоставляло церкви огромные земли, ее угодья освобождались от всяких налогов, попы пользовались разнообразными льготами.

Пуская корни на вновь завоеванной земле, церковники сразу увидели свою выгоду в крещении туземного населения. Местные князьки и аристократия вскоре пошли им навстречу. Понимая всю невозможность борьбы против поработителей, туземная знать видела для себя выгоду в заключении союза с ними для совместной эксплоатации масс населения. Правительство смотрело на это так же. Многочисленные указы сибирским воеводам ясно говорят об этом.

Князьки, соединившиеся с русскими и предававшие своих

ЭР03134

собратьев, всячески награждались, и естественно, что особыми милостями пользовались те из них, которые, подыгрываясь к своим завоевателям, принимали христианство и содействовали его распространению.

Ориентировавшись в новых условиях, попы принялись энергично крестить туземное население, установив обычай брать крестников себе в рабство.

Попы настолько ретиво занимались «крещением» и присвоили себе в рабство такое количество туземного населения, что даже правительство испугалось этого, и в 1726 году Петр I издал указ о том, что все новокрещенные, находящиеся в рабстве, освобождаются.

Ограбляемые всеми: своей родовою знатью, правительством, духовенством и купцами, — туземное население оказывалось в безвыходном положении, следствием чего являлись многочисленные бунты за национальную свободу и независимость.

☆

В 1609 году среди вогулов и остяков готовился большой мятеж. Инициативу взяла на себя кодская княгиня Анна.

В небольшом, окруженном валом и рвом городище, на устьи Иртыша, в юрте Таира Сомирова, на мягких оленьих шкурах, поджав под себя ноги и с аппетитом поедая лакомое блюдо — содержимое желудка оленя, подогретое над очагом, сидело несколько человек. Одетые почти в одинаковые меховые одежды, с первого взгляда они казались трудно отличимыми друг от друга. Но на самом деле среди этой кучки мужчин была одна женщина. Правда, она сидела на женском месте, близ входа, но все заметно относились к ней с большим уважением. Это Анна. Она недавно крестилась и даже построила в своем городке русскую церковь, но вот теперь, видя, что, несмотря на полные уступки березовскому воеводе, жизнь под властью русских не становится лучше, она решилась свернуть с первоначального своего пути и приехала сюда, в эту дымную юрту.

— Нельзя больше терпеть, — с жаром говорил Неунко, старый остяк, приехавший с Сургута. — В казну, белому царю по одиннадцати соболей с человека. Как можно! Столько зверьков не легко достать. Люди от ясаку в конец гибнут. А в волостях наших много ясашных старых и увечных, хромых и слепых, старых и малых. Они для ясака соболей добыть не могут, а берут с них ясак такой же, как и со всех, по тому же окладу. А как летняя пора придет, лучшая пора, рыбный

ЭР03134

лов, рыбу на зиму всю готовить надо, а то зимой с голоду умрешь, а тут гонят провожать царскую казну да хлебные запасы, которые посылают в Сургут из Тобольска. А ходят четыре недели. Это в лов-то, когда для остяка рыба тогда единственная пища. Оттого нам всем нужда великая, манси (люди) с женами и детьми помирают с голода. Да к нам же приезжают из Сургута и из русских городов промышленники, зыряне и вымичи, и зверуют, бьют соболей и бобров, и лисиц. Всего зверя выбили. Невмоготу жить.

Сидевший в углу шаман свирепо ударил колотушкой в туго натянутый бубен. Все вздрогнули.

— А в пегой орде, у Кирши Кунязева, еще хуже, — медленным голосом заговорил молодой, но прославленный своей решительностью и энергией Чумейко. — Он с братьями и детьми всякие царские службы служил, ходил и на кетских, и на чулымских князей, и на Меглия-князя, всех их вместе со служилыми людьми под царскую руку привел, на той службе и голод и всякую нужду терпел и одолжал, а что получил? Ясак требуют воеводы, а чем платить? Отдал в заклад жен и детей продал в рабы. А людей его переимали в Сургуте и бьют их там на правеже. За каждого надо по двенадцати соболей ясака и поминок дать. Где их возьмешь? Вот и живи как знаешь!

Заговорила тихим голосом Анна:

— Стрелу надо посылать. Бунт делать. Иначе мочи нет. Все равно помирать всем. Как, кам, скажешь? — обратилась она в темный угол к шаману.

Все устремили взоры в сторону шамана. Тяжелое молчание разлилось по юрте. Резко раздавалось в тишине глухое дыхание и треск горящих дров.

Шаман медленно замурлыкал. О бубен гулко ударилась колотушка. Еще, еще и еще. Удары начинали сыпаться под умелой рукой все чаще и чаще, наконец он сорвался с места и в своем увешанном железными фигурками костюме бешено завертелся в плясе.

— Гу-гу, гу-гу-гу! — сотрясали воздух дикие крики и стук.

Бурей носился шаман. На лице его выступил пот, глаза налились кровью.

С нарастающей силой гремел бубен. Из уст беснующегося кудесника вырывались отдельные бессвязные слова заклинания:

— Торм, Торм, могучий нум, за гибель Рачского бога, за смерть, бунт. Крови, крови, крови!

ЭР03134

Остяцкая женщина. (Гравюра XVIII века.)

ЭР03134

Изо рта начала брызгать пенящаяся слюна.

— Вот она, вот!

Шаман протянул руку вверх, точно весь стремясь подняться куда-то к небу, замахал ею под низким потолком. В руке была стрела. Дико завывая и закружившись еще быстрее, он резко отбросил жалобно зазвеневший бубен и упал навзничь, корчась в судорогах.

Стрела отлетела в сторону и упала у ног Анны.

Все стихло. Взоры всех повернулись к стреле.

Только забытый шаман, жалобно стонавший, корчился на земле.

Княгиня подняла брошенную вещь.

На древке было вырезано одиннадцать шайтанов (божков) с зарубками, а железный наконечник стерт.

Подобные стрелы — всем понятный, немой знак. Такая стрела — символ свободы, такая стрела — призыв к бунту.

— Бунт! Бунт! — со всех сторон раздались голоса. — Довольно терпеть! Мы тоже имеем право на жизнь.

Когда шум немного стих, обратилась с речью Анна:

— Манси! Вот нас много съехалось здесь. И я, и смелый Чумейко, и старый мудрый Неунко, и Таир, гостеприимный хозяин, и много других славных богатырей. Но этого мало. Русские сильны и хитры. Великий Торм указывает нам бунт и посылает с седьмого неба свою громовую, призывную стрелу.

Слабые силы легко гнутся, большие силы, тяжело ударяя, перебивают железо.

Кто, храбрый и мудрый, возьмет стрелу чума и поедет по рекам, тайге и тундрам, поедет из города в город, из поселка в поселок, от князя к князю, от рода к роду, кто первый повезет ко всему остяцкому, вогульскому и самоедскому народам кровавую стрелу восстания?

Со всех сторон раздались голоса, выражающие ненависть к угнетателям и готовность к борьбе за независимость.

— Приятно слышать, — громко продолжала Анна, — единодушие всего народа. Наверное, великие боги радуются на небе, видя мужество манси. Старейший среди нас, прославленнейший и мудрейший, обладающий сладостью речи и горячностью сердца — Неунко. Так пусть же он возьмет себе стрелу бунта и сейчас же едет на Коду. Пусть расскажет там о нашем решении и передаст стрелу из рук в руки. Пусть она, вестница свободы, пойдет по народам тайги и тундры, призывая к борьбе.

ЭР03134

Молча встал старый Неунко, поклонился во все стороны, принял стрелу и вышел.

Не далее как через несколько минут за стенами юрты заскрипели полозья нарт.

★

Долго летала, переходя из рук в руки, вещая стрела. С Коки повез ее остяк Тугуманк на Обдорск к князю Мамруку; присоединившись к заговору, Мамрук послал ее дальше.

Березовские казаки, собирая ясак по реке Созве, узнали о таинственной стреле, захватили ее и отправили к своему воеводе.

Тот начал следствие, подверг пойманного остяка жесточайшей пытке, открыл заговор и захватил в свои руки многих его организаторов. Сейчас же полетели сообщения об этом по всем русским городам и острогам, завоеватели насторожились, и мятеж, который должен был охватить всю страну, был уничтожен в самом начале.

Таких заговоров было немало, но все они кончались так же. Бывали и мелкие вспышки бунтов, но все они подавлялись с невероятной жестокостью.

Раз взяв сибирские народы за горло и придавив их, не легко разжимался царский кулак. Протекло без малого три с половиной столетия, прежде чем они наконец получили долгожданную свободу и равноправие.

А в то время всякая борьба с самодержавными поработителями была немыслима.

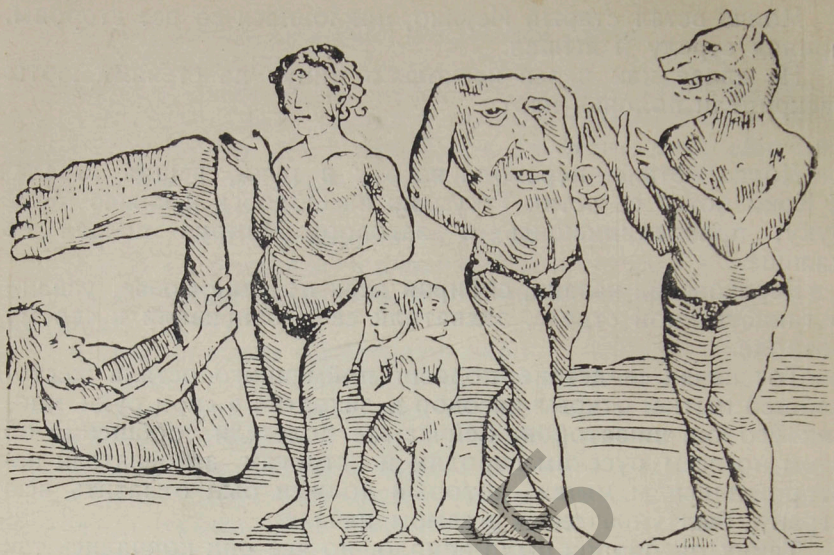
Сибирь покрывалась все более и более густой сетью русских крепостей — острогов, недоступных для туземного населения, оплотов их порабощения.

2. На крайнем севере

Еще древнегреческий историк (V век до нашей эры) Геродот слышал и записал странные рассказы о народах, обитающих на крайнем севере, которых он называл гиперборейцами. Говорили, что они спали полгода. Вероятно, в этом рассказе отразились сведения о долгой полярной ночи.

Но удивляться таким рассказам, распространявшимся в Греции во времена Геродота, не приходится, так как еще русские в XV веке, когда уже начиналось проникновение в Сибирь, распространяли об ее крайнем севере самые невероятные слухи.

ЭР03134

Сказочные гиперборейцы со старинного рисунка.

Вот, например, что писалось о ненцах в одной статье того времени:

«Над морем живет иная самоедь; называется — линная. Летом месяц живут в море, а на суше в то время не живут, понеже в тот месяц тело на них трескается и они тот месяц в воде лежат, а на берег не могут вылезти.

В той же стране, за теми людьми, у моря, есть иная самоедь: от низу до пупа люди мохнаты, а от пупа вверх — как и прочие человеци. А еда их — рыбы и мясо; а торг их — соболи да песцы, да пыжи, да оленьи кожи.

За теми людьми иная самоедь такова: вверху рты, рот на темени, а не говорят; а коли едят, и они крошат мясо или рыбу да кладут под колпаки или под шапку, и как начнут есть, то они плечами движут вверх и вниз.

Иная самоедь такова, как и прочие человеци, но зимой умирают на два месяца; умирают же так: кто где будет в те месяцы, тот тут и сядет, а у него из носа вода изойдет, как от потока, да, не дойдя до земли, замерзнет. И если какой незнающий человек из другой земли эту сосульку оторвет и спихнет его с места, то он умрет и уже не оживет; а если не спихнет с места, то тот оживет, узнает его и скажет ему: «О чем мя еси, брате, поуродовал?»

ЭР03134

А оживают, как солнце на лето поворотится. Тако же на каждый год оживают и умирают.

В той же стране есть такова самоедь: по телу аки человеци, но без голов; рты у них меж плечима, а очи в грудех. А еда их — головы сырые оленьи; и коли им есть, то они головы оленьи кладут себе в рот на плечах и на другой день измещут из себя оттуда же».

Такие сказочные представления о ненцах держались очень долго, и даже до настоящего времени иногда приходится слышать такой вопрос: почему они называются «самоедами?» Что они, сами себя едят?

Конечно нет. Сами себя они не едят, но, правда, есть некоторые указания на то, что в древности они не чужды были людоедства, как и большинство народов земного шара.

Сами себя они часто называют хазово, что значит в переводе на русский язык (хаз-ово) — сам-один, то есть в произношении древних русских — самедин, слово, которое позже могло измениться в самоедин, самоед.

Другие ученые считают, что это слово могло произойти и от названия Лапландии, с которой русские познакомились раньше; лапландцы называют свою страну Самедна (Samaedna), или от слова «соома», что значит болото.

Итак, мы видим, что вопрос о происхождении слова «самоед» до сих пор остается нерешенным.

Посмотрим же, как на самом деле жили ненцы (так сами себя называют самоеды) в то далекое время, какой на основе имеющихся данных мы можем представить себе картину их быта за двести-четыреста лет до нашего времени.

По всему крайнему северу Сибири тянутся беспредельные тундры. В большинстве случаев это низменные заболоченные места. Множество мелких озерков и отдельных луж разливается по их поверхности. Такие мощные реки, как Обь, Пур, Таз, омывают своими водами однообразные берега.

Долгую полярную зиму стоит здесь ночь. Многие дни солнце не поднимается над горизонтом, но на темном небе зато ясно выделяются мириады звезд, совершающих свой нескончаемый путь вокруг стоящей над головой красавицы Полярной звезды. Время от времени небосклон озаряется яркими полосами играющих лучей северного сияния.

В их блеске бриллиантами искрится белый снег, накапливающийся в большом количестве во всех ложбинках и быстро сдуваемый сильными ветрами с пригорков. Зато здесь под действием ветра образуется твердый наст.

ЭР03134

Страшна бывает зимняя пурга. Хлопьями вертится снег, гонимый завывающим ураганом. Под сильными ударами мятущегося воздуха трудно стоять на ногах. Горе путнику, застигнутому в такую погоду в пути, но зато как хорошо в это время сидеть в теплом чуме, покрытом оленьими шкурами, сотрясаемом порывами ветра, гудящего вокруг, заносимом горами белой снежной ваты и жарко нагреваемом изнутри пылающим очагом.

А за его стенами несчастные стада оленей плотно прижимаются друг к другу, обогреваясь своим внутренним теплом. Замерзающий в холодном воздухе пар туманом стоит над их спинами.

Скребок для выделки шкуры.

Зарывшись в сугроб, жалобно подвывают собаки, выставив наружу только свои длинные морды и поводя по сторонам зоркими, черными, горящими в темноте глазами.

Сидящие в чуме люди прислушиваются к этому вою, смешивающемуся с воем ветра, занимаются своими делами и с поглощающим интересом слушают старика, рассказывающего невероятные сказки о силе и хитрости животных, о старухе-людоедке, о страшных бородатых людях, подчинивших себе гром и молнию, похитив их с неба, и идущих сейчас войной на эту полуночную страну.

Сказочный зверь иур не кажется таким страшным, как эти люди, отбирающие, как говорят, все стада, всю накопленную пушнину, оставляющие человека среди суровой природы почти ни с чем, чуть не голого, убивающие, мучающие, казнящие всякими страшными казнями, но в то же время могущественные и непобедимые.

Рассказывая все это дребезжащим, скрипучим, как снег под полозьями нарт, голосом, грея свои окоченевающие члены у жарко горящего костра, старик держит в руках два камня и в такт своему голосу методически ударяет ими друг о друга.

Это он делает грубые каменные орудия, окончательно не вышедшие здесь еще из употребления.

Вправо от завешанного входа в чум, на «поганом бабьем месте», около двери, сидят две самые внимательные его слушательницы — внучка и младшая жена старшего сына.

ЭР03134

Одна из них, придвинувшись к огню, расшивает при помощи костяной иглы пестрым подшейным волосом оленя сделанную из оленьего же меха малицу (верхняя одежда) отца. Она выводит искусной рукой геометрические формы узора.

Другая кормит лежащего на руках, завернутого в олений мех грудного ребенка. Она держит около рта малютки длинный ломтик вяленой рыбы, и крошка, подергивая закрытыми веками, звучно чмокает, приучаясь сосать лакомую пищу.

Несколько в стороне — старшая жена, с уже подернутым морщинами лицом, обрамленным многочисленными черными косами с вплетенными в них блестящими медными подвесками, позванивая ими в такт, размеренно скоблит каменным скребком разложенную на деревянной дощечке, на ее коленях, свежую оленью шкуру.

Кожа противно пахнет мочой, в которой она долго размачивалась, чтобы освободиться от волоса.

Сейчас умелые руки женщины окончательно освобождают ее от всяких остатков мездры (подкожного жира) и меха, превращая в равдугу (замшу).

Эта женщина не так стара, но она преждевременно поблекла вследствие долгого и тяжелого труда.

Сидящий у очага старик, отец ее мужа, купил ее у родителей, выплатив богатый калым, когда ей было тринадцать лет.

Еще совсем девочкой она стала женой немного более старшего, чем она сама, подростка. В семье мужа нужны были рабочие руки. Прожив с ним лет десять, она осталась вдовой и согласно обычаю по наследству перешла в жены к младшему брату, которому тогда было еще только восемь лет.

На нее пала таким образом вся забота по ведению хозяйства и по выращиванию своего второго мужа, а равно и детей от первого брака.

Теперь, когда муж взял в чум вторую жену, ей стало легче. В домашнем хозяйстве появились новые, молодые и ловкие, рабочие руки, наконец получила она себе долгожданную помощницу.

На стороне, противоположной входу в чум, находится тоже несколько человек. Это мужчины. Они, согласно обычаю, занимают лучшую, наиболее теплую половину жилища.

Ее муж и дети растянулись на куваланах (ковры из

ЭР03134

оленьего меха) и наложенных мягкими кучами одеждах и спят или слушают рассказ старика.

Молодой мужчина, сбросив с себя малицу, старательно занят обтягиванием камосных лыж [1]. Он делает их для развалившегося рядом хозяина чума.

Этот парень вот уже второй год живет здесь и работает не покладая рук. На него главным образом падает такое трудное дело, как заготовка топлива, которого в тундре так мало; он участвует в охоте и пасет оленье стадо.

Он вынужден все это делать на чужих людей, так как ему подошла уже пора жениться, а заплатить отцу невесты (сидящей сейчас напротив него за шитьем одежды девушки) необходимый калым он не мог.

В таком случае, согласно обычному праву, он должен был пойти в чум намечаемой им невесты, остаться в нем и начать работать, питая надежду, что года через два он окупит своим трудом ее стоимость.

И вот сейчас это время приближается, и, сидя над лыжей, он не слушает монотонных рассказов старика, а мечтает о том, как он вернется на свое кочевье, введя в хозяйство новую, хорошую и молодую, здоровую и крепкую, как оленья важенка, жену.

Так, сидя в теплом чуме, люди коротают долгое зимнее время.

★

Зима в тундре держится до самого начала лета. Поздняя весна здесь бывает очень непродолжительна, но зато изумительно хороша.

Ослепительно ярко горит не заходящее с небосклона солнце, обогревая своими теплыми лучами застывшую землю. Быстро стаивают снега, задерживаясь только в глубоких ложбинках. Воды сливаются в журчащие ручейки, образуя болотца и лужи.

В несколько дней все покрывается сочным зеленым ковром мха, ягеля и других травянистых растений.

Из южных стран слетается множество всевозможных птиц — гусей, уток, лебедей и других, привлекаемых богатейшим ягодным и рыбным столом.

Весь этот пернатый мир кричит, чирикает, крякает. Круглые сутки над тундрой стоит веселый гомон их голосов.

---

[1] Лыжи сибирских народов делаются короткими и широкими, а нижняя сторона их обтягивается камосом — мехом, снятым с ног оленя или лося.

ЭР03134

Совсем другими, довольными и жизнерадостными, деятельными и энергичными, становятся в это время и пробуждающиеся люди.

Зимний охотничий сезон окончился.

Быстро умелыми женскими руками свернулись легко переносимые чумы, весь немногочисленный скарб погрузился на нарты. Ненцы телег не знают, и круглый год, независимо от наличия снега, передвигаются на санях.

Многочисленные кочевья вместе со всеми своими стадами потянулись на север, на берега моря и рек, туда, где больше простора, где сочнее любимый олений корм — ягель, где много рыбы, которой надо запастись на зиму.

Каждое кочевье обычно передвигается в направлении к определенному своему месту, месту своей насиженной стоянки, своих угодий.

Но сейчас весь род должен собраться вместе. Старейшина известил об этом всех своих сородичей. Этот год обещает быть нехорошим.

Точно ветром разнесся слух, точно былинка передала былинке на огромных просторах тундры страшную весть — по могучей Оби спускаются вниз дощатые большие лодки, полные бородатыми людьми со светлыми волосами и серыми, как полярное небо, глазами, с железными огнедышащими палками в руках.

★

Люди собрались у берега реки Таза. Со всех сторон стеклись сюда сородичи. Целым живописным городом расстелились по тундре конические чумы.

Многотысячные стада оленей не находили себе достаточного количества ягеля и другой пищи.

Хлопотливые женщины собирали плавник, которого переставало хватать на всех, разжигали костры, готовили праздничную пищу.

На яру собрались мужчины. Шаманы и родовые старейшины, наиболее богатые и властные люди, всегда державшие в своих руках и подчинении большинство сородичей, совершали торжественное жертвоприношение духам умерших предков.

На священное место — гибидею — сложили кости. На шестах нацепили белеющие, с ветвистыми рогами, черепа оленей. Пролили оленью кровь и намазали ею глаза и рты многочисленным идолам, похожим на торчащие из земли дощечки.

ЭР03134

— Хазово! — начал старейшина. — До сих пор приходили к нам иногда бородатые русские люди и вели с нами торг. Они привозили к нам яркий, как зимнее небесное сияние, бисер, медные блестящие котлы, упругие железные ножи, а мы им давали за все это много снежнобелых и голубых песцов и шкурок других животных.

Мы думали, что так и будет всегда, и помогали гостям. И они умели уважать наших великих шаманов и старейшин и никогда не забывали давать им подарки. И мы встречали их радостно и гостеприимно и жили с ними мирно и ладно. Но последние годы они стали приходить все в большем и большем числе и начали показывать свои зубы, требуя с нас ясак, отбирая пушнину и ничего не давая взамен. А сейчас они послали сюда четыре больших лодки и две малые и на них множество людей с железными огневыми палками. Черная беда обрушилась на наши головы. Но силой наших шаманов были нагнаны на русских великие ветра, и ладьи их в Обской губе разбились, почти весь запас их утонул, а сами люди вышли на берег, захватили встреченные там стада оленей и нарты и идут сейчас вверх по Тазу, к нашей земле, земле могущественного рода Мокасе, расселившегося испокон веков по великому и многоводному, серому, как сумеречное осеннее небо, Тазу.

Поговорив с духами наших предков, шаманы указывают нам путь. Мы должны отомстить за наши обиды, мы должны напасть на этих людей, убить их и забрать себе их ножи, котлы, железные палки и прочие запасы.

Мы, старейшины, сумеем разделить захваченное добро, сумеем не обидеть при дележе каждого участника этого трудного дела.

Беритесь же, хазово, за луки и стрелы, и двинемся в путь навстречу врагу!..

Спустившись по реке Оби до Обской губы и стремясь попасть в устье реки Таза, русский правительственный отряд под начальством письменных голов князя Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова пострадал от бури и был вынужден высадиться на берег. Видимо, перезимовав здесь зиму 1600 года, он двинулся на оленях и лыжах к верховьям реки Таза, с целью, согласно полученным приказам, укрепиться здесь и построить в Мангазейской земле (так называли русские землю рода Мокасе, лежавшую на реке Тазе) крепкий острог, из которого, прикрываясь его стенами, было бы удобно собирать ясак.

ЭР03134

Ненец. (Гравюра XVIII века.)

ЭР03134

До сих пор Мангазейская земля славилась своими пушными богатствами, но все они доставались в руки ловких зверопромышленников, скупавших их по дешевке, и миновали правительственных рук.

Русские купцы, бешено наживавшиеся здесь, стремясь сохранить за собой возможность беспошлинной торговли, всячески задаривали ненецких родовых старейшин, шаманов и других влиятельных лиц и подстрекали их на борьбу с правительственными войсками.

На отряд Шаховского было произведено неожиданное нападение. Тридцать человек служилых людей из ста было убито, остальные добрались до реки Таза и основали на нем город Мангазею, прочный оплот царского самодержавия на крайнем севере средней Сибири.

На следующий уже год новый острог был подкреплен вновь присланным сильным гарнизоном и этот дотоле вольный край был порабощен русскими.

Но грабеж в необозримых тундрах, в труднопроходимой, болотистой приполярной холодной пустыне стал гораздо труднее. Собрать здесь ясак оказывалось делом далеко нелегким.

Поэтому тут русские начали прибегать к особым способам его получения.

Захватывая в плен старейшин, шаманов и прочих знатных людей, они привозили их в свой город и держали в качестве аманатов (заложников).

По самоедским стоянкам объявлялось, что если в такой-то срок не будет внесено должное количество ясака, то аманаты будут казнены.

Туземцам приходилось поэтому самим, как бы «добровольно», доставлять пушнину.

Город Мангазея (сохранились только развалины) стоял на правом берегу реки Таза. Высокая деревянная стена окружала четырехугольный острог, в центре которого возвышалась соборная церковь живоначальной Троицы. Вокруг нее разместилась воеводская изба, «тюрьма государева», продовольственные амбары, склады пушнины, домики служилых людей.

Вокруг городских стен раскинулся посад, где немало было обывательских домов, принадлежавших зверопромышленникам, и церквей. В них, после особенно удачно проведенного грабежа и обмана туземцев, воеводы и купцы совершали торжественные благодарственные молебствия.

Местоположение города само по себе было безопасно и

ЭР03134

весело. Мимо острога текла немалая речка Осетровка, или, по-местному, Сулей-Яга, которая впадала в реку Таз выше города. Ниже города, в некотором отдалении, была другая речка — Ратилиха, или Тирма.

★

Сегодня в сонном и тихом городке заметно какое-то необычайное движение.

По улицам ходят празднично одетые горожане, на стенах выстроились вооруженные пищалями, бердышами и саблями казаки и служилые люди, церкви, точно на пасху, оглушают округу далеко разносимым по тундре, веселым колокольным перезвоном.

К городским воротам подъехала вооруженная кучка туземцев. У них на нартах, запряженных оленями, лежат груды прекрасных, мягких и теплых, переливающихся различными оттенками мехов.

Собравшись как можно плотнее вместе, с непокрытыми головами, настороженно и любопытно, как зверьки, чувствующие большую опасность, озираются они по сторонам.

Впереди несколько отделившись от всех, понуро стоит одетый в дорогой мех мужчина.

Задумчиво и грустно смотрит он на эти страшные чужие стены. За ними ему предстоит провести в неволе долгие дни, месяцы, а может быть и годы.

Сейчас там, в плену, сидит его брат. Теперь он добровольно должен сменить его. Так решили старейшины и шаманы.

Со стен раздался звучный голос:

— Бросай оружие!

Все молча исполнили приказание.

Медленно, скрипя тяжелыми коваными петлями, открылась запасная калитка, выпустив из острога небольшой отряд бородатых людей в блестящих кольчугах и шишаках[1].

Следом за ними идет знакомый купец, часто бывающий в тундрах, водящий дружбу с родовой знатью, прекрасно знающий язык ненцев.

Здесь он должен выполнять роль переводчика.

— Здорово, Сылпы! — обращается он к обреченному в аманаты. — Ты пришел вместо брата? Это похвально с твоей стороны. А ясак привезли полностью?

— Сколько было сказано, столько и есть. Люди в тундрах остались голыми, так вам это ничто.

[1] Шишак — металлический шлем.

ЭР03134

— А воеводе поминки есть? Смотри, если мало привезли, — воевода строгий и пушнину любит, — тебе же плохо будет: помрешь с голоду и от плетей.

— Что привез, то привез.

— Ладно. Там воевода сам увидит. Ну, вы все, нехристи, здесь оставайтесь, а четверо и ты, Сылпы, тащите пушнину в город. Оружие только оставьте тут.

Привезенный ясак свалили в амбаре. Кончив таскать, пять туземцев, переминаясь с ноги на ногу, прижались к стене, с уважением и опаской посматривая на скамью, застланную медвежьей шкурой, мехом хозяина тайги и тундры, особо почитаемого, священного животного.

Воевода, плотный и толстый, в охабне [1] пунцового цвета с золотыми позументами, отороченном мехом серебристой лисицы, и в такой же шапке, хищнически горящими глазами пронизывал кучи пушнины.

Дьяки, с каламарами (чернильницами), подвешенными к поясу, и гусиными перьями, заложенными за оттопыривающимися ушами, тщательно пересчитывали ясак.

Поглощенные своим занятием, они только временами перемигивались, хрюкали точно что-то себе в кулак, некоторые искрящиеся шкурки незаметно отбрасывали в особую кучу, некоторые высоко поднимали перед глазами воеводы, гладили их рукой, приговаривая: «Вот, батюшка-воевода, лисичка-то добрая! Ее бы матушке Анастасии Трифоновне на душегрейку!»

Тучный воевода только искоса окидывал опытным взглядом шкурку и деловито и коротко басил:

— Клади!

Когда приемка мехов была окончена и воевода остался доволен — здесь хватило и на государеву долю, и на его, воеводину, и на подчиненных ему людишек по мешишку, горностайке, лисичке, песцу, — тогда приезжих «гостей» повели в воеводскую избу.

Здесь, за накрытым всевозможными яствами столом, с пирогами пудовыми, кулебяками, лебедем жареным, гусятиной, всевозможной дичиной, крупениками, медом, брагой, заморскими разнообразными зельями, сидел, с жадностью поедая расставленное перед ним, брат Сылпы, оканчивающий сегодня свое сидение аманатом в остроге.

Увидев своих, он поперхнулся даже, вскочил было из-за стола, сделал несколько пьяных, нетвердых шагов и опять грузно шлепнулся на устланную сукном лавку.

[1] Старинная русская одежда.

ЭР03134

Русские обычно не очень церемонились с захваченными аманатами. Держали их под крепким замком, содержа впроголодь, а частенько и просто оставляя голодными. В случае каких-нибудь неполадок в тундрах, их подвергали жестоким истязаниям, били батогами, сажали в железные кандалы или тяжелые деревянные колодки, а иногда и замучивали досмерти.

Но перед приходом туземцев с ясаком аманата празднично наряжали, одаривали, начинали усиленно кормить. Приходящие сородичи должны были видеть, как хорошо содержатся их аманаты. Конечно это никого не могло обмануть, но в известной мере внушало мысль, что при своевременной «добровольной» выплате ясака, при даче более обильных «воеводиных поминок» они могут ожидать лучшего обращения с их заложниками.

— Садитесь, угощайтесь, любезные, будьте дорогими гостями, — уговаривал пришедших приставленный к ним переводчик.

После обильной еды и питья, опроса разнообразных сведений, «делегатам» давались различные небольшие подарки и их отпускали обратно.

Грустно следил сквозь темное слюдяное оконце оставленный, быть может на долгие годы, аманат, прислушиваясь к звуку удаляющихся шагов своих родных и близких людей. Увидит ли он их когда-нибудь хоть еще раз? Выплатят ли они в срок за него ясак или вдруг забудут о нем, или промысел будет неудачным, и так и сгниет он тогда здесь, в царской неволе?

Печально смотрит он из своего оконца на свинцовое небо. Это небо кажется ему таким дорогим и близким, потому что в нем он видит единственную, доступную для него сейчас неотъемлемую часть милой, привычной тундры.

3. Вверх по Енисею

Если подниматься вверх по Енисею, то, примерно, на широте полярного круга вся картина местности резко меняется. На смену однообразной, пустынной тундре постепенно является могущественная, дикая тайга.

Раскачиваемые сильным северным ветром, шумят вершины огромных сосен, елей и лиственниц. Даже солнечный свет с трудом проникает в лесные дебри, пробираясь точно украдкой сквозь сливающиеся в сплошной покров ветви. Но

ЭР03134

зато там, где ему удастся пробиться через какую-нибудь прореху в зеленой шапке, он точно наверстывает свое, заставляя играть яркими красками необхватные красноватые стволы сосен, бархатистую темную зелень пушистых елей, белую кору замешавшихся здесь тонких и стройных березок.

Нелегко пробираться сквозь дремучую тайгу. Нередко поваленные древесные громады сплошной стеной преграждают путь. Заросли кустарника делают дорогу совершенно непроходимой. Нога тонет в мягком яркозеленом, сочном моховом ковре или в поблекшем перегное листвы, оставшихся иголок, шишек.

Черная тайга поражает своей тишиной. Шум раскачиваемых ветром вершин, скрип деревьев и редкий пронзительный крик какой-нибудь птицы только подчеркивают безмолвие леса. Кажется, стоит только зайти в эту трущобу, чтобы уже никогда, заблудившись, не выйти из нее, не найти обратной дороги.

Кажется невероятным, чтобы люди отваживались заходить сюда.

Но это не так.

Они не только заходят, но и живут здесь, а в зимний охотничий сезон далеко отходят от дома в поисках добычи.

В это время года мощный снежный покров окутывает землю

В морозный ясный солнечный день, когда зимний воздух играет в лучах мириадами микроскопических блесток, ветки покрываются тонкими серебристыми кружевами инея.

Перед белой опушкой высоко вздымается крутая, поросшая вековыми деревьями гора. На ее вершине, а кое-где и на склонах, вырисовываются из-под сверкающего белого покрывала серые гранитные скалы.

На верхушке высокой сосны, стоящей на самом склоне, игриво резвится пушистый зверек. Это белка. Безмятежная, уверенная в своей безопасности, прыгает она с ветки на ветку. Вот она остановилась, почесывая лапками шуструю мордочку и поблескивая черными, как бисеринки, глазками. Вдруг там, наверху, у вершины горы, из лесной чащи вынырнул охотник. Это эвенек. На нем одет короткий меховой кафтан, сшитый из умело подобранных разноцветных мехов. Спереди, в разрезе, грудь закрывает яркая нагрудка, богато орнаментированная пестрым оленьим волосом и поблескивающим красным, синим, желтым, зеленым, белым бисером. На ногах расшитые меховые сапоги. Из-под россомашьей

ЭР03134

Эвенек на охоте. (Гравюра XVIII века).

ЭР03134

пушистой большой шапки с торчащими ушами смотрит смуглое, широкоскулое лицо с быстрыми, черными, немного раскосыми глазами.

В руках он держит длинный изогнутый лук и пальму[1]. За плечами висит деревянный колчан со стрелами, на ноги надеты широкие, короткие, подбитые оленьим камасом лыжи.

Быстрым взглядом окинув местность, охотник незаметным движением толкает лыжи, пригибается и, ловко описывая дуги вокруг деревьев, несется с горы, по самому крутяку, вниз.

Лыжи.

На самом склоне, заметя белку, он резко поворачивает лыжи вбок, нажимая сзади древком пальмы в мягкий снег.

Быстро остановившись и не теряя минуты, вскидывает лук, наставляет стрелу и натягивает тетиву.

Стрела, с тупым, цилиндрическим наконечником, пущенная умелой рукой, без промаху попадает в белку, сшибая ее силой удара, но не повреждая шкурки.

Подняв упавшего зверька, охотник несется дальше.

Среди глухой тайги, на небольшой полянке, стоит нечто вроде избушки на курьих ножках. На двух обрубленных стволах деревьев устроен небольшой крытый сруб. Это лабаз. Там, наверху, в этом небольшом помещении, охотник складывает свои продовольственные запасы и добытую пушнину. Он знает, что положенное там никто не тронет. Таков закон тайги.

Каждый охотник спокойно может оставить свое добро в лабазе. Забраться туда могли бы только дикие звери, но во избежание этого лабаз и делается высоко, на деревьях. Сложив добычу и наспех перекусив, охотник отправляется дальше.

---

[1] Пальма—длинное древко, как у копья, но с наконечником, имеющим вид длинного и тяжелого ножа. Пальма служит эвенку одновременно в качестве рубящего и колющего орудия.

ЭР03134

Вот он наткнулся на чью-то чужую лыжницу. Уже по одному следу зная, кто здесь прошел, он поворачивает по тому же пути. Это его сосед, через охотничий участок которого он проходил сегодня и убил на нем белку. Он должен об этом сказать ему и отдать добычу. Таков тоже закон тайги.

Когда-то, давно-давно, в очень древние времена, эвенки жили большими родами, ведшими коллективное хозяйство, и не знали частной собственности. С усовершенствованием техники охоты, с распространением ловушек и лука коллективная охота постепенно сменилась индивидуальной.

Вся продукция охоты стала принадлежать не всем сородичам, а начала поступать в собственность только самого охотника.

А родовой участок земли оставался общим. Тогда эвенки начали делить и охотничьи угодья на отдельные наделы, время от времени переделяя их.

С появлением частной собственности у эвенков начало развиваться, естественно, имущественное неравенство, начала обособляться родовая знать. Родовые старейшины, выделяясь как богачи, начали всячески использовывать свои права для присвоения лично себе общественной собственности рода.

Они по возможности часто, под всякими предлогами, устраивали переделы земли, присваивая себе все лучшие угодья. Закабаляя экономически своих сородичей, они этим фактически лишали их равноправия, постепенно захватывая себе все большие и большие права.

Подобное разложение первобытно-коммунистических отношений в эвенкийском роде началось, вероятно, очень давно. Сведения об эвенкийских народностях сохранились у китайских летописцев, знавших их до нашей эры под именем народа су-шень. Сейчас эвенки расселяются по огромной территории, начиная от берегов морей Великого океана и границ Манчжурии и непрерывно простираясь до бассейна реки Енисея.

Когда и откуда они появились — неизвестно. Есть некоторые основания предполагать, что они расселялись, переходя с места на место, в направлении с юго-востока к северо-западу. Но весьма вероятно и то, что они являются исконными обитателями большинства районов их расселения в настоящее время.

В национальных преданиях еще говорится о тех временах, когда люди не знали железа и делали свои орудия из меди

ЭР03134

и даже камня. Некоторые подтверждения этому сохранились и в языке.

Так, например, скребок для выделки шкур до сих пор называется чучун, что значит медь, хотя эти скребки теперь делаются только из железа.

Воспоминания о первобытно-коммунистическом строе сохранились также в легендах. Так, по ним в истории народа различаются три периода: период приручения оленей, период больших стад и период распада оленьих стад и роста межплеменных войн.

Здесь, несомненно, период больших стад соответствует коллективному родовому хозяйству, тогда как с ростом частной собственности эти стада должны были распасться, равно как и то, что рост частной собственности должен был вызывать стремление к грабежам и захватам, должен был, как и везде, сопровождаться грабительскими войнами.

Как раз в эпоху возникновения классов русские впервые и столкнулись с эвенками.

Отдаленные пережитки первобытного коммунизма в некоторых обычаях сохранились у эвенков даже до нашего времени, и тем более они должны были быть сильны в XVI—XVII веках.

ДВГГБ

☆

Уже к вечеру уставший охотник возвращался домой, к родному стойбищу.

На небольшой поляне, защищенной от пронизывающих ветров густыми деревьями, раскинулось несколько конических, крытых берестою и до половины занесенных снегом чумов. Из открытых отверстий, наверху, в том месте, где сходятся жерди, клубился дым, говоря о тепле, уюте и пище.

Услыша приближающийся скрип лыж, залились было злобным лаем волкообразные собаки, повылезшие из снега, но тотчас, узнав пришельца, умолкли.

Скинув лыжи и очистив с них налипший снег, охотник откинул берестяную дверь и вошел в чум, принеся с собой холод и устремившийся за ним следом морозный туман.

В центре чума ярко горел, разливая приятную теплоту, костер, а по стенам, на разбросанных шкурах, сидели люди.

Увидев вернувшегося хозяина, женщины засуетились, ускоряя приготовление пищи. Одна из них, сидя у деревянного сосуда, вытаскивала из огня раскаленные докрасна небольшие камни и бросала их в воду, доводя ее до кипения. Эвенки глиняной посуды не знают и заменяют ее, если нет медных котлов, деревянной или кожаной.

ЭР03134

Зимний костюм эвенка. (Гравюра XVIII века.)

ЭР03134

— Ты три дня не был, охотился, — рассказывала она вернувшемуся мужу, — у нас олень подыхать стал. Зарезали сегодня только. Желудок тебе приберегла, сейчас разогрею.

Принеся полный, с непереварившейся пищей, превратившейся в кислую зеленоватую кашицу, олений желудок, заботливая хозяйка подвесила его над очагом, разогрела дотепла и преподнесла эту лакомую пищу хозяину, молча и с аппетитом принявшемуся за еду. Кроме того она нарезала ломтями мясо и бросила его жариться на раскаленные угли. Из висящего на стенке кожаного мешка достала запасенные еще летом и высушенные корешки дикорастущей сараны, быстро растолкла их в деревянной ступе, замесила на растаявшей из снега воде, слепила лепешки и положила на камень у очага.

Не успел хозяин приняться за пищу, как поднялась пола двери, и, вылезая из темноты и повалившего сразу тумана, в чум зашло несколько человек — обитателей соседних чумов. Следом за ними подошло еще несколько человек.

— Как охота? Удачна?

— Хорошая охота была. Много зверей убил. Садитесь, сейчас есть будем. Ярте, — обратился он к молодому парню, своему брату, — иди принеси все. Сейчас берси делать будем.

Согласно древним обычаям охотник после удачной охоты обязан оделить всех приходящих сородичей определенной долей — берси — добытого им продукта.

Берси не есть подарок. Подарок называется «нимат». Берси — это древний обычай, сохранившийся как пережиток от далеких времен, когда охота была коллективна, когда у рода было единое хозяйство, когда не было еще частной собственности и весь продукт принадлежал всем.

Уже поздно разошлись гости, и хозяева улеглись спать. Наутро, перед рассветом, надо опять итти на промысел. Охота — основное занятие эвенка. Олень в основном служит только для перекочевок, а рыбная ловля бывает главным образом летом, когда приходится специально перекочевывать к берегу реки.

Наутро обитатели чума поднялись.

Костер потух. В нем только тлели отдельные угли.

Хозяин набросился на жену:

— Как ты допустила огню потухнуть! Скорей раздувай его. Слепая хозяйка — хоран-бали, — живущая в пепле под очагом, может рассердиться. Разве можно гаснуть огню! Огонь семейного очага погас — все несчастья должны обрушиться на нас. Хорошо, еще угли тлеют.

ЭР03134

Обескураженная жена, вся съежившись, прильнула губами к углям, подбрасывая трут и раздувая его.

Наконец яркий язык лизнул брошенные поленья, и костер разгорелся.

Обитатели чума беспокойно переглянулись.

— Ты пойдешь? — встревоженно обратилась жена к мужу. — Слышишь? Огонь трещит... Удачи не будет в промысле.

— Правду говоришь, — задумчиво протянул муж. — Да что же делать? Нет, пожалуй, пойду. Надо хоть капканы все осмотреть. И за что это Мугун, дух огня, младший брат небесного огня, на нас сердится?

Жена принесла еду — мясо оленя.

Все принялись за пищу.

Хозяин тщательно отрезал от мяса лучший кусочек жира, бросил в огонь, приговаривая:

— Мугун, дух огня! Счастье подай! Дыханье сохрани!

Поев, охотник намазал жиром подошвы обуви — лучше охота будет, взял с собой несколько амулетов — соболиные и беличьи ноздри и когти (эти амулеты должны привлечь зверя) — и тогда только, вооружившись, вместе с младшим братом своим вышел на промысел.

В этом году нельзя терять времени. Ведь теперь надо и семью прокормить, одеть и обуть, да и ясак, главное, заплатить.

Еще осенью приезжали русские, требовали ясака, говорили, что в этом году надо больше соболей справить. А то не заплатишь — беда. Будет, как в прошлом году в Ессейском зимовьи, где приказчик Пантелеев досмерти забил одного эвенка батогами за то, что тот доставил ясак полностью, а для него и служилых людей сверх законного ясака мало соболей принес. Да и свои старейшины — Ягир, Иркиней, Тассей и другие — тоже не лучше. Силу русскую быстро почувствовали и спелись с врагом. Им что — им беды мало. Ясак, за их дружбу к русским, велено через них собирать, ну, а они, известно, себя не оставят в обиде.

Вот Данул молодец был. Этот конечно тоже себя не забывал. Много добра себе у своих же награбил, но зато и русских поработителей не побоялся. Отважился напасть на царевых холопов и вреда им немало сделал, борясь против них. Триста человек под его начальством эвенков было.

Да и то сказать, что в этом толку? Как ни боролся храбро Данул, а все в конце концов разбит был и разгромлен бородатыми зверями в 1615 году.

ЭР03134

Хакасская деревянная юрта.

Сколько разорения, мук, пыток и казней за эту борьбу несчастные эвенки должны были вынести — прямо беда!

Когда, еще до прихода русских, ангарские эвенки подчинялись бурятам и им ясак платили, и то много лучше было. А эти воеводы, приказчики да купцы-промышленники не люди, а медведи какие-то, волки хищные на двух ногах.

4. «В качинской землице»

В первой половине XVII века русские завоеватели, поднимаясь вверх по течению реки Енисея, начали проникать в южную часть средней Сибири, на территорию бывшего здесь когда-то, уже знакомого нам, хакасского государства. В 1628 году ими был построен здесь первый форпост — острог, долженствовавший служить опорной базой для продвижения на юг и захвата верхнего Енисея, — город Красноярск.

Выше, когда говорилось о мощном хакасском государстве, мы оставили его в XII—XIII веках, в то время, когда оно распалось окончательно на несколько мелких независимых княжеств.

ЭР03134

Хакасский воин. (Гравюра XVIII века.)

ЭР03134

На протяжении XIV—XV веков достоверных сведений о каких-либо происходивших здесь событиях, к сожалению, нет. Таким образом мы невольно должны перенестись сразу ко времени захвата этой части Сибири русскими, то есть ко времени XV—XVII веков.

Попрежнему господствующей народностью здесь оставались хакасы, имевшие в своем подчинении целый ряд более слабых племен.

Бывшее когда-то могучим и сильным, хакасское государство оказалось в это время разбитым на четыре самостоятельных княжества: Тубинское, находившееся на правом берегу реки Енисея; лежавшее против него, на левом берегу, княжество Езерское; к юго-западу от последнего, в долине реки Уйбата, располагалось Алтырское княжество и наконец к северу, на Белом и Черном Июсе, — княжество Алтысарское.

Во главе каждого из этих четырех княжеств стояли свои, не зависимые друг от друга князья. Каждому из них подчинялось по нескольку мелких племен, являвшихся их данниками — киштымами.

Главную массу населения хакасских улусов составляли «свободные люди», занимавшиеся преимущественно скотоводством, охотой и частично земледелием. Они управлялись баями, своей обособившейся знатью, которая обладала огромными стадами скота по нескольку тысяч голов, и большими участками земли.

В худшем положении находились киштымы. В большинстве случаев это были инородные для хакасов люди, занимавшиеся звероловством. Они или управлялись своими князьками и платили хакасам ясак, или являлись лично зависимыми, кабальными людьми хакасской аристократии.

Власть князей основывалась на их исключительно высоком хозяйственном положении в обществе и на родовом происхождении.

Из группировавшейся вокруг князей знати выделялись отдельные лица, несшие те или иные должностные обязанности. Таковы были ожо — главные судьи, и яргучи — члены административно-судебных учреждений при князе. Кроме того были еще ясаулы, заведывавшие продовольствием и перевозочными средствами иноземных послов, а также, вероятно, начальствовавшие над отрядами во время войны.

Алманными сборщиками назывались лица, на обязанности которых лежал сбор ясака с киштымов.

Со всеми этими княжествами русские столкнулись в на-

ЭР03134

чале XVII века. Но здесь такое быстрое продвижение вперед западных завоевателей, каким оно было до сих пор, должно было приостановиться. Более сорганизованные хакасы могли оказать гораздо большее сопротивление, чем то, какое иностранные поработители встречали ранее.

Тем не менее Хакасия оказывалась теперь в исключительно тяжелом положении. К ее территории одновременно подступали три страшных врага. В это время в западной Монголии образовалось сильное хакасское государство со стоявшими во главе его так называемыми алтын-ханами (золотые ханы). С другой стороны, в Ойротии, на Алтае, окрепло джунгарское государство.

Вот все эти три силы и столкнулись на протяжении XVII века друг с другом в борьбе за захват хакасской земли.

★

Широко разлился своими быстрыми водами Енисей. На правом берегу беспорядочно разбросались горы. Среди покрывающей их густой тайги торчат отдельные голые гранитные и известковые скалы. Издали они кажутся неприступными крепостями, плавающими где-то высоко в утреннем мареве.

Слева впадает в Енисей небольшая река — Кача. Длинная песчаная коса образуется при их слиянии.

По противоположному берегу Качи и Енисея тянется крутой обрыв — яр, как его называли в старину. Он обнажает выходящие на поверхность красные камни, ярко выделяющиеся в лучах восходящего из-за гор солнца, четко вырисовывающиеся среди окружающей зелени левобережной степи и желтизны песчаных дюн Качинской косы.

От устья реки Качи, вниз по Енисею, вытянулся большой остров.

На островном пастбище пасется многоголовое стадо коров, лошадей и овец. Пастухи здесь не нужны, животные и так никуда не уйдут с плодородного острова.

На высоком конце его, на берегу широкой протоки, стоит обширная круглая войлочная юрта и несколько берестяных чумов.

Это поселок аринского князя Татуша.

Богато убрана его юрта. Кругом, по стенам, стоят пестро раскрашенные ящики. Все их стенки покрыты красивыми и замысловатыми узорами, изображающими причудливо переплетающиеся и закручивающиеся веточки. Поверх ящиков, чтобы на них было мягко сидеть и лежать, разбросаны цен-

ЭР03134

ные меха. На переплетах юрты развешаны с левой, мужской стороны дорогие сабли, ножи с костяными рукоятками, упругие луки, тонкой работы колчаны со стрелами, разнообразные конские уздечки и сбруи, украшенные медными и серебряными тисненными бляхами и пряжками.

Справа от входа, на женской стороне, расставлены на ящиках орнаментированные горшки, медные котлы, резные деревянные сосуды, стоя в особой кучке, поблескивают серебряные и золоченые кубки.

На стене висят кожаные мешки и сосуды.

В деревянной кадке киснет молоко для арьяна — национальной водки. Здесь же стоит и прибор для ее перегонки.

На задней стороне, против входа, висит цветистая, расшитая по завозному китайскому шелку занавеска. Она отдернута, и за ней видна мягкая постель, устланная кочмами[1] и мехом.

В центре ярко горит очаг со стоящими на таганах котлами.

Две женщины, наложницы и рабыни, захваченные в плен во время последней войны с недалеко живущими, на реке Кане, котовами, варят баранину и конину. За ними присматривает сидящая на кочме, разложенной по полу, хозяйка — княгиня. В черные ее волосы вплетены на алых тесьмах большие серебряные кольца, на самой надет красивый, стеганный на вате, красный, шитый цветными шелками халат, опушенный бобровым мехом. Перед ней стоит деревянное блюдо с черемухой, которую она ест, непрерывно и методически кладя в рот ягоду за ягодой и глотая ее вместе с костями, только изредка сплевывая их на сторону.

На противоположной стороне юрты, также на кочме, поджав под себя обутые в мягкие сапоги ноги, сидят двое мужчин в распоясанных шелковых рубахах и конических парчовых шапках с отогнутыми, опушенными мехом полями.

Один из них, молодой на вид, худой, с широкоскулым лицом, несколько приплюснутым носом и черными блестящими волосами, — сын качинского князя, кочующего со своим племенем по левому берегу Енисея.

Другой — пожилой, лоснящийся жиром, с резко очерченным носом и рыжими волосами — аринский князь, сам хозяин юрты Татуш.

Оба они, жестикулируя, ведут важную, всецело поглотившую их беседу.

---

[1] Кочма—расшитый войлок.

ЭР03134

Хакасская женщина. (Гравюра XVIII века.)

8—515 ЭР03134

— Так как же, ты говоришь, было дело? — спрашивал гостя Татуш.

— Отец и поручил мне рассказать тебе все это. Пока белый царь построил свой Енисейский острог далеко от нас, в кетской земле, это нас мало трогало. Мы платили ему небольшой ясак, чтобы отвязаться, и только. Но ты сам знаешь, что этим хищным зверям все мало. Они всех хотят превратить в своих киштымов. Ведь сначала они укрепились только гд -то далеко на севере, как говорят, в какой-то мангазейской земле, затем выбрались на наш Енисей. Еще только десять лет назад, в 1618 году, построили они Маковский острог на реке Кети и Енисейский острог на Енисее. Тогда же впервые их воевода Молчанов дошел на своих судах и до нашей качинской землицы и обложил нас ясаком.

— Да, это тяжелое для нас было время, — прервал рассказ Татуш. — Ведь только незадолго до этого приходили на нас войной Номча и другие хакасские князья, ясак требовали. А тут русские все разграбили и вторично ясак взяли.

— Уж кому-нибудь одному платить, а то одно разорение давать и тем и другим. Скоро с голоду так умрем, — вмешалась жена.

— И правду она говорит, — продолжал гость. — Отец и то удивляется всегда, как это ты, Татуш, все это время исправно ясак платил и тем и другим.

— Что ж поделаешь, — тяжело вздохнул князь.—Только бы они сюда, к нам, не ходили, а то грабить вдобавок начнут. А так я с людей своих соберу все подати и отдам. По крайности, свое хозяйство не пострадает. Конечно обидно. Так бы себе все забирал, а тут — на вот, делись с другими, да еще за себя самого всегда опасайся.

— Ну, а теперь еще хуже будет. Отец верные слухи узнал. Из Енисейска казаки сюда плывут. Какой-то воевода Дубенский идет с ними. Будет новый острог ставить здесь, в нашей землице, под Красным Яром.

— Да, слышал тоже. Совсем беда будет. Теперь три шкуры сдерут.

— Вот отец и прислал меня договориться с тобой. Нам одним с русскими не сладить. Всем надо соединиться вместе. Примкнуть к хакасским князьям и вместе с ними на новый город напасть. Нельзя русским дать укрепиться здесь.

— Мда-а!... — задумчиво промычал толстый Татуш. — А что, если русским прямить против хакасов?

ЭР03134

— Эх, ты куда загнул! Видно, ты мало еще белого царя узнал. Разве им можно верить? Ты про Номчу слыхал?

— Не помню что-то, — уклончиво отвечал хозяин.

— То-то, что у тебя, верно, память к старости коротка становиться стала. Алтысарский князь Номча не нам чета, а и с ним вот какая история была. Когда томский князек Тоян передался русским и построили они в его землице Томский городок, тогда он, чтобы милость завоевателей снискать, начал их всячески на врага своего, Номчу, натравливать. Ну, русские и начали все чаще и чаще нападать на его владения. Видят алтысарцы, что с пришельцами справиться им нелегко, собрались князья на совет—как быть? И заспорили. Номча говорит—платить надо, сумеем в мире прожить, а остальные князья—нет, не согласились. Когда казаки за ясаком пришли — Кочебай, Ноял и Кошкай с себя и людей своих ясаку не дали, а сборщиков плетьми били и голодом проморили. Как только узнал это Номча, совсем испугался и нет, чтобы к своим на подмогу присоединиться, а решил перекинуться к русским. Сам-то в Томск побоялся ехать, а послал свою жену. Отправилась. Решили, что перед русскими надо себя лицом показать. Не захудалый он какой-нибудь князь, а богатый. Сам киштымов имеет. Надела она на себя роскошную шубу соболью, взяла собранный с народа ясак и поехала. Встретили ее в Томске как будто с почетом. Шибко большие начальники принимали. Должность их головой называется. Матвей Ржевский да Семен Бартенев.

Качинец.

Она им кланяется, просит народ свой под высокую царскую руку принять, жалуется на Кочебая, Нояла и Кошкая, что они ее мужа не слушаются и против белого царя идут. Ну и ясак отдает конечно. Головы в ответ любезно покачали своими головами, взяли ясак с подарками и сказали, что непокорных князей с помощью его, Номчи, покарают, что его самого, Номчу, белый царь берет под свою высокую царскую руку, а что сами они, головы, чином чем царь пониже, а потому в свою руку возьмут только богатую соболью шубу Номчиной жены. Как ни кричала, как ни грозилась княгиня, а ее так-таки и раздели.

ЭР03134

Вот видишь, князь, что значит своим изменять и итти вместе с царскими волками.

Быстро замигал Татуш своими красными подслеповатыми глазками.

— Да я что, я сам против них. Я так только, к слову сказал.

— Так смотри же, князь, пойдешь с нами на новый город?

— Пойду.

— И клятву, что не предашь своих, дашь?

— Дам.

★

Атаман Дубенский не окончил еще постройки Красноярского острога, как в 1628 году на него неожиданно напали собравшиеся в огромном количестве хакасы, аринцы и качинцы.

Казаки начали с ними бой в открытом поле и были перебиты. Остальные заперлись в новом городе и выдержали осаду. Когда нападавшие отошли, Дубенский послал следом за ними отряд под начальством атамана Ивана Кольцова, который напал на союзников врасплох, многих из них перебил, захваченных в плен подверг жестоким казням, разграбил поселки, а жен и детей увел в плен.

В решительный момент князь Татуш, соблазненный обещаниями русских, изменил своим, отобрал от своих подданных все, что можно было, и явился с ясаком и повинной на поклон к Дубенскому.

Жадные до наживы воеводы вошли в союз с князем, и аринский народ оказался обреченным на несение двойных тягот, вынужденный платить подати и своему князю со знатью и русским поработителям — царю и его воеводам.

Не вынеся гнета, часть населения откочевала вместе с качинцами на юг, в хакасские степи, не захваченные тогда еще русскими, а те, кто остался, обречен был на вымирание от голода, нужды, непосильного труда и лишений.

Через сто лет после описанных событий здесь побывал знаменитый историк XVIII века Герард Миллер. Ему пришлось побывать в юрте последнего аринца. Это был единственный старик, оставшийся от когда-то многочисленного народа.

Сидя на берегу пустынного Енисея, он рассказывал чужеземному историку печальную, принявшую сказочный облик, легенду о гибели своего народа:

«Название ара, аралар, аринцы дано было нам татарами и значит шершень. С шершнями сравнивали они наших

ЭР03134

предков, потому что в древние времена они были многолюдным и сильным народом, который многих людей убивал и закалывал досмерти.

Но и сами аринцы между собой употребляли это же имя, так как никто не помнил, как они назывались раньше, на их собственном языке.

В древности жили они при реке Енисее и владели всей западной ее стороной от устья речки Качи, где стоит ныне город Красноярск, вниз до большого порога в сторону к Енисейску.

Самый большой их улус был на обширном цветущем лугу близ того места, где теперь построилось русское село Подъемное.

Однажды один аринец хотел убить змею, но она спаслась от него.

Вскоре после этого из-за Енисея раздался крик, подобный человеческому, как будто кто-то просил, чтобы его перевезли через реку.

Один из жителей той же деревни, сев на лодку, поехал на другой берег.

Подъехав, он вышел на землю, но никого не увидел. Внезапно из-за прибрежных скал, травы и кустов выползло множество змей, и все они бросились в лодку.

Между ними была одна, чрезвычайной величины, с большой головой, а по всему телу сияла, как золото.

Она обратилась к человеку на аринском языке, уговаривая его, чтобы он змей не боялся, а перевез бы всех за реку.

Задумался было несчастный, но делать нечего, принужден был послушаться.

Как только лодка вернулась обратно, все змеи рассеялись в разные стороны.

Настала ночь. К утру все жители улуса, кроме самого перевозчика и его домашних, оказались умерщвленными змеями. Да, так, говорят старики, перевелся аринский народ в неравной борьбе».

Тяжело вздохнул, закончив свою повесть, рассказчик и устремил свои выцветшие, поблекшие голубые старческие глаза в туманную даль.

Судя по многим данным, можно думать, что аринцы были одним из последних разбитых осколков когда-то могущественных динлинов. Они вынесли, пройдя сквозь века, нашествие тюркских полчищ, но не справились и погибли под гнетом русского торгового капитала.

ЭР03134

Хакасы, которых русские называли кыргызами, геройски продолжали бороться за свою независимость.

Тяжело давались здесь русским их победы. Нелегко удавалось царю и купцам прибрать в свои руки богатые енисейские степи.

Наконец московское правительство вошло в сношения с Алтын-ханом. У них было общее стремление к грабежу и легкой наживе за счет чужого труда.

Объединенными силами начали они теснить неподатливых хакасов. Тогда во главе всех разрозненных мелких княжеств встал алтысарский князь Иренак, внук Номчи. Объединив всех под своей военной властью, он призвал на подмогу джунгарские силы.

Якутская пальма.

Он предпринимал частые походы на русские городки и острожки и сжигал их, нанося при этом неоднократные поражения вражеским отрядам.

Неукротимая деятельность и воинственность Иренака в конце концов заставили московское правительство вступить с ним в мирные переговоры и до поры до времени прекратить наступательное движение против енисейских хакасов.

Между тем могущественные хакасские союзники, джунгары, начинали войну с Китаем. Это вызывало у них стремление к упрочению дружеских отношений с русским правительством.

И вот в начале XVIII века они отступились от помощи. В 1703 году на Енисей явился сам джунгарский кон-тайша (великий князь) и увел с собой в свои далекие западные степи две с половиной тысячи хакасских семейств. Ушедшие с ним князья и вожди покинули на произвол судьбы свой народ.

Тогда русский капитал, прикрываемый военным кулаком, смог уже без сопротивления занять южноенисейские степи и, распоясавшись в своем произволе, наложил свою крепкую лапу на местное население.

ЭР03134

Оставшиеся здесь туземные баи признали своих новых господ и вскоре убедились, что при их поддержке они могут нисколько не хуже эксплоатировать свой народ. Им пришлось только немного потесниться и поделиться доходами с вновь пришедшими.

5. Якуты

В отличие от всех других народов, населяющих северную Азию, якуты относятся к тюркским племенам, то есть они по своему языку и внешнему типу близки к хакасам, киргизам и т. п.

Когда-то, в древние времена, они жили гораздо южнее, чем сейчас, вероятно на территории Бурятской АССР или Монголии и, быть может, на Енисее. По крайней мере еще в XVII веке здесь жило небольшое племя, называвшееся саха. Этим же именем сами себя называют якуты и до сих пор.

Около семисот или восьмисот лет назад, в XII—XIII веках, под давлением южных монгольских народностей, якуты были вынуждены переселиться на север, в бассейн реки Лены и ее многочисленных притоков.

Раньше, живя в привольных центральноазиатских степях, они занимались скотоводством. Попав в суровую северную тайгу, они не изменили своим привычкам. Столкнувшись на новой своей родине с эвенками, после многочисленных кровопролитных битв они вытеснили последних с занятой ими территории. У побежденного народа они кое-что переняли в своем быту в новых условиях. В частности, у них довольно широкое распространение здесь получила охота. Но все же якуты и среди тайги сохранили в качестве главного своего занятия скотоводство, разводя преимущественно быков и лошадей.

Весь якутский народ делился на отдельные роды, но родовые отношения начали уже разрушаться.

Стали обособляться отдельные семьи как определенные хозяйственные единицы. С развитием частной собственности возникло внутри рода имущественное неравенство. Родовые старейшины, вожди и богачи, используя свое общественное и экономическое положение, постепенно присваивали себе родовую собственность, закабаляя сородичей.

С распадом коллективного хозяйства вся земля, принадлежавшая роду, делилась между его членами. Старейшины

ЭР03134

отделяли себе лучшие участки, а часть земли и вообще не давали в переделы, а просто «огораживали» для своего личного пользования.

Кроме того они брали на себя «заботу и воспитание» сирот. Наделы этих детей таким образом также попадали в руки знати, а когда дети подрастали, они должны были «отработать» понесенные на их содержание расходы и оставались у богачей в качестве их вечных батраков.

Имея огромные стада, богач давал беднякам свой скот «на выпас». Они должны были пасти животных на своих земельных наделах, кормить их, заботиться, доить коров и отдавать владельцу хаяк, то есть смесь молока и сливочного масла, оставляя себе за труд снятое молоко.

Закабаляя бедняков домовыми обязательствами, богачи превращали бедняков-сородичей в своих рабов. Количество своих рабов они увеличивали также путем ведения беспрерывных войн и захвата пленных.

Так из родовой знати выделялись тоионы — князья.

Вокруг таких тоионов группировались военные дружины. Возникал класс землевладельцев — воинов, феодалов.

Враждуя друг с другом, более сильные тоионы подчиняли себе более слабых. Так начинала складываться феодальная иерархическая лестница.

Ко времени прихода русских, то есть в XVII веке, особенно выделялись два князя: Тычын-тоион и Лёчёй-тоион.

В это время наравне с появлением отдельных бытовых черт, типичных для ранних классовых обществ, сохранялось еще и множество пережитков родового строя.

Вот как, по сказаниям, характеризуется картина жизни якутов в эту эпоху:

«...Тени не видно — светлые озера, пеною не покрываются молочные озерки; грязью там — творог; солончаками — скопы молочные; черные глубины — это масло с квашеным молоком; лесные озерки — сливочное масло; горы — из кишечного жира; утесы — из подбрюшного жира...»

Так богат Бооло, отец знаменитого своей силой и военными доблестями богатыря Омолона, так роскошен его пир.

Поселок раскинулся на ласкающей взгляд своим уютом и плодородием, весело озаренной солнечными лучами, зеленой, сочной лесной поляне.

Здесь беспорядочно расположилось несколько зимних юрт. Все они сделаны из бревен и законопачены мхом. Некоторые кроме того еще обмазаны навозом, смешанным с глиной.

ЭР03134

Якут. (Гравюра XVIII века.)

ЭР03134

Будучи четырехугольной формы, они сужаются кверху, образуя как бы усеченные пирамиды. В этих жилищах, закрываемых деревянными дверями, нет окон, и свет проникает только помимо входа, через отверстие в потолке, служащее дымоходом.

Рядом с этими зимними юртами стоят прохладные летние жилища — берестяные чумы.

Перед постройками горят многочисленные костры, у которых суетливые женщины готовят обильную пищу.

Ничего не пожалел старый Бооло в этот день.

«Стадного жеребца, Хан-Джарылык, жеребца на вертел насадил он! Главную кобылицу скотного двора, приземистую, коренастую серую кобылицу на вертел насадил!

Племенного быка, Топон-Тойбулун, быка на вертел насадил! Лучшую из коров, в хлеву непрестанно содержимую, на вертел насадил!»

Вот один за другим, а то и целыми партиями начали съезжаться нарядные гости. Верхом на богато убранных серебром и позолотой конях подъезжали они, приветливо встречаемые самим хозяином и его сыновьями.

Весело расхаживая между кострами, громко смеясь и балагуря, с удовольствием посматривали они на готовящуюся пищу и питье, предвкушая обильное и вкусное угощение.

Пестрыми нарядами кичились друг перед другом знатные гости, красивыми тончайшей работы, ажурными серебряными подвесками и массивными дугообразными ожерельями перезванивались одна перед другой черноволосые красавицы.

Вот среди всей этой толпы пронесся шопот изумления, зависти и уважения.

Из лесу вынырнула на крепком гнедом жеребце и остановилась перед юртой хозяина молодая шаманка Аллах-Кын, недавно вышедшая замуж за намского якута Налтана.

Следом за нею почтительно подъезжал муж и несколько слуг.

Один из слуг, «приданный раб» Боттой, спрыгнув с лошади, быстро подбежал к стремени шаманки, низко нагнулся и подставил свою спину под ее ногу, чтобы было удобно сойти на землю.

Боттой был дан шаманке в приданое ее отцом, и на его обязанности было повсюду сопровождать свою хозяйку и служить ей при верховой езде.

Не успела опуститься на землю юная Аллах-Кын, как подъехал, также с толпой спутников, сильнейший шаман

ЭР03134

всей округи Быян, знающий тайны общения с могущественнейшим из всех богов, сидящих над восьмым небом, — Арт-Тоен-Ага.

Сама Аллах-Кын поклонилась приехавшему. Все гости подошли с приветствиями и наилучшими пожеланиями.

Старый хозяин Бооло собственноручно помог тучному шаману слезть с лошади и повел почетных гостей в свою большую, богато убранную юрту.

В центре ее тлел очаг, обитель семи братьев — божеств огня — и любимое место Баран-Батыра, бога юрты.

Гости прошли к южной стене, вдоль которой вытянулась покрытая мехами Нара-орон, разделенная на три отделения: ближайшее к двери сол-она-орон, предназначающееся для посетителей, не пользующихся уважением; второе — арто-орон — для посетителей среднего почета, третье — унга-орон — для наиболее знатных гостей.

Лучшие места здесь были предназначены опытным хозяином для шамана Быяна и Аллах-Кын.

С приездом главных гостей начался пир. Рабы принесли в больших котлах и на больших деревянных подносах большие куски вареного лошадиного мяса от лучших кобыл и снятые с вертелов и нарезанные бычачьи жареные туши.

В огромных чаронах[1] поставили перед пирующими шипящий кумыс.

С улицы доносился шум наименее почетных гостей — бедняков, сородичей богатого тоена.

В день торжества, согласно старинным обычаям, каждый может рассчитывать получить свой кусок.

Сидящих в юрте угощали сами хозяева, забывая о еде и только наблюдая, чтобы все остались довольны.

Крепкий кумыс ударял в головы.

Голоса становились громче, сливаясь в нестройный гам.

Богатыри и тоены начинали наперебой, не слушая друг друга, хвастаться своими богатствами и доблестями.

Особенно разошелся шаман Быян, требуя к себе всеобщего внимания.

Молчал только один Омолон, сын хозяина.

Сидя в углу, он придвинул к себе деревянную миску с большим, дымящимся, подрумяненным на вертеле конским окороком и с жадностью, обливаясь текущим из него соком, поедал душистое мясо.

---

[1] Чарон — деревянный цилиндрический кувшин на ножках.

ЭР03134

— Наславу задал нам пир, Бооло, — громко закричал шаман, покрывая все голоса, — и славные собрались у него в юрте богатыри, только вот плохо, что не прогнал он из нашего общества своего щененка. Не место боорху (обжоре) среди таких людей, как мы.

Даже все стихли, как ни были пьяны, услыша такие слова по отношению к сыну хозяина дома.

Омолон побледнел, но сейчас же густая краска прилила к его смуглым щекам. Резко отшвырнув в сторону блюдо, вскочил. Правая рука опустилась на батыю, короткую саблю, заткнутую за пояс, но он тотчас сдержался, только выпрямился во весь рост, провел залитой жиром рукой по волосам и быстро вышел из юрты.

★

Пир, против ожидания, продолжался недолго. Все чувствовали неизбежность чего-то грозного и страшного. Веселье не шло на ум.

Гости начали разъезжаться.

Одним из первых подал сигнал к расставанию Быян, уехавший со своими спутниками.

До стойбища своего рода ему было не близко. Ехать надо было тайгой. Гулко раздавался в ночной тиши стук лошадиных копыт. Неспокойно ерзал толстый шаман на своем седле, предчувствуя неизбежную беду.

Миновали лес и выехали на широкую, залитую мерцающим лунным светом поляну. Пока ехали в таежной тьме, Быян все время стремился сосредоточиться своею мыслью на боге Танхасыт-Джилга-Хане, распорядителе человеческой судьбы, шептал мертвенно-бледными губами привычные заклинания, но не мог выгнать из мыслей образа Омолона.

Сейчас он вздохнул свободнее.

Группа всадников начала приближаться к одиноко стоящему дереву.

Вдруг от него отделилась какая-то огромная тень, точно дух сосны вышел из своего убежища. В приподнятых руках обрисовался силуэт лука. Шаман судорожно дернул поводья лошади.

— Если боорху, — громко закричала появившаяся фигура, — недостоин сидеть под одним кровом с шаманом Быяном, то Быян недостоин ходить по одной земле с богатырем Омолоном!

Даже губами не успел шевельнуть дрожащий шаман, как стрела-певунья засвистела в воздухе.

ЭР03134

Заскрежетав зубами, судорожно дернув уздечкой и неуклюже взмахнув руками в воздухе, тяжелое тело грузно шлепнулось на землю.

★

— Что ты сделал, несчастный! — говорил, в отчаянии ходя по юрте, старик Бооло. — Быян был великий шаман. Его дух не оставит тебя в покое, не даст тебе жизни, Омолон...

Приникнув в углу, тихо рыдала мать.

★

В наслеге, к которому принадлежал и где жил убитый Быян, — большое оживление. Слух о происшедшем быстро разнесся по всем юртам. Даже с самых отдаленных наделов земли, раскинутых по многочисленным речкам, притокам рек Татты и Амги, собирались сородичи к юрте покойного, готовясь к кровавой мести. Люди, собираясь в поход, осматривали оружие, пробуя длинные тугие луки, оттачивая клинки порванные панцыри.

В стороне расположились группой несколько кузнецов. Одни из них уселись перед круглыми, выложенными из камня очажками. Одна из стенок очажка была глиняной. Через небольшие отверстия в этих стенках они направляли на огонь кожаные мехи, методично качая их.

Другие, держа клещами на небольших наковальнях огненно-красные куски железа, выковывали из них наконечники стрел и пик.

Одетый в блестящий, хорошо очищенный от всяких следов ржавчины, сложенный из небольших железных пластинок, незаметно соединенных одна с другой ремешками, панцырь, расхаживал тоен по поселку, отдавая необходимые распоряжения.

Но вот все готово. Из юрты вышел лучший в окрестности шаман, пользующийся широкой славой. Вся многоголосая толпа притихла, молча и сосредоточенно собираясь в кружок.

Шаман взял только что изготовленные, сверкающие стальным блеском стрелы, уну (пики) и багай (короткие сабли), повернулся лицом к востоку и воткнул их древками и рукоятками в землю, направив острые лезвия вверх, в сторону восходящего солнца.

После этого приступили к камланию, сначала тихо, а затем все громче и громче, бормоча непонятные фразы, монотонно напевая и ударяя в бубен с нарисованными на нем эмблемами духов преисподней, земли и неба.

Кружась в бешеном исступлении, падая от изнеможения,

ЭР03134

камлал шаман, призывая на помощь воинам богиню войны или духа насильственной смерти — Илцибис-Кыча — и умоляя их даровать победу.

Три дня и три ночи, почти без отдыха, продолжалось камлание. Наконец неприступная богиня дала свой знак. Она явилась на зов шамана в виде мелких кровяных пятен красной ржавчины на остриях выставленного оружия.

Появление красноты на металле предвещало удачу в походе. Все воины, приободрившись и приобретя отвагу, начали еще больше разжигать ее боевыми криками.

Наконец отряд, состоявший из пятидесяти-шестидесяти человек, во главе со своим тоеном двинулся по направлению к жилищам Бооло.

Пешие воины, одетые в железные панцыри, облегавшие в виде рубахи грудь и шею, имели за спиной колчаны с меткими стрелами, в одной руке они держали длинные луки, а в другой уну — пики.

Конные, кроме всего этого, имели сабли, батыя и батас. Первая, покороче, была заткнута за поясом, вторая, побольше и с более длинным древком, достигавшим высоты лба, перевязанная ремешком, петлей накидывалась на руку и так висела до момента ее употребления в бою.

★

Омолон знал, что согласно древнему родовому праву ближайшие родственники убитого им шамана должны будут отомстить ему кровью за кровь.

Если бы Бьян не был шаманом, Омолон не боялся бы своих врагов. Но здесь гнетущее чувство страха переполняло его. Сидя в юрте, он настороженно прислушивался к потрескиванию дров, в котором слышался голос души убитого, бушующий за стенами ветер казался ударами его колотушки по певучему бубну, скрип деревьев в тайге представлялся в виде мягких шагов невидимого тела.

Эта пытка была невыносима, и Омолон решился бежать из родного наслега. Да и все его родные не чувствовали себя спокойно, ожидая возмездия.

. . . . . .

Только когда убийца покинул их кров, они успокоились, получив некоторую надежду на мир.

★

С наступлением темной ночи враги внезапно напали на спящее население.

ЭР03134

Собаки заливались неистовым лаем; испуганные, вскочившие от сна люди быстро хватались за оружие и выбегали на улицу, где уже началась резня, происходившая в темноте.

Но скоро поле битвы озарилось ярким пламенем пожара. Это нападавшим удалось зажечь крайние юрты и чумы.

Огненные языки лизали сухие бревна, а береста чумов вспыхивала, как факелы.

Обезумевшие от ужаса женщины метались повсюду, мешая сражающимся, силясь спасти от уничтожения кое-какое имущество и вытащить из огня детей.

В то же время часть нападающих также бросилась по жилищам в целях захвата наиболее ценного имущества.

Общая битва постепенно стихала, переходя в борьбу у отдельных чумов между отдельными группами врагов.

Отбиваясь от преследования, нападающие навьючивали на лошадей захваченный скарб и тащили на арканах пленных.

Ближайшие родственники Быяна пробились к юрте Бооло. Старик, окруженный слугами, храбро защищал свое жилище.

Видя, что силы защищающихся тают, младший брат Омолона вскочил на лошадь убитого им врага и, нанося по сторонам страшные удары своей острой батас, поскакал к тайге.

Омолона нет, кровь Быяна должна пасть вместо него на его брата — таков закон.

Мстители прекратили свое нападение и бросились в погоню за убегавшим.

Туча свистящих стрел полетела вдогонку беглецу.

Несколько человек бросились ему наперерез, отрезая путь к отступлению.

Приникнув к телу коня, несчастный долго увертывался от неприятельских стрел, прикрываясь за свою лошадь. Наконец окровавленный конь упал.

Окруженный кольцом врагов, беглец прислонился к дереву и начал отстреливаться, стремясь возможно дороже отдать свою молодую жизнь.

Но скоро весь запас его стрел был исчерпан.

Тогда и нападающие прекратили стрельбу. Из их толпы выступил вперед брат шамана. Он медленно наложил на тетиву лука стрелу, покрытую запекшейся кровью Быяна, ту самую стрелу, которой поразил его Омолон.

Прижавшийся к дереву брат убийцы, потеряв всякую надежду на спасение, опустил голову и закрыл лицо руками.

Месть была выполнена. Кровь пролилась за кровь. Брат отомстил за брата, брат ответил за брата.

. . . . . .

ЭР03134

Д лго после смерти своего брата жил Омолон. Вернувшись и найдя свое хозяйство в полном разорении, он повел успешную борьбу с враждебным родом.

Немало и других подвигов совершал он.

Когда, например, в край, в долину рек Татты и Амги, впервые начали проникать русские завоеватели, хищные казаки, рассказывает предание, напали на владения Омолона и разграбили его скот.

Идя в направлении к своим, они каждую ночь располагались табором, огораживая животных небольшой изгородью, для того чтобы скот не мог разбрестись во время их сна.

Омолон со своим другом погнался за ними и тайком проник в такую ограду. Здесь они привязали пучки сухой бересты к хвостам нескольких быков, зажгли ее, а сами быстро вскочили на коней, держа в обеих руках двойные копья.

Обезумевшие животные начали кидаться в разные стороны, переполошили весь лагерь и скот, изломали ограду, бросились из нее, увлекая за собой все стадо по направлению к дому.

Испуганные казаки вскочили с постелей и взялись за оружие.

Омолон с товарищем многих из них изрубили, а сами бросились за скотом, гоня его обратно, к своему стойбищу.

Справиться с маленьким казачьим отрядом было не так уж трудно, но сохранить свою независимость, не уступить большой силе пришельцев, устанавливавших свое господство, было непосильным делом.

В конце концов и Омолон, рассказывает предание, должен был смириться перед царскими воеводами и был первым якутом в этом районе, который начал платить ясак.

★

Много подвигов совершил в своей жизни Омолон. Грабя соседние роды, сильно приумножил свои богатства и славу. Трудно было найти в округе якута, который не был бы его должником.

Многоголовые его стада были распределены на кабальных условиях между бедняками. Неменьшее количество животных паслось на его личных угодьях, под присмотром большого количества рабов. Немало богатырей приходило к нему служить для того, чтобы с ним вместе совершать военные набеги на владения других тоенов и получать свою долю богатой добычи.

ЭР03134

Многие знатные тоены рады были бы породниться с ним, отдав за него замуж своих дочерей. Но ничто не могло удовлетворить его хищной натуры. Так, он убил своего старшего брата, чтобы завладеть его женой. Для этого же он вероломно застрелил на охоте своего друга Чогдонго, с которым вместе немало совершал военных набегов, но потом раскаялся в этом и убил также и его жену, уговорившую его на этот поступок.

Якут-батрак.

Всю жизнь он не находил себе ни места, ни покоя. Суеверный ум его постоянно искал забвения. Казалось, что дух умерщвленного им шамана преследует его. Ни проливаемая кровь, ни растущее богатство не могли заглушить в нем этого чувства.

Окруженный людьми, он сторонился их, подозрительно вглядываясь в каждого. Когда бывал наедине, то не находил себе места, вздрагивая от каждого шороха.

Мысль о преследовании духа шамана с годами становилась все сильнее и сильнее, переходя в навязчивую идею.

Иногда на него находили галлюцинации. Тогда он видел выступающего из мрака Быяна с искривленным усмешкой ртом и торчащей из сердца стрелой. За ним вырисовывались тени обоих погибших из-за него братьев.

Он прятал свое лицо в разбросанные по юрте драгоценные меха, но ему казалось, что они пахнут кровью, а видение сквозь них выступало еще отчетливее.

Он пробовал бежать, но видение гналось за ним в таких случаях и в степи и в тайге, не давая ни минуты отдыха.

Иногда даже какой-нибудь высохший лист, случайно падавший на него, или неожиданно раздавшийся вблизи крик птицы подвергали его в безотчетный трепет.

Однажды, спасаясь в тайге от преследующих его видений, он случайно заехал как раз к тому месту, где им был убит шаман.

Вся картина далекого прошлого встала перед его глазами.

ЭР03134

Не отдавая себе отчета в своих поступках, точно загипнотизированный самим собою, он подъехал к одинокому дереву, у которого когда-то поджидал Быяна.

Слезши с коня, он снял с него длинный повод — контос, сделав на его концах две петли. Одну из них, накинув на шею любимой лошади, затянул, перекинув ремень через сук. Задушив коня, он второй петлей обернул свое горло и повис с противоположной стороны дерева.

. . . . . .

Даже из очень отдаленных наслегов съехались якуты на похороны знаменитого богатыря Омолона.

Немало тоенов и великих шаманов, не говоря о прочей знати и простых людях, присутствовало на них. Сама Аллах-Кын, не бывавшая в наслеге Бооло со дня рокового пира, теперь приехала опять, чтобы принять участие в погребальном жертвоприношении.

Все собрались в глухой тайге.

Здесь, на расчищенной поляне, сложили большой костер. На пушистых шкурах, одетого в лучшие одежды, положили на него Омолона. Рядом с трупом поместили прославленный своей меткостью лук, а в головах поставили несколько марчах — резных деревянных сосудов — с кумысом и маслом. Заколов жертвенных животных, лучших в стаде кобылиц и быков, разожгли пламя.

Когда костер прогорел и от покойника остались одни обгорелые кости, вырыли широкую яму и бережно сложили их в нее.

Обычай требовал погребения с хозяином любимого раба. Раньше его помещали на погребальный костер.

Но постепенно алчные наследники отошли от этого правила. Хитря, они выдвинули новый обряд. Вместо сжигания, раба сажали на лошадь. С гиком и криком, неистово щелкая бичами, гнали испуганного скакуна прямо на открытую могильную яму с таким расчетом, чтобы конь, споткнувшись, упал в нее.

Раб, хотевший сохранить для себя жизнь, должен был проявить свою ловкость и в момент падения лошади в могилу суметь отпрянуть в сторону.

Эта инсценировка означала, что он рвется в могилу за своим господином, но могила не принимает его.

. . . . . .

Таковы некоторые характерные черты быта древних якутов.

ЭР03134

Якутское общество XVII века шло по пути феодализации. После укрепления в крае русского господства этот процесс пошел по несколько видоизмененному руслу. Русское купечество своей торговлей расслаивало еще больше якутский народ, разваливало натуральные формы хозяйства, сращивалось с туземной аристократией, капитализируя ее.

6. Кровавая река

В XVII веке на территории бассейна реки Амура, наиболее многоводной в Азии реки, обитало множество раздробленных мелких племен.

Некоторые из них, жившие в верхнем и среднем течениях реки, были родственны манчжурам. Таковы дауры, гогули и дучеры. К востоку от них, в низовьях Амура, расселялись небольшие эвенкийские народы — ачаны и натки (гольды), занимавшиеся преимущественно рыболовством и охотой.

К северу от них, по склонам гор, кочевали со своими оленьими стадами бирары, манегры (манегирцы) и орочи (орочены).

В отличие от всех этих охотников, рыболовов и оленеводов, живших в основном так же, как их западные, приенисейские соплеменники, дауры и дучеры вели вполне оседлую жизнь, занимаясь земледелием, огородничеством и отчасти охотой и скотоводством. На их пашнях засевались овес, ячмень, просо, гречиха, горох и конопля; на огородах возделывались огурцы, мак, бобы, чеснок, а в садах произрастали яблоки и груши.

Добываемые продукты они обменивали у соседних племен на пушнину, а из Китая ввозили разнообразные товары — ткани, металлические изделия и пр.

Жили они в многочисленных поселках и укрепленных городах, насчитывавших до тысячи человек.

Вся масса трудового населения находилась под властью князей и знати. Эти последние, в свою очередь, являлись данниками Китая, постоянно содержавшего здесь даже свой небольшой военный отряд.

Подчиняясь китайским богдыханам, даурские князьки, в свою очередь, собирали ясак со своих северных соседей — бираров, манегров и орочей.

После порабощения русским правительством Якутии, в середине XVII века, оно начало продвигать свои войска далее, проникая и на Амур.

ЭР03134

Расправа с туземцами. (По старинной гравюре.)

Как и везде при завоевании Сибири, впереди шли вольные отряды предприимчивых «промышленников», грабивших совершенно открыто туземные племена и проявлявших по отношению к ним небывалую жестокость.

Первый из таких отрядов, во главе с письменным головою Василием Поярковым, проник сюда в 1643—1644 годах.

Спускаясь на лодках по реке Зее, он дошел до устья реки Умлекана, где встретил первую даурскую деревню. Заняв ее, он захватил в свои руки ее старейшину Долтнула.

Многие из окрестных жителей, видя его силу, добровольно принесли ясак. Несмотря на это, Поярков задержал всех вождей у себя в качестве аманатов (заложников).

ЭР03134

От пленных русские узнали, что дальше находится даурский город Молдичичид, где можно достать большое количество съестных припасов, в которых начинала ощущаться нужда.

Оставшись на месте, Поярков выделил пятьдесят человек во главе с Юшкой Петровым и послал их туда, приказав, подойдя к городку, выманить из него какой-нибудь хитростью его старшин Дози и Колпа, захватить их в свои руки и тогда, окопавшись в лесу, потребовать за них выкуп.

Но выполнение всех этих планов оказалось излишним.

Еще не доходя до городка, навстречу русским вышли сами старейшины и добровольно остались у них в качестве аманатов.

Дауры для нежданных и непрошенных гостей очистили за стенами города три юрты и дали им для еды десять быков и сорок коробов овсяной крупы.

Но хищным предпринимателям всего этого казалось мало. Видя миролюбие жителей, они надеялись захватить у них всего возможно больше.

Спокойно переночевав, наутро Петров отправился в город.

Чувствуя себя победителем, он выстроил всех своих людей и во главе с ними, приказав нести вперед знамя, пошел к воротам, требуя, чтобы их перед ним открыли.

Дауры почувствовали что-то неладное и ответили, что в городе сейчас много народа и они боятся, как бы не возникло у него с пришедшими какой-нибудь случайной ссоры.

Услышав такой ответ, Петров пришел в ярость и начал грозить подвергнуть всевозможным мучениям своих аманатов, если перед ним добровольно не откроют вход.

Тогда вооруженные жители вышли из-за стен в огромном количестве и напали на хищников.

Загорелся отчаянный бой. Десять человек казаков были смертельно ранены и попали в плен.

Во время битвы Колп был застрелен, а Дози, улучив удобный момент, убил караульного казака и бежал к своим.

Израненные и ослабевшие русские еле добрались до своих юрт и заперлись в них. Трое суток осаждали их здесь дауры и наконец отступили.

Покрытый позором и с пустыми руками вернулся Юшка обратно.

Разгневанный Поярков не принял вернувшихся и отказался выдавать им продовольствие, которое было уже на исходе.

ЭР03134

Между тем и местные дауры, видя, что от русских нельзя ожидать ничего хорошего, начали нападать на них. В лагере начался голод.

Истомленные люди питались толченой древесной корой, примешивая к ней остатки муки. Вскоре не осталось и ее. Тогда пришлось поедать трупы убитых врагов и своих собратьев, умиравших от голода.

Ища выхода из создавшегося положения, надо было двигаться дальше.

С боем пройдя через всю Даурию, Поярков зазимовал у устья Амура, остановившись среди гиляков.

Здесь ему удалось достать пропитание и даже собрать большой ясак. Весной с остатками своего отряда он поплыл морем и, пробираясь различными речками, только к 1646 году вернулся обратно в Якутск.

В 1647 году к новому якутскому воеводе, Димитрию Францбекову, явился ленский промышленник Ерофей Хабаров и попросил разрешения набрать добровольцев и с ними отправиться на Амур.

До него дошел слух, что у даурского князя Лавкая имеются серебряные рудники, и предприимчивому промышленнику захотелось попытать счастья поживиться.

Воевода чувствовал, что известная доля перепадет и ему, и конечно не стал противиться.

Набрав с собой около восьмидесяти человек, Хабаров пошел новой дорогой.

Проплыв некоторое расстояние по реке Олекме и поднявшись затем вверх по течению реки Тугир, они высадились на берег. Отсюда, уже зимним путем, пешком и на нартах, перевалили они через горы, вышли к Амуру, мечтая попасть во владения князя Лавкая. Но здесь они были крайне изумлены, встретив на пути несколько покинутых жителями крепостей.

Крепкие деревянные стены с боевыми башнями, обнесенные глубокими рвами, окружали эти заброшенные городки. Под башнями были устроены небольшие ворота для вылазок и потайные проходы к воде.

Внутри города стояли большие деревянные дома с затянутыми бумагой окнами, вмещавшие в себе до шестидесяти человек.

Сейчас все эти жилища были пусты. Услышав о приближении русских, жестокость которых была уже знакома даурам, жители бежали из насиженных мест.

ЭР03134

Плывя по многоводному, утопающему в зеленых гористых берегах Амуру, Хабаров со своими людьми приближался к третьему городку.

Потеряв надежду увидеть хоть одного человека, казаки вдруг заметили в прозрачном утреннем мареве пятерых всадников. Хабаров тотчас же приказал своим людям остановить лодки.

Оказалось, что это был сам Лавкай с братьями и слугой. Издали они спросили пришельцев, что они за люди, куда и зачем плывут.

— Мы русские торговые люди, идущие на свой промысел, — отвечал ловкий Хабаров.

— Неправда, — сказал Лавкай, — вы меня не обманете. Я знаю уже вас, казаков. Вы хотите нас убить и разграбить все наше добро, а жен и детей сделать невольниками.

— Э, это неверно, — увертывался казак, — русские никогда не поступают жестоко. Мы только потребуем с вас небольшой ясак, за что вы сможете всегда ожидать от великого царя и государя защиты и милости.

Услыша это, Лавкай и его спутники быстро поворотили своих коней и скрылись из виду.

Русские пытались преследовать беглецов, но безуспешно.

Две встреченные на пути после этого крепости также оказались пустыми. Только в одной из них нашли одинокую старуху, которую взяли к себе на потеху.

Предвидя неизбежный кровопролитный бой, казаки повернули обратно и заняли первую, наиболее хорошо укрепленную крепость. Здесь они нашли ямы, в которых было спрятано большое количество хлеба, брошенного даурами при своем спешном уходе.

Эта страна поражала русских своим девственным богатством.

В реках водилось множество разнообразной рыбы, среди которой выделялись гигантские, саженной длины, белуги. Для земледелия было трудно представить себе более выгодную и плодородную страну. Также повсеместно были густые леса, в которых обитали во множестве соболи и другие дикие звери.

Оставив здесь большинство своих спутников, сам Хабаров поехал в Якутск за подмогой. Набрав сто тридцать восемь человек промышленников и правительственных казаков, он вернулся обратно и весной 1651 года поплыл дальше, вниз по Амуру.

. . . . . .

ЭР03134

Стоял теплый июньский день, на безоблачном голубом небе ослепительно блистало солнце, отражаясь в зеркальной зыби широких вод.

По берегам тянулась плодородная долина, покрытая сочной травой и кое-где поросшая невысокими зарослями густого орешника.

Шумно плыли на многочисленных острогрудых лодках русские предприниматели.

На носу передовой лодки, пристально всматриваясь в даль, стоял часовой, блестя шишаком и кольчугой.

На мягкой шкуре огромного бурого медведя растянулся Ерофей Павлович Хабаров, погрузившийся в сладкие грезы.

Ему вспоминались родной дом и семья. Рисовались многодесятинные, принадлежавшие ему, Ерошке, волнуемые желтеющими наливными хлебами пашни, обрабатываемые батраками. Изба рисовалась полной чашей, заваленной серебром и золотом, различными заморскими товарами и драгоценными мехами. И все это создавалось им самим, Хабаровым, благодаря его предприимчивости и деловитости. Мало кто решался на тяжелые труды и подвиги в отыскивании новых землиц, в обагрении своих рук кровью этих собачьих детей, дикарей-нехристей.

Но стоило переносить невзгоды и опасности ради того, чтобы пройти через этот плодоносный край и получить возможность вывезти из него неисчислимые богатства.

Ведь еще так недавно он был только рядовым, самым обычным, правда зажиточным и вольным, пашенным крестьянином. А теперь уже сам важный воевода Францбеков здоровается с ним и принимает его в своих хоромах, сажая вместе с собой за стол.

А вот скоро, когда пройдет он во главе своей ватаги огнем и мечом через даурскую страну, тогда этот же родовитый воевода станет не только принимать его, но и заискивать перед ним. Ерофей Павлович станет богатым гостем, богатым купцом. Тогда он сам сможет уже отдыхать в своих роскошных хоромах, имея большое количество приказчиков, наемных людей и холопов, которые будут трудиться за него и его детей, умножая еще больше их богатства. Не ударяя пальцем о палец, сможет он ссужать свои деньги крестьянам, купцам и даже боярам и получать за это большие проценты, держа их всех в своем кулаке, вот в этом самом кулаке, который лежит сейчас на грозной пищали, который готов сейчас подняться в любую минуту для того, чтобы залить кровью эти цветущие берега.

ЭР03134

А вот поп в Якутске говорил, что этот поход к тому же даст ему не только земное счастье, но и царство небесное: убить нехристя — дело богоугодное и святое.

А если это так, то и много же может он грешить, Ерофей Хабаров...

— Ерофей Павлыч, глянько-сь! — раздался над самым ухом грубый окрик.

Прекрасные мечты разлетелись, и перед глазами встала суровая действительность.

Вскочив на четвереньки, Ерофей устремился своими рысьими глазами в даль.

За плавным изгибом реки открывался высокий обрывистый берег, над которым возвышались три небольших холма.

На каждом из них серели деревянные стены крепостей, из-за которых виднелись крыши домов.

Перед стенами тянулись насыпные высокие земляные валы, окруженные глубоким рвом.

На зеленеющей выпуклости валов пестрела многочисленная толпа вооруженных дауров.

Несколько особняком от них, на брустверах дальней крепости, невозмутимо-спокойно и неподвижно стояло человек пятьдесят воинов в яркожелтых халатах, пластинчатых панцырях и конических круглых шапках.

Это был пришедший из Китайской империи манчжурский отряд.

Русские суда начали выстраиваться в одну линию. Туземцы что-то кричали и угрожающе махали руками и копьями.

Хабаров скинул шапку, перекрестился и сделал ею в воздухе знак, а сам, быстро ударив огниво, зажег фитиль пушки.

На двух ладьях последовали его примеру. Почти одновременно грянули три оглушительных выстрела, и дым, как густой предрассветный осенний туман, расстелился по воде, заслонив собой крепости. Через минуту их стены обрисовались опять. На валах чернело до двадцати тел.

Толпы дауров спешили укрыться за городскими стенами.

Сохраняя спокойствие, манчжурский отряд медленно двинулся в глубь страны, покидая осажденных.

Желтые халаты отошли к отдаленной сопке и, расположившись лагерем на ее вершине, стали немыми свидетелями готовящегося кровопролития.

ЭР03134

Казаки на лодках быстро надевали железные шишаки и кольчуги.

Хабаров вместе с привезенным с собой орочем, немного знающим даурский язык, поднялся во весь рост, махая руками.

— Чей это город? — кричал толмач [1].

На передовой башне обособился в сторону коренастый даур, одетый в рубашку китайского шелка и пластинчатые маньчжурские латы.

— Нас здесь три князя в трех городах, а я старший над всеми из них, князь Гугудар. Кто вы и зачем идете сюда?

— Ты скажи ему, нехристю, — толкнул в бок переводчика Хабаров, — чтобы он, шайтанов сын, не хорохорился, если не хочет к своим чертям в пекло итти. А мы, говори, православные христиане и русского белого царя и самодержца и многих земель государя и повелителя торговые люди. Мы, дескать, ему, Гугударке, и его людишкам зла не хотим, а приведем их только под его высокую царскую руку и в ясак положим. Пусть он немедля ворота свои откроет и нам поклонится и присягу держит. А коли добром не захочет, мы его, собачью душу, со всеми животами его все равно вырежем и по-своему сделаем. Так и скажи ему. Понял? Печонку из него выворотим и псов кормить будем.

Запинаясь и путаясь, как мог, передавал ороч замысловатую речь.

Гугудар и другие дауры яростно замахали руками, что-то крича и ударяя себя в грудь, а затем быстро нырнули за прикрытие стены.

Русские начали подплывать к берегу и высаживаться.

С башен непрерывным потоком посыпались стрелы, втыкаясь в землю и устилая поле, как возросший хлеб.

Русские отошли подальше, наскоро окопались, забаррикадировались и открыли по неприятелям опустошительный орудийный и ружейный огонь.

Багряные лучи заходящего солнца заалели на вершинах крепостных башен. На землю спускалась ночь, обещая отдых. Стрельба начала стихать. Шум битвы прекратился.

Казалось, что все заснуло в мирной долине. Но вот в ночной темноте и тиши осажденные услышали какие-то шорохи. Это казаки подтаскивали, пользуясь покровом ночи, свои страшные пушки к одной из башен.

Не видя врага, дауры открыли безрезультатную стрельбу из луков.

---

[1] Толмач — переводчик.

ЭР03134

Хабаров, установив свои орудия с таким расчетом, чтобы все они били в одну точку, открыл огонь.

Под ударами пушечных ядер деревянные стены башни пошатнулись.

К утру образовался большой пролом. С восходом солнца, перекинув мостки через ров, завоеватели с громкими криками устремились в город.

Гугудар вынужден был, очистив первую крепость, отступить во вторую, разрушив за собой переход.

Уже к полудню русские ворвались и туда.

В руках защитников оставалось последнее укрепление. Положение становилось явно безнадежным.

Даурские старейшины собрались под кровом одного из домов.

— Счастье отвернулось от нас с самого начала, — говорил с жаром один из них, — манчжурские лисицы умеют собирать с нас ясак, а как только увидели русских волков, то, как трусливые зайцы, убежали в горы. Зря мы на них рассчитывали. Наши стрелы стали мягки, как тополиный пух, осыпающийся весной с деревьев. Они отскакивают от железных панцырей, не причиняя вреда. Их огненные камни разрушают наши стены. Два города уже в их руках. Не успеет закатиться огненный круг солнца, как все мы будем перебиты, а наши жены и дети будут рабами злобных врагов, которые будут издеваться над ними и мучить их. Мы должны оставить свою землю и уйти через задние ворота в тайгу и горы. Пусть мы превратимся в диких лесных зверей, пусть нас пожирают там тигры, но мы спасемся от верной смерти.

Молча слушавший Гугудар не выдержал и вскочил на ноги.

— Так может говорить только трусливая собака! — задыхаясь в приступившей под горло ярости, закричал он. — Лучше всем умереть, чем отдать свою родную землю, не выдержав последнего боя. Все равно эти ненасытные вороны пойдут за нами в леса, поодиночке переловят всех нас и превратят в своих рабов. Если бы даже вы все ушли из города, я один останусь здесь и умру у своего порога.

— Как хочешь, князь, там дальше видно будет, а сейчас надо спасаться и уходить.

Сказав это, даур стукнув дверью, вышел из дома.

Несколько человек старейшин молча поднялись и последовали за ним.

Часть защитников, тихо открыв запасные ворота, покинула осажденный город.

ЭР03134

Тяжелые русские ядра продолжали методически таранить стены.

К вечеру враги ворвались в последнюю крепость.

У пробоя загорелся отчаянный рукопашный бой. Тяжелые русские бердыши с хрустом пробивали не прикрытые железом головы туземцев, забрызгивая стены липкими комьями серой мозговой кашицы.

Вскоре все защитники были перебиты.

Разделавшись с мертвецами, захватчики начали вытаскивать из домов все имущество и, ругаясь и споря, доходя иногда до драки, делили его между собой.

Обшаривая всю крепость, обнаружили прикрытые большие ямы, в которых спрятались даурские женщины и девушки, а также дети и домашний скот.

Найдя их, казаки пришли в неописуемый восторг от такой поживы.

Ударяя их хлыстами, плетьми и окровавленными клинками сабель, выгоняли они плачущих пленных на городскую площадь.

Не опасаясь нападения, Хабаров вместе со всей своей ватагой начал пьянствовать, всячески издеваясь над беззащитными женщинами и девушками.

Шесть долгих недель гуляли беспробудно казаки в захваченном ими городе.

Только 20 июля 1651 года двинулись они дальше. Заветные мечты Ерофея Павловича и его спутников уже начинали сбываться — так обильна была награбленная добыча.

Русские поплыли вниз по реке и по дороге услышали, что на день езды от устья реки Зеи расположен еще один город и крепость, принадлежащая князьям Турунче, Толче и Омутею.

«Что могло быть промышленным людям приятнее, — говорит историк XVIII века Фишер, описывая этот поход, — такой вести, которая столь много ласкательствовала их надежде довольную получить корысть? Они всевозможным образом поспешали...»

Хабаров выслал вперед отдельный отряд с тем, чтобы он, идя изолированно от главных сил, мог проскочить незаметно, не обратив на себя внимания, и напал бы на дауров, думающих, что русские еще далеко, врасплох.

Так оно и вышло.

В это время большинство обитателей покинуло город, находясь на празднестве в ближайшем поселке, и казаки смогли без боя занять крепость.

ЭР03134

Подошедший вскоре Хабаров напал на дауров, многих из них перебил, а часть из них, в том числе и князья, добровольно сдалась в плен.

Сто человек знатнейших дауров были отправлены в крепость для приведения к присяге в верности и в том, что они с тысячи человек, находящихся под их властью, будут ежегодно платить ясак.

После этого Хабаров отпустил пленных, оставив у себя несколько человек аманатами, среди которых были Турунча и Толча.

Засев в городе, русские промышленники, по своему обыкновению, начали всячески притеснять и грабить подчинившееся им население.

Хотя никто и не думал восставать против них, тем не менее с аманатами обращались ужасно, допуская различные жестокости и пытки.

Князь Толча не смог вынести своего заключения и покончил с собою.

Поняв ненасытность своих поработителей, народ начал восставать и нападать на них. Это побудило русских 7 сентября 1651 года двинуться дальше. Перед уходом они сожгли покидаемый город.

На всем своем дальнейшем пути грабительская ватага заливала кровью тихие берега Амура, жестоко расправляясь с туземным населением и часто даже совершенно бесцельно вырезая его.

Построив небольшую деревянную крепость, пришельцы зазимовали среди очанцев. Беспечно жили они за своими стенами, нисколько не опасаясь слабого народа.

К рассвету 26 марта 1652 года вдруг неожиданно воздух сотрясся от орудийной и оружейной стрельбы.

Перед городком стояла двухтысячная манчжурская армия, пришедшая под начальством князя Иженея.

Весь день с обеих сторон шла горячая перестрелка.

У осаждающих среди их артиллерии была большая глиняная огнестрельная машина, пинартен, заряжавшаяся до сорока фунтов пороха и служившая в основном для разрушения стен.

Пробив пролом, манчжуры сплошной лавиной бросились на приступ.

Но русские в образовавшуюся брешь направили все свои орудия и осыпали наступающих градом ядер.

Атака была отбита. Манчжуры были принуждены отступить.

ЭР03134

Тогда осажденные неожиданно, в свою очередь, сделали вылазку и, захватив две вражеские чугунные пушки, начали бой.

Вскоре пришедшие войска отошли и сняли осаду.

С русской стороны было десять человек убито и семьдесят восемь ранено, противник же потерял на поле битвы шестьсот семьдесят шесть человек, две пушки, семнадцать ружей, восемь знамен и восемьсот тридцать коней.

7. Далекая Чукотка и Камчатка

— Так ты, братец, того, постарайся.

— Не бойсь, хозяин, сами маху не дадим. И себя не забудем и твое дело попомним. Авось все хорошо справим, коли бог даст.

Так говорили, стоя на берегу реки Колымы, богатый купец Усов и его приказчик Федот Алексеев.

Стояло солнечное и ясное, но прохладное утро 20 июня 1648 года. На мутных водах широкой реки покачивалось семь кочей. Только что поднятые паруса надувались ветром и, трепыхая под его ударами, напоминали о том, что пора уже выступать в длинный и опасный путь.

На борт передового, наиболее внушительного судна облокотился тяжелым телом коренастый, бородатый человек в ухарски заломленной шапке и, приложив руки ко рту, закричал громко и внятно:

— Фе-едь! Са-ажайсь скорей! Ехать пора!

— Ну, что ж. Прощай, хозяин. Не поминай лихом, ежели что, да Дуньку мою не забудь, — сказал решительно Алексеев.

Усов поцеловал его в лоб и перекрестил.

Приказчик быстрым взором окинул деревянные стены острога со спрятавшимися за ними привычными, русскими приземистыми избами и быстро начал подниматься по мосткам на коч.

— Пошли, что ли? Подымай якоря! — закричал опять бородач с передового судна.

Это был казак Семен Дежнев.

Вот уже два года плавал он с Алексеевым по студеному Ледовитому морю в поисках реки Анадыря, где, как говорят, живут богатые народцы, где немало можно собрать ясаку и поживы. Но оба года они не могли далеко уйти, так как непроходимые льды застилали им путь. И вот теперь в третий раз хотят они сделать опасную попытку.

ЭР03134

Тихо качаются на волнах кочи, уносимые попутным ветром в неведомые полярные страны.

Когда суда вышли в открытое море, то сразу же начали попадаться отдельные льдины, белевшие небольшими качающимися островками на серо-свинцовых волнах.

Скалистый, угрюмый берег терялся за пасмурным горизонтом.

Беспредельной гладью раскинулась колеблющаяся водная пустыня. По пону рому небу быстро текли рваные облака, догоняя друг друга, точно спеша куда-то. Они образовывали причудливые фигуры, сливаясь на горизонте с туманной далью.

Чайки пронзительными криками оглашали воздух, беспорядочно мечась во все стороны, то высоко взвиваясь наверх, то скользя белыми тонкими крыльями по воде.

Крепкие равдужные (замшевые) паруса, надуваемые ветром, быстро несли вперед легкую эскадру.

Охота на тюленей. (Старинный рисунок.)

— Что это, Сема? — спросил Алексеев, перешедший на корабль к Дежневу.— Никак льдов столько, али остров какой?

Семен вперился вдаль дальнозоркими глазами.

— Вестимо, лед. Целые горы нагородило. Эк его нелегкая дернула! Вот и пройди здесь, попробуй!

Затор быстро приближался, загораживая собой путь.

— Ведь и конца-края ему не видно. А сверкает-то как, точно зеркало. Чего ж делать будем? Ждать, что ли?

Дежнев ничего не ответил, а молча подошел к мачте и сам начал грузно вскарабкиваться на нее. Наконец, взобравшись, уселся на верхней перекладине, свесив с нее обутые в сафьян ноги.

Внимательно осмотревшись по сторонам, почесал привычным движением подбородок и полез вниз.

— Дело плохо, — рассказывал он, — кругом льды. Точно

ЭР03134

нарочно кто-нибудь наворотил их. Конца не видно. Оплывать придется. Авось, где-нибудь и пробьемся.

После быстрого совещания кочи разделились на две партии. Четыре из них пошли на поиски прохода в одну сторону, а три — в другую.

В последней партии начальствовали Дежнев, Алексеев и Анкудинов.

Увидеться со своими товарищами им больше не привелось. Те четыре судна пропали без вести, видимо погибнув в ледяной пустыне.

★

Суда подходили к мысу Святой Нос. Его голые скалы маячили где-то в туманной дали. Надо было спешить пристать к неприютному берегу, так как буря всю ночь трепала кочи, и сейчас корабли, как жалкие щепки, бросались могучими волнами из стороны в сторону. Небо заволоклось свинцовыми тучами. Холодные брызги воды, бешено взметаясь вверх, заливали суда.

Мореплаватели подняли часть парусов и начали быстрее приближаться к неизвестному мысу. Ревущие волны злобно бросались на ускользающую добычу.

Два коча благополучно обогнули утес и, зайдя в тихую бухту, бросили деревянные якоря.

Теперь судно Анкудинова начало обходить мыс. В тот момент, когда оно повернулось боком к его уступам, налетел шквал. Высокая волна подняла корабль и с остервенением швырнула его на камни. Раздался треск.

Сломалась мачта, и в нескольких местах проломился бок. Новая набежавшая волна подхватила разбитый остов и понесла с собой. Люди начали прыгать в воду, добираясь вплавь до берега.

★

Оставя на сохранившихся кочах часть команды, промышленники двинулись пешком в глубь страны, стремясь встретить ее жителей и обложить их ясаком.

На них грустное впечатление производили унылые, оголенные береговые скалы, покрытые по расщелинам снегом, не тающим даже в летнее время. За этими серыми гранитами беспредельно простиралась тундра.

Вскоре на горизонте показалось несколько чумов. Казаки, осмотрев ружья, ускорили ход. Их тоже заметили. Небольшая толпа луораведланов (чукчей), одетых в меха, высыпала вперед и стала пристально вглядываться в пришельцев, дер-

ЭР03134

Ительмен. (Гравюра XVIII века.)

10—515
ЭР03134

жа наготове луки. После краткого совещания двое из них сели верхом на оленей и поскакали куда-то в сторону.

Несколько человек начало осторожно приолижаться к русским, что-то крича и размахивая руками. Промышленники, не понимая их, пытались ответить, но также безрезультатно.

Тогда Анкудинов подошел к одному из туземцев, на голове которого искрилась белым ворсом прекрасная песцовая шапка, и протянул к ней руку. Этот жест оказался достаточно ясным. Чукчи быстро повернулись и побежали к кочевью. Русские начали преследование. Тогда туземцы, резко остановившись около жилищ, открыли стрельбу из луков. Стрелы с каменными и костяными наконечниками засвистели вокруг казаков. Последние ответили ружейным залпом. Человек пять туземцев, взметнув руками, упали на землю, тогда как остальные обратились в бегство.

Русские ворвались в чумы и принялись их грабить. Но вскоре на горизонте тундры, точно лес, начали вырастать люди. Это подступали новые толпы луораведланских воинов, извещенные о прибытии неизвестных противников. Их шло несколько сотен. Бой обещал быть жарким.

Туземцы, разбившись на несколько отрядов, начали оцеплять незванных гостей.

— Этак дело плохо может кончиться. Надо пробиваться обратно к кочам, — сказал Алексеев.

— Вот чортова землица: небо да тундра и эти дьяволы, ничего больше, — ругнулся Дежнев. — Вестимо, уходить надо.

Промышленники начали отступление.

Между тем туземцы быстро приближались со всех сторон.

— Угостить их, голубчиков, придется наславу, — злобно проворчал Семен и прицелился. Остальные последовали его примеру.

На этот раз нападающие не испугались залпа. На места убитых и раненых встали новые люди. По тундре пронесся далеко относимый ветром дикий победный клич.

Закипела жаркая перестрелка, скоро перешедшая в рукопашный бой.

Потеряв возможность отстреливаться, казаки защищались саблями или отбивались прикладами. Луораведланы ловко действовали копьями или рубили тяжелыми каменными топорами.

Дежнев, потеряв саблю, схватил за дуло ружье и, действуя им, как смертоносной дубиной, прокладывал себе путь.

Следовавшие за ним казаки расширяли дорогу.

ЭР03134

Ительменская женщина. (Гравюра XVIII века.)

ЭР03134

Алексеев давно уже потерял ружье. Сейчас, под ударом топора, у него вылетела из рук сабля. Тогда он голыми руками вцепился в шею противника и покатился с ним по земле. Подоспевшие на подмогу чукчи начали вязать его.

Русские тоже попытались ввязаться в свалку, но были отбиты. Пришлось отступать, бросив своего товарища на произвол судьбы.

Еле-еле, с большими потерями пробились они до кочей и сейчас же пустились в дальнейший путь.

Такова была первая встреча завоевателей с народами крайнего северо-востока Азии. Это было ровно через три месяца после выхода в море, 20 сентября 1648 года.

Вскоре после описанных событий буря разлучила оба коча. Коч Дежнева носило по морю до октября и наконец выбросило на берег, к югу от реки Андыря, вероятно около реки Олюторы.

Дежнев с находившимися при нем двадцатью пятью казаками отправился пешком.

Блуждая по тундрам, он только через десять недель достиг реки Андыря недалеко от ее устья. По дороге часть его спутников погибла от холода и голода. Перезимовав здесь, казаки весной построили из наносного леса лодку и поплыли вверх по реке.

Пройдя около четырехсот восьмидесяти километров от устья, они построили острог близ реки Майны. Это был первый острог, Андырский, воздвигнутый на чукотско-камчатской почве и долгое время потом служивший оплотом русского самодержавия.

Здесь Дежнев встретился с многочисленным племенем анаулов, которое заплатило ему ясак. Впоследствии весь этот народ был совершенно истреблен за «непокорность» русскими поработителями.

Только через четыре года предприимчивые завоеватели встретились с другими казаками, вышедшими из Колымска сухим путем.

. . . . . .

В это время на крайнем северо-востоке Азии жило несколько так называемых палеоазиатских, или древнеазиатских, народов.

По среднему и нижнему течению реки Яны и на восток от нее, до реки Колымы, обитали юкагиры; бассейн Колымы, вперемежку с юкагирскими родами, занимали чуванцы; обширная область к востоку от Станового хребта была населена на севере луораведланами (чукчами) и эскимосами, а в

ЭР03134

центральной и южной части — коряками и родственными им олюторами; что же касается полуострова Камчатки, то здесь жили вперемежку три племени — юкагиры, коряки и самое сильное из них — ительмены (камчадалы).

Все они раньше добывали себе пропитание охотой, рыбной ловлей, а также тюленьим и китовым промыслом.

При условии пользования только каменными и костяными орудиями — а других в это время они еще не знали — охотиться приходилось всем сообща, коллективно.

На множестве лодок, сшитых из тюленьей кожи, обтягивающей тонкие каркасные деревянные остовы, выплывали они на грозные морские просторы.

Вооружась костяными гарпунами, вставленными в длинные деревянные древки, делали они облаву на страшных животных. Окружая кита или тюленей, они осыпали их гарпунами. Раненые чудовища, бешено мечась в воде, ударами своих хвостов и плавников поднимали страшные волны и нередко опрокидывали своих преследователей.

Единственным домашним животным у древнеазийцев долгое время была собака. Только во второй половине XVII века и начале XVIII столетия некоторые из них перешли к оленеводству. Новое занятие имело для них огромное значение, так как оно придало им большую силу в борьбе за существование. Особенно полезен был олень как перевозочное животное: в конце XVII века на Камчатке его употребляли для езды и летом и зимою. Только в летнюю пору на нем ездили верхом в деревянных седлах, а зимою впрягали в легкие нарты.

Ведя коллективное хозяйство и не имея еще развитой частной собственности, они жили все сообща, большими группами.

Так, у ительменов, расселявшихся по реке Камчатке, селения насчитывали по триста-пятьсот жилищ в каждом.

Летом это были юрты — палатки, поставленные на подпорках из жердей и покрытые шкурами или древесной корой.

Их ставили высоко над землей, поднимая на столбах сажени на две, а залезали по бревну с нанесенными на нем зарубками. Это делалось для того, чтобы избавиться от надоедливого жука и комаров.

На зиму выкапывались большие четырехугольные землянки. Они врывались в землю на глубину в один-полтора метра, а с боков и сверху укреплялись стропилами, покрывавшимися хворостом, мхом и землей. Наверху оставлялось

ЭР03134

отверстие, служившее одновременно дымоходом, окном и дверью.

Для того чтобы попасть в такую юрту, занесенную обычно снегом, надо было взобраться на ее крышу и нырнуть в дымоход. Здесь, внутри, стояло подрубленное в виде ступенек бревно.

В таких жилищах помещалось иногда до ста пятидесяти — двухсот человек, ведших одно общее, коллективное хозяйство. Ительменское общество не разбилось еще на отдельные семьи, являющиеся самостоятельными хозяйственными единицами. Здесь господствовало материнское право. Мужчина, когда женился, переходил в род своей невесты. Мужчины и женщины, так же как и вообще все люди, были равны между собой.

Тут не было ни богатых, ни бедных, не было ни могущественных и сильных, ни угнетенных и слабых. Благодаря коллективному труду создавался коммунистический быт. При отсутствии власти мужчины над женщиной ревность не проникала в сердца людей, благодаря отсутствию частной собственности они не знали чувства зависти, кража не смущала общественного покоя, личная вражда между людьми редко находила себе почву. Все члены рода, хозяева одного общего хозяйства, зависели друг от друга, могли бороться с суровой природой за свое существование только при условии самой тесной помощи, самого тесного содружества в труде.

Каждый, даже в своих личных интересах, должен был стоять за каждого, один должен был бороться за другого, как за самого себя, товарищ не мог покинуть в беде товарища.

Никто и подумать не мог нарушить эти вкоренившиеся веками, в результате коммунистического быта, традиции.

Но если и находился человек, решавшийся на это, он становился бесполезным для общества и должен был покинуть его, гонимый всеобщим презрением.

Выброшенный за борт своего рода человек оставался один, вооруженный жалким камнем, среди грозной природы севера. Не имея сил в одиночку добыть себе пропитание, гонимый завывающей снежной вьюгой, он должен был неминуемо погибнуть.

Да, суровую жизненную школу проходил человек на низших ступенях своего развития. Но зато каких учеников выпускала эта школа, каких людей выковывало это общество! Прямые и честные, беззаветно храбрые и отважные, гордые

ЭР03134

и искренние, преданные друг другу и свободолюбивые! Таких людей мог создать только коммунизм, хотя бы и первобытный.

Русским завоевателям, вооруженным страшными ружьями и пушками, закованным в кольчуги и шлемы, огороженным неприступными стенами острогов, нетрудно было поработить Сибирь. Большинство сибирских народов при этом только меняло своих господ. За многие столетия они свыклись уже с гнетом и эксплоатацией, шедшей со стороны своих национальных богачей, старейшин, баев и князей.

Но народы вольной Камчатки не знали еще рабства, не знали насилия, были свободны, как ветер тундры, не терпели оков, как морские волны.

Поэтому они предпочитали лучше итти на смерть, чем в рабство.

Покорение Камчатки затянулось на долгие годы. Царское правительство было вынуждено забросить сюда свои регулярные военные части.

Построили несколько новых острогов, но неспокойно жилось в них солдатам. Отряды, выходившие за сбором ясака, погибали в глухих камчатских горах, лесах и тундрах.

В 1707 году вспыхнуло массовое восстание ительменов, напавших на Большерецкий острог и разоривших его.

Сухопутное сообщение с Якутском, где тогда жил воевода, было прервано. После 1707 года ясак был благополучно доставлен до этого города только в 1714 году. За несколько лет на этом пути было перебито около двухсот человек ясачников.

Наконец казачьи начальники Анцыферов и Козыревский в крови временно утопили бунт.

Но туземцы не покорялись.

Тогда по особому царскому указу в 1727 году на Камчатку был послан сильный военный отряд во главе с атаманом Шестаковым и капитаном драгунского полка Павлуцким.

В Якутске они разделились на две части — Шестаков двинулся через Охотск, а Павлуцкий пошел на Нижне-Колымск.

14 марта 1730 года отряд Шестакова натолкнулся близ реки Пенжины на загородивших ему путь луораведланов.

Завязался отчаянный бой, в котором большая часть русских была перебита. Сам атаман был поражен в горло каменной стрелой.

ЭР03134

Павлуцкий, достигнув Анадырского острога, тоже в 1731 году двинулся в поход, направляясь к северу. Только после двух с лишком месяцев пути ему удалось настигнуть чукчей. 7 июня произошло большое сражение, в результате которого туземцы были принуждены отступить с поля битвы, но все же не покорились.

Следующие битвы с тем же результатом разыгрались 30 июня и 14 июля.

Разгромив чукчей, но не покорив их, возвращался Павлуцкий обратно в Анадырск.

Здесь он услышал неожиданные для себя новости.

По всей Камчатке вспыхнул бунт ительменов. Собравшись в огромном числе, они напали на Нижнекамчатский острог. Ворвавшись в него и перебив казаков и прочих жителей, они сожгли все дотла. Несколько спасшихся человек известили об этом командира военного бота, стоявшего недалеко в устьи реки Камчатки. Тогда при помощи выставленных орудий туземцы были отогнаны.

Отойдя, они разгромили еще два других, более мелких острога.

Во время кровавого подавления бунта многие из ительменов были повешены.

Через несколько лет возобновились набеги чукчей.

Раз ночью (21 марта 1747 года) Павлуцкий с восьмьюдесятью казаками на нартах и лыжах пошел догонять туземцев. Остальной его отряд с двумя сотниками во главе двигался сзади.

Подойдя к высокой сопке, он увидел луораведланов, на ее вершине спрятавшихся за нагроможденной грудой камней.

— Димитрий Иванович! — сказал один из сотников. — Больно уж их много, да вон и прикрылись они как здорово. Нам бы не лезть сейчас на рожон, а отабариться лучше нартами и оленями и подождать остальную команду.

Один из командиров, забубенный Горницын, проворчал с досадой:

— Наши казаки воисты дома, а перед неприятелем так всегда трусливы. Теперь-то и бить злодеев, пока они в куче, а где их сыщем, когда разбредутся по загорьям?

— Ну, так и быть. Лезем на гору! — скомандовал Павлуцкий. — Вперед! Что мы, камней их побоимся, что ли!

Отряд послушно начал карабкаться наверх.

Чукчи, увидя это, в свою очередь стремительно бросились в наступление, а часть их, обойдя сопку, стала заходить с тыла.

ЭР03134

Градом катилась с горы человеческая лавина, точно огнедышащая сопка начала извергаться людьми.

Казаки не выдержали натиска, и многие из них, вскочив на оленей, бросились бежать. Сам Павлуцкий и многие другие были убиты.

Вскоре после этого вновь разразилась война с луоравеллами, продолжавшаяся до 1759 года.

Анадырский острог укрепили и пополнили новыми войсками.

В 1759 году чукчи окружили его. Команда терпела голод и ела собак.

Не вынеся этого положения, гарнизон во главе с поручиком Кекуровым вынужден был покинуть крепость.

Не видя конца этой войне, правительство в 1770 году сочло более выгодным уничтожить Анадырский острог, признав этим самым свою несостоятельность в борьбе.

Для регулярных войск задача освоения вольной Камчатки и Чукотки оказалась непосильной. Вооруженные солдаты, шедшие из-под палки, не могли устоять перед слабыми народами, защищавшими свою свободу.

Но чего не могли добиться солдаты, того достигли купцы.

Правительство давало указы:

«Заводить в Камчатке церкви, купечеству тамошнему дать льготы на десять лет, перевозить купцов на судах с платою, завести там кабаки, вино брать из Якутска, пока не разведется свой хлеб, а за исхождением денег продавать вино на мягкую рухлядь (то есть пушнину)».

С 1733 года на Камчатку начали переселять крестьян.

Торговцы проникали в туземные поселения и налаживали в них обмен. Широко начали распространяться водка и табак. Купцы широко использовали в своих интересах первобытную простоту населения. Так, они брали за пуд черкасского табаку по пять речных бобров, десять красных лисиц, десять куниц и тридцать песцов. В безлесной Чукотке туземец давал по бобру за простое древко для копья.

Развитие торговли разрушало первобытно-коммунистический строй, порождая частную собственность, а с ней вместе имущественное и социальное неравенство.

Военная сила не могла сломить свободолюбивого духа, но кулацкая рука задушила его изнутри.

ЭР03134

III. ПОД ИГОМ САМОДЕРЖАВИЯ

1. Царские пристава и туземная знать

Еле проникают солнечные лучи сквозь слюдяные окна, тускло освещая внутренность приемной комнаты воеводского дома.

Вдоль деревянных бревенчатых стен стоят покрытые суконами и мехами лавки. На резном поставце аккуратно размещены для украшения покоя серебряные и медные кубки, ендовы и братины. В красном углу, под прокопченными лампадным дымом ликами многочисленных святых, за большим столом, накрытым камчатной скатертью, сидит, развалясь и распоясавшись, воевода, одетый в пеструю, расшитую по вороту шелковую рубаху.

Теребя и разглаживая свою большую рыжую бороду, то и дело прикладываясь к стопке меда, он ведет деловую беседу с ближайшим своим помощником, дьяком, сидящим за отдельным маленьким столиком.

Пожилой, с чахлой козлиной бородкой, одетый в зеленый с золотыми галунами опушенный бобром кафтан, дьяк, сгорбившись, пригнулся к столу.

Заложив остроочиненное гусиное перо за ухо и отставя в сторону бронзовую, крытую эмалью чернильницу и песочницу, он лукаво поблескивает хитрыми, бегающими глазками.

— Так выходит, оплошали мы с тобой, Ерофей Евсеич,— говорит воевода,— когда этих басурманских, будь они прокляты, вражьи дети, князьков нагайками пороть приказали. Видно, цацкаться надлежало с ними, так, что ли?

— Истину говоришь, батюшка-воевода, что цацкаться. Оплошали мы с тобой малость, ну да инда не беда, до бога высоко, а до Москвы далеко. А тут вот, сам видел, ясно отписано: «От царя и великого князя всея Русии воеводе на-

ЭР03134

шему и так далее... людей лучших уговаривать, чтобы ехали к государю служить... а которые приедут, и тех жаловать, и сукна давать, и хлебца... всячески князей и прочих людей татарских, и остяцких, и вогульских, и других под нашу царскую высокую руку склонять, и государево великое жалованное слово говорить...» Вот так-то, видишь?

— Ох-о-хо! — вздохнул тучный воевода, тупо посмотрев осоловелыми глазами на хитрое лицо дьяка. — В толк что-то никак я не возьму этого, Ерофей Евсеевич, и с чего бы государь с боярами такое ласкательство к нехристям возымели?

Дьяк лукаво опустил глаза в землю.

— Не нашему это худому умишку разбирать государевы дела.

— Да, мудреное дело.

— А что до меня, батюшка Василий Дементьевич, так я чаю, политика здесь великая. Ежели бы мы попрежнему ясачных все батожьем били, то им невтерпеж стало бы, и хоть ничего они супротив силищи нашей поделать не могли бы, тем не менее своими восстаниями немало хлопот причинили бы, да и причиняли. А от всего этого государевой казне разорение. А так будут, что называется, и овцы целы и волки сыты. Мы для ясачных людишек люди чужие, и против нас они восстать готовы, заговор какой, воровство учинить так и норовят, ясак в срок и сполна дать увиливают. А сильны они могут быть, если все вместе, заодно держаться будут. Мы же князькам ихним и лучшим богатейшим людям поблажку дадим, величать их учнем всячески, им самим заместо приказчиков ясак собирать дозволим, а кое-кому, наиболее рачительным, и дворянские грамоты пожалуем. Ну, князьки-то их, знамо дело, от своих и отколются и нашу руку тянуть будут. Глядишь, положение их в своем народе позакрепится, так они с него еще пуще нас три шкуры содрать сумеют и ясак сдадут полностью и себя не забудут! А тогда и нам вольготнее выйдет, знай себе да собирай, принимай с них казну.

— Ишь ты, хитрая какая бестия! — грузно расхохотался воевода. — Ну и наградил тебя господь бог разумом. Не по чину. Оно и впрямь так и прибыльнее и спокойнее выйдет. Лихо! Так ты, Евсеич, смотри, отпиши о всем этом по нашим служилым людям. Пускай князькам поблажки дают, а уж зато с ними заодно мы эх как с ясачных людишек шкурку сдерем, разлюли малина!.. Ну, а еще какие дела есть? Докладывай.

ЭР03134

Откашлявшись, дьяк развернул, достав из деревянного ящичка, несколько длинных свитков различных грамот, полистал их для памяти и начал монотонным голосом:

— А еще пишут о государевых доходах с сибирской земли. Требуют их увеличения. Так статьями доходными от нас является ясак да государевы, да твои, воеводины, поминки. А окромя того немало дают царю пошлины, с торговых всяких людей собираемые. Так вот, по этому указу надлежит собирать в казну с продажи всех привозных русских товаров одну десятую часть их продажной цены: то же с продажи рыбы. За корову или быка взимается пошлина в десятину ж цены да еще пошерстного сбора по два алтына с каждой проданной головы и так далее. А налог этот надо брать так: с добытчика пушнины, охотника,—одну десятую; с купившего у него купца — одну десятую тоже; с купца-перекупщика — еще десятину, а с покупателя — еще столько же...

— Постой, постой, Евсеич, считать-то, — весь покраснев от утомительного напряжения мысли, перебил воевода, — опять что-то в ум не возьму. Это ведь торговым людям нашим, купчишкам всяким, чистое разорение будет!

— И-и, полно, государь мой, — протянул многозначительно, подняв пучковатую бровь, дьяк, — нешто ты сам не торговал или нешто купцов не знаешь? Не бойсь, они в накладе себя не оставят. С них налог в два раза больше возьмешь, а они зато на свой товар цену в четыре раза поднимут; ты налог до четырех доведешь, а они, глядишь, уже в восемь раз все выше расценят. Тут только простой люд, покупатель, страдать будет, крестьяне там всякие, ремесленники да туземцы — ясачные.

— Ну, если так, оно ладно! — откинулся широкой спиной воевода, прислонив ее к стене. — Этим смердам в теле быть не полагается, работать лучше станут.

— Молчание серебро, а умное слово — золото!

А еще вот указывают насчет винного дела. Воеводы Верхотурские отписали царю на Москву, что благодаря государевым кабакам население совсем разоряется, одолжало и в кабалу пошло, так царь им на это так отвечает:

«И все-то пишете к нам, не радея о нашем деле, что кабак хотите оставить... Прежде вас многие наши воеводы на Верхотурьи бывали, а о том кабаке к нам не писывали. А вы вместо того, чтобы во всем искать прибыли, а и старое хотите растерять, и вы, делая леностью своею и нехотя нам служить, пишете к нам не дело».

ЭР03134

И вот приказывается царскую винную торговлю всячески расширять, как дело зело доходное. Велено из Тобольска послать сто пятьдесят ведер вина в Туруханск и Мангазею. В Тобольске все они стоят сто восемьдесят рублей, а там продавать их надлежит по пятидесяти рублей с ведра и получить прибыли две тысячи семьдесят рублей. А если продавать вино инородцам за мягкую рухлядь (меха), то можно ожидать прибыли вдвое...

В то время как дьяк тягуче докладывал это, громко скрипнула на тяжелых железных петлях дверь, и в комнату осторожно вошел холоп-туземец, купленный воеводой в рабы.

— Там, государя, наша князи пришел, очень просит, — низко кланяясь, доложил он своему хозяину.

Воевода утомленными глазами посмотрел на дьяка, потянулся и, зевнув, перекрестил рот.

— Ну, будет, Ерофей Евсеевич. Что-то соснуть поклонило, да обедать скоро пора. Ужо после, поевши, прилягу. А сейчас принять, что ли, князьков этих басурманских, а? Ну, веди их сюда, давай.

Через несколько минут, боязливо озираясь и прижимаясь друг к другу, вошли два туземца и, молча поклонившись по-русски (этому они уже научились), положили перед воеводой нескольких соболей и прекрасную шкуру чернобурой лисицы.

— Мы, князя, челом бить пришол, — ломано заговорили туземцы, — раньше наша платил белому царю ясак пушниной, теперь приказ дал платил деньгами. Раньше давал с человека десять соболей, теперь тех же соболей ценой на два рубля восемьдесят восемь копеек надо. Когда соболь сдаешь, мех ценишь дешево очень. Стало, надо по пятнадцать соболей давать. Мы понимаем. При этом порядке русским приказчикам и тебе хорошо. Соболь берешь как на два рубля восемьдесят восемь копеек, а они дороже выходят. Нам не доценят, себе в карман идет. А народу разорение. Потом ясак плати за всех, а люди умирают, увечные стали — все равно плати. Обнищали и одолжали совсем человек, продал жен и детей. А зверей теперь меньше пошел. Русский истребил быстро дорогой зверь. Просим, воевода, государя, милости: ценить ясак настоящей ценой, как торговля идет, такой же; потом просим пошлину, десятую часть цены при продаже шкур, освободить; потом просим освободить платы ясака за старый человек, увечный, мертвый; потом просим, когда ясак берешь, не брать обязательно соболей с пупками и хво-

ЭР03134

стами, а лисиц с передней лапами. Тех пупки, хвосты, лапы мы продаем торговый людям. На те деньги только можно покупаем хлеб, одежду, топоры, стрелы, а другой какой зверь продать не можем, весь промысел в ясак идет, в поминки идет.

Кончив, ходоки остановились, смотря на воеводу в упор, полные надежды.

Тот приосанился и забасил покровительственно:

— Это, друзья, не от меня зависит. Я чаю, вам челобитье государю-царю на Москву писать надобно. Ему виднее, его дело, а мы что? Вот дьяк за вас напишет потом, — ткнул он жирным пальцем в сторону Ерофея Евсеевича, — а вы зря печалуетесь. Государь-батюшка всяческую милость вам сказать рад будет. Если верой и правдой послужить ему рады, вам весьма радостной жизнь будет. Ясачный человек сам по себе. Ясачного вонючего человека я к себе не пущу.. А вы, князья, нам вровень. Порода близкая. Можно сказать, тьфу, тьфу, прости, господи (воевода быстро перекрестился), вроде как бы родня нам. Мы с вами общий язык найдем. Правильно, дьяк, говорю, что ли?

— Истина сама, батюшка-воевода, глаголет устами твоими, — незаметно подмигнул быстрым глазом и улыбнулся себе в козлиную бороденку Ерофей Евсеевич.

. . . . . .

Прошло более полутораста лет.

Наступил XIX век. Восстания туземного населения в целях борьбы за свою национальную независимость отошли в область предания. Царское правительство очень быстро и почти без всякого труда добилось того, чего хотело. Родовая знать, получившая различные льготы, охваченная влиянием русского торгового капитала, вовлекшего ее в свои ряды, резко обособилась от всей массы трудового населения.

Все сильнее и сильнее углублялось классовое расслоение в среде сибирских народов. Вскоре правительство увидело, что в лице низкопоклонной туземной аристократии оно имеет надежную опору.

Тогда было сочтено возможным узаконить организацию местного, строго классового управления.

Знаменитый деятель начала XIX века Сперанский составил опубликованный в 1822 году закон, так называемое «Положение об инородцах», действовавшее с этого времени до самой Октябрьской революции. По нему во главе каждого рода стоял староста, звание которого носили «князцы и других наименований почетные люди, ими (туземцами) уп-

ЭР03134

равляющие». Никаких письменных, канцелярских дел такой староста вести не должен был, а полиция получала все нужные ей сведения с его слов.

Помимо управления, на обязанности старосты лежал сбор ясака. За родовой знатью сохранялись все привилегии и почести.

Надзор за родовым управлением возлагался на полицию. Так пристав и кулак объединились вместе и нашли общий язык. Сибирские народы оказались под двойным игом.

2. Враги ли они друг другу?

Пышным цветком расцвела в Сибири церковь. Уже с первыми казачьими партиями начали сюда проникать попы разных рангов.

В Тобольске, бывшем сначала главным русским городом в Сибири, свил свое центральное гнездо архиепископ, глава всего местного духовенства.

Храмы и монастыри вырастали повсюду. Для увеличения своих доходов они пошли по проторенной дорожке открытия чудотворных икон и «святых мощей». Так, в Иркутске создали культ Иннокентия, в Верхотурьи — Симеона. Нижнеенисейские попы в Туруханске тоже пытались обзавестись своим святителем. Еще в начале XVII века мангазейский воевода Савлук-Пушкин запытал досмерти, что бывало вообще нередко, приказчика Василия, попавшегося с кражей. А монахам Троицкого туруханского монастыря ужасно хотелось обзавестись своим святым. Вот они и надумали, за неимением лучшего кандидата, открыть его мощи.

Темный народ поверил, начал поклоняться новому небожителю, мученику Василию Мангазейскому, понес монахам свои заработанные тяжелым трудом гроши.

Только почтенные иноки просчитались и все это дело затеяли слишком поздно. Пока оно ходило по синодским канцеляриям, ожидая утверждения, разразилась гроза Октябрьской революции. Так и остался бедняга Василий, последний неудачливый сибирский святой, без святительского веночка.

Беспечно жили церковники всех чинов и рангов на богатой сибирской почве. Вот, например, выписка из «переписной книги 1636 года» Тобольского софийского дома, где жил архиепископ. В его обильных кладовых для стола его преосвященства и «убогих иноков» было запасено:

ЭР03134

1. Разного хлеба	39 100	пудов
2. Масла коровьего	65	„
3. Соли	418	„
4. Меду пресного	132	„
5. Хмелю	19	„
6. Вина горячего	236	ведер
7. Меду кислого	79	„
8. Пива простого	224	„
9. Пива поддельного	35	„
10. Вина церковного	13	„
11. Романеи красной	$\frac{1}{4}$	ведра
12. Уксусу	20	ведер
13. Масла конопляного	6	„
14. Масла орехового	$\frac{1}{4}$	ведра
15. Воску	6	пудов
16. Жиру рыбьего	10	фунтов
17. Лимонов	110	штук

В сушилах

18. Осетров	202	штуки
19. Стерлядей	163	„
20. Нельм	243	„
21. Щук	260	„
22. Семг	7	„
23. Икры черной	$\frac{1}{4}$	пуда

Просольной рыбы

24. Щук	1 343	штуки
25. Нельм	50	„
26. Стерлядей	120	„
27. Язей	301	„
28. Окуней	140	„
29. Осетров	17	„

В это же время у софийского дома было тридцать две рабочих лошади и множество рабочего скота, и в том же году архиепископ должен был получать от казны шесть тысяч сто восемьдесят пудов хлеба, шестьдесят пудов меду, сто ведер «горячего вина» и т. д.

Сотни крестьян работали на церковных пашнях.

Не довольствуясь доходами с русского населения, архиепископы рассылали множество попов по туземным кочевьям и улусам «проповедывать слово божие и обращать язычников в лоно святой православной церкви».

Такие проповедники назывались миссионерами.

ДВГНБ

ЭР03134

Им всякими правдами и неправдами, при поддержке правительственных чиновников и родовой знати, удавалось распространять свое учение и вербовать паству.

Это дело было выгодным. Помимо всевозможных поборов само собой установилось правило, что крестник должен был итти в рабство к своему крестителю.

Темное и суеверное население считало, что раз русские так легко смогли победить их, значит и русские боги много сильнее старых, национальных богов, значит с русскими богами надо жить в мире.

Но нельзя было обидеть и своих шайтанов. Отсюда, как говорится, приходилось давать и богу свечку и чорту кочергу. Надо было заискивать и перед миссионером, но нельзя было забывать и шаманов.

Население, и без того обобранное до последней степени приставами, своей знатью, русскими купцами, несло последнее добро, отрывая его от голодных детей, шаманам и попам.

Вышло как-то само собой, что попы и шаманы очень легко сумели поделить друг с другом не только доходы, но и работу. Одни молились и звонили в колокола, а другие колдовали и били в бубны.

★

В эвенкийском чуме лежал умирающий. К нему пришли все его сородичи. Жалобно причитала жена. Задержать уходящую из коченеющего тела душу мог только шаман. Все с надеждой, интересом и страхом смотрели на его действия. Поговорив с больным и выяснив из его слов, какой дух вошел в его тело и причиняет ему мученья, шаман приказал открыть одну из стенок жилища.

Когда это было исполнено, взяв в руки бубен, пригнувшись к земле, медленно ударяя колотушкой, он как бы пополз вокруг умирающего. Губы шептали какие-то непонятные, магические формулы.

Вдруг колдун резко вскочил на ноги и бешено закружился в пляске, протяжно крича и стуча, вызывая к себе на подмогу всех подвластных шайтанов, пугая засевшего в больном злобного духа. Несчастный больной, раздражаемый шумом, мучительно отдающимся в воспаленной голове, начал стонать.

Тогда шаман с еще большим рвением усилил камлание.

Истомившийся больной затих, потеряв сознание.

Бубен в последний раз жалобно зазвенел и умолк.

— Жив будет. Дух ушел, — сказал, отдуваясь после уто-

ЭР03134

мительного камлания, шаман, уводя за собой полученного в качестве платы оленя.

Несмотря ни на что, больной через несколько дней умер.

Тогда вызвали миссионера, чтобы очистить от грехов бренное тело и предать его по всем правилам православия земле.

Уезжая на лодке обратно, миссионер увозил с собой несколько беличьих шкурок.

Так в религии сибирских народов постепенно установилось двоеверие.

★

В хакасских степях среди множества древних курганов и погребений нередко можно встретить новые могилы, одиноко располагающиеся вдали от улусов, вдали от современных хакасских кладбищ.

На свеженасыпанных холмиках стоят покосившиеся кресты, а рядом с ними торчат вбитые в землю осиновые колья.

На крестах трафаретные надписи: «Здесь похоронен раб божий такой-то», а под ними разложены на земле, изрезанные ножами, чтобы не могли больше гудеть, бубны, колотушки и сделанные из совиных крыльев шапки.

В этих могилах лежат тела умерших шаманов. Их старая идеология прекрасно уживалась с христианством, старая и новая религия прекрасно сливались в одно, так как та и другая порождались одними и теми же причинами.

Зачастую будучи сами людьми невежественными и суеверными, миссионеры нередко поддавались в свою очередь влияниям шаманизма.

На среднеенисейском севере в свое время пользовался большой популярностью монах Пимен. Много поездил он за долгую жизнь по эвенкийским и юрацким кочевьям, споря с шаманами, проповедуя «слово божие» и крестя туземцев.

Чем же объяснялась слава этого человека в темных народных массах?

Об этом ясно рассказала его могила.

Вместе с покойным миссионером было положено немало любопытных вещиц. Здесь оказались деревянная иконка и крест, нашитый на лоскутке материи, бронзовый литой амулет, изображающий фигурку какого-то гнома, напоминающий шаманские привески, несколько лапок с когтями и хвостов белок и других животных.

ЭР03134

Все это, как мы уже знаем, является типичными амулетами суеверных эвенков. Значит, миссионер Пимен сумел объединить в себе родственные идеологии обеих религий, по существу не имевших принципиального различия.

Так создалось двоеверие. В юртах наряду с иконами висели и идолы, старые языческие боги уступили свое верховное место христу и прочим святым, превратившись в злых духов — шайтанов.

После революции, когда христианская церковь лишилась государственной поддержки, туземное население скоро отошло от попов, оказавшись, в силу традиции, под влиянием одних шаманов.

Церковники быстро теряли свои доходы. Им оставалось или уезжать, или приспосабливаться к новым условиям.

На Алтае известен случай, когда потерявший доходы поп бросил свое кадило и крест и, сменив рясу на шаманский костюм, принялся за камлание.

В наши дни освобожденный от многовекового гнета народ строит новую жизнь, разрушая путы религии.

3. Из сотоварищей — в хозяева

Песчаной грядой желтели дюны на берегу широкой реки Оби.

Уже с незапамятных времен облюбовали остяки это место как исключительно хорошую рыбалку.

Каждое лето подкочевывали они сюда со стадами оленей, с собаками, с чумами, со всем своим скарбом.

Шумный говор оживлял пустынное место, весело поднимался от костров сизый дым, на отмелях лежали рядами берестяные лодки и растянулись самодельные сети.

После удачного дневного лова все собрались к жилищам, радостно принимаясь за вкусную пищу.

— Кто это плывет? — остановив уже поднятую ко рту руку, спросил старый Янгуш.

Все взглянули на алеющую в лучах заходящего солнца гладкую поверхность реки. Из-за поворота, тихо скользя, выплывала большая, широкая дощатая лодка. На ней сидело три человека, судя по бородам и одежде — русские. Ловко гребя веслами, они приближались к берегу.

Янгуш поднялся навстречу. Десяток босых, полуголых ребятишек ради любопытства сбежались на берег.

ЭР03134

— Добро пожаловать, — говорил старик, приветствуя прибывших и провожая их к чуму.

— Эх, и рыбка же у вас славная, — сказал старший из гостей, одетый в холщевую рубаху, картуз и высокие, полуболотные сапоги. — Отведаем с хозяевами. Ну, а как здравствуете? Каково лов идет?

— Мало, мало идет. А вы откуда?

— Да там, сверху, — гость неопределенно кивнул головой в сторону, — промышляем тоже. Рыболовы мы знатные, только песков вот своих нет.

Старик многозначительно промолчал.

— Нут-ко, сынок, достань бутылочку, — искоса взглянув на хозяев, бросил старший приезжий одному из своих парней.

— Знатно с дороги выпить манерочку, да и хозяев надо попотчевать.

Быстро появилась откуда-то стопка, забулькала прозрачная жгучая влага, и стаканчик пошел по рукам.

Жадными губами прикладывались остяки к дорогому напитку.

Разговор становился все оживленнее. Достав из лодки гармошку, парни запели залихватскую песню.

Янгуш, прослезившись, умиленно прильнул к старшему гостю — Ивану Перфильевичу.

А этот, тоже растроганным голосом, твердил ему:

— Нет, ты пойми, голубок. Ребята у меня, да и я сам, — люди крепкие, кровь с молоком. Работать рады от солнца до солнца, а где работать-то? Рыбалки нету, а куда денешься? Вот вы нас к себе в артель взяли бы. На паях, значит. Вместе рыбачили бы. И зажили бы до чего лихо! Это вот другие русские все остяков гнушаются. А нам что? Нам на все наплевать. Чем вы нашего брата хуже? А у нас, голубь, сети-то какие есть! Ты таких, я чай, и не видывал. Так идет? По рукам, что ли?

Доверчивые остяки согласились принять к себе на паях приехавших русских.

Начали совместный лов.

Новые сотоварищи наспех сколотили избушку, отдельно в ней жили и хранили под замком завезенные вещи. Они оказались хорошими компаньонами. Когда только являлась у кого-нибудь нужда в хлебе, в каких-либо мелких товарах, в порохе для ружья или в водке, у них всегда находилось все это, они всегда готовы были уступить часть своих запасов.

С окончанием сезона начали делить улов по паям.

ЭР03134

Оказалось, что сам Янгуш и все остальные так задолжали русским, что должны были отдать им половину своей доли улова.

На зиму положение было безвыходно.

— Ничего, — беззаботно утешал своих друзей Иван Перфильевич, — мы люди не гордые и не злые. Почто разорять-то вас? Мы вам долг не то что подождать, но и простить совсем можем. Согласен — давай постепенно расплачиваться. Вот у нас здесь, на песках, весь промысел на двадцать один пай делен, из них моих три. Пусть долг при вас останется, а на будущий год на мою долю вы из улова семь паев отдадите — квиты и будем.

Беднякам ничего не оставалось делать, как соглашаться.

Через несколько лет весь этот участок принадлежал уже русскому кулаку, а прежние его доверчивые владельцы — остяки — превратились из хозяев и сотоварищей в неоплатных должников, обязанных волей-неволей батрачить всю жизнь на прибравшего их к своим рукам Ивана Перфильевича.

Так русские кулаки, действуя примерно в этом роде, почти повсеместно завладели лучшими земельными угодьями, оттягав их от туземного населения.

Вот как описывал это положение путешествовавший в восьмидесятых годах прошлого столетия по северу Западной Сибири И. С. Поляков:

«В низовьях Оби существует село Шаркалинское, почти исключительно населенное Новицкими, предок которых, Григорий Новицкий, в первой четверти XVIII века был поставлен наблюдать за исполнением христианских обязанностей новокрещенными остяками и убит ими при «ревностном» исполнении своих обязанностей.

Эти Новицкие кормят остяков, одевают и обувают, вносят за них ясак и подати на огромном протяжении от Кандинска и Шеркалова далеко до Березова. Зато на сотню верст они арендуют у туземцев большую часть песков, или рыбных ловель. При этом ставятся остякам следующие условия: за пуд хлеба, стоящий на Оби от 30 до 35 копеек, берут 10 белок; на белку дают 2 фунта соли, фунт табаку расценивают в 5 белок и т. д.

Таким образом, считая стоимость белки в среднем 12 копеек, пуд хлеба обходится остяку в 1 рубль 20 копеек, а белка попадает к Новицким по 4 копейки, вместо 12; пуд соли обойдется остякам в 2 рубля 40 копеек, а стоит он 80 копеек; табак, стоящий 5 копеек, обходится остяку в 60 копеек; 100

ЭР03134

медных колец стоят в Ирбите 50 копеек, а Новицкие берут за 5 колец по белке, то есть по 2 рубля 40 копеек за сотню.

С остяцких песков Новицкие нагружают до трех больших повозков всякого рода рыбы за обыкновенную, существующую на реке Оби низкую арендную плату. Между тем тузем-ец, прикормленный ими, наделенный хлебом, состоящий кругом в долгах, не имеет права отдавать ни улов, ни пушной товар в какие-либо другие руки».

4. Купеческий разгул

В среде русского купечества прошлого столетия в ходу была поговорка: «Никуда негодно, так в Сибирь», эта поговорка как нельзя лучше характеризует отношение господствовавших классов тогдашней России к колониально зависимой стране.

Из Сибири вывозилось все, что можно было вывезти легко и дешево. Из Европейской же России сюда забрасывались самые скверные товары, шедшие здесь по баснословно высоким ценам.

Не зная в торговле конкуренции, горсточка купцов-мироедов, действовавшая в том или ином районе, наживаясь в своих спекуляциях на двести-пятьсот процентов делала, что хотела, и неограниченно управляла всем населением.

Вот, например, какой случай был на реке Индигирке, в далекой северной якутской глуши.

В стойбище заехал купец из города. Это было большим событием — редко когда кто-нибудь заходил в такую глушь. Проезжий остановился конечно в самой богатой юрте обруселого потомка одного из тоенов. Все население сбежалось сюда послушать диковинных рассказов, полюбоваться на привезенные товары и, быть может, соблазнившись, купить что-нибудь.

Хозяин посадил купца в почетный угол, хозяйки наперебой угощали дорогого гостя, все с интересом рассматривали привезенные вещи — яркий блестящий бисер, полушерстяные платки, разнообразные цветистые и глазастые ситцы, медные кольца и серьги, гребни, иконы, пуговицы и всякую мелочь.

Довольный удачным торгом, купец развалился на лавке и, сняв пояс, чтобы легче дышалось после обильной пищи, начал рассказывать заинтересованным слушателям о далеком губернском городе Якутске.

ЭР03134

— Тут у вас что, — говорил он, разглаживая бороду, — дичина! Вот в городе дело другого рода. Взять хотя бы мой дом. Двухэтажный, с каменным низом. По комнатам ковры понастланы. Вместо ваших нар — кровати стоят двухспальные с наложенными под потолок перинами. А что здесь? Хоть бы, хозяин, взять твой красный угол. Висит в нем какой-то образ Николы, да и то без рамы. Вот там, в Якутске, так образа господни без золоченой рамы никто и не повесит. А рамы тебе обязательно резные и от позолоты так и светятся. Право слово, всю комнату освещают своим блеском!

У слушателей даже глаза загорелись: вот посмотреть бы!

— А что, такую раму на моего Николу заказать тебе можно? — с любопытством спросил раззадоренный якут.

— Почему нельзя? Можно. Давай сто рублей — следующий раз приеду и привезу.

— Что ты, что ты! — испуганно замахал руками заказчик. — Смеешься, что ли, — за раму сто рублей!

— Да ты пойми, дурья твоя голова, ведь она золоченая. Одной позолоты на нее сколько пойдет! А зато и блестит. Ай же блестит! Ну, что тебе сотня рублей — сто белок. Белка сейчас по рублю идет. Даром, право слово, даром тебе предлагаю. А зато твоя юрта на всю округу славиться будет.

На столе, между тем, появилась традиционная водка. Торговля пошла живее. В конце концов сговорились на семидесяти рублях.

Через год купец снова приехал и привез раму. С гордостью повесил в нее хозяин своего Николу, а купцу отдал пятьдесят шесть беличьих шкурок, оставшись должным четырнадцать рублей.

Миновало двенадцать месяцев. Торговец явился за долгом.

Хозяин ожидал его и припас шкурки.

Увидя их, купец даже расхохотался:

— Что же ты думаешь, я тебе даром, что ли, долг ждал? Не четырнадцать, а тридцать пять белок давай.

— Как тридцать пять? — удивился несчастный. — Да за что же это, помилуй бог?!

— Ты мне пятьдесят шесть шкурок отдал?

— Отдал.

— А четырнадцать остался должен?

— Да.

— Так те пятьдесят шесть белок я за этот год продал по два рубля пятьдесят копеек. Значит, отдай ты мне тогда и эти четырнадцать шкур, они сейчас бы превратились у меня

ЭР03134

в тридцать пять рублей. С какой же стати, пойми, я страдать за тебя буду и вместо тридцати пяти рублей получать четырнадцать! Вот чудак!

— Да у меня сейчас больше четырнадцати штук и нет,— растерявшись от столь убедительных доводов, бормотал якут.

— Не беда. Так и быть, я подожду еще год. Это все я возьму, а за тобой будет еще двадцать один рубль.

Прошло семь лет. Бедный владелец Николая заплатил своему заимодателю девяносто шкур, или девяносто рублей, но долг его только возрос.

Тогда купец присвоил себе не только раму, но и сам образ и возвратил их обратно лишь тогда, когда выудил с должника вексель на тысячу двести рублей!

И это не единичный случай. Подобной системы расчетов придерживались ростовщики-купцы и кулаки-мироеды по всей Сибири, опутывая своими страшными щупальцами массы населения.

Туземец, живя охотой на пушного зверя, вынужден был отдавать его за бесценок тому или иному скупщику. У него же по баснословно высокой цене он брал необходимые товары, причем купец всегда старался давать их в кредит.

Этим охотник невольно попадал в кабалу. Он уже должен был постоянно отдавать всю свою продукцию одному и тому же покупателю, как бы тот дешево ни платил ему за это.

Благодаря подобной ростовщической системе целые огромные районы Сибири оказывались отданными на полный произвол горсти торговцев.

Вот биография одного из таких кулаков, напечатанная в газете «Томские губернские ведомости» № 43 за 1858 год.

«В исходе XVIII и первой четверти XIX столетия в Кузнецком округе, Верхо-Томской волости, в деревне Березовой, жил богатый крестьянин заводского ведомства Иван Степанович Новиков. Дом у него построен был на берегу речки Березовки, при впадении ее в Томь, на городскую руку и далеко отличался от прочих как величиною своею, так и красивым наружным видом; богатое же внутри убранство комнат делало его похожим на дом значительного помещика.

В смежности с этим домом находились два порядочной величины сада, правильно расположенные, с фигурными беседками, цветными грядами и в разных местах скамейками. Занимался Новиков хлебопашеством в огромном размере и торговлей разного рода скотом в значительном количестве.

ЭР03134

Часть хлеба отправлялась им сплавом по рекам Томи, Оби и Иртышу на продажу в Сургут и Березов.

Для работ по хлебопашеству и ухода за скотом он содержал до восьмидесяти работников из годовой платы и для присмотра за полевыми работами, за порядком в доме и для исполнения торговых дел более сорока приказчиков. Главное же управление по торговле вверено было томскому мещанину Федору Корчуганову, который и распоряжался всем полновластно. Сам Новиков разрешал только одни значительные торговые предприятия, с важностью выслушивая доклады и мнения чинно стоявших перед ним главноуправляющих и некоторых, более смышленых приказчиков, проверял торговые книги, делал по ним замечания, сводил счеты и вообще действовал как именитый торговый человек. Для выезда своего имел лучших лошадей и много городских экипажей; в числе последних даже была выписана из Москвы коляска, в которой Иван Степанович, четверней или парой, объезжал иногда поля свои, засеянные разным хлебом, или ездил в город, куда требовала надобность по делам его, или просто вздумав прогуляться к своим знакомым, имея их множество в высшем чиновном кругу. Поездка в город сопровождалась всею роскошью знатности, составляя кортеж из четырех экипажей, из коих в главном обыкновенно сидел сам Новиков, а в остальных сидели приказчики.

Под своз такой свиты требовалось около двадцати лошадей, которые, по предварительному извещению, и заготовлялись на станциях едва не за неделю до приезда его, ожидая Ивана Степановича как некую важную особу. Такой образ жизни, при уме его и независимом состоянии, чрезвычайно сближал Новикова с должностными лицами, любившими и уважавшими его. К сожалению, он только во зло употреблял это расположение и, не будучи чужд корыстолюбия, богатство приобретал не совсем добросовестными средствами»,— мягко выражаются «Губернские ведомости». — Не неся никакой общественной должности, он однако же безнаказанно управлял Верхо-Томской волостью и притом так деспотически, что не только волостное и сельское начальство покорствовало ему, но и земские и горные власти смотрели на него сквозь пальцы, а крестьяне лишены были возможности противодействовать ему и раболепно подчинялись всем его приказаниям. Ни одна мирская сходка не оканчивалась без решения Ивана Степановича, ни одно распоряжение начальства не приводилось в исполнение, прежде чем не прикажет он. Очень редко бывая на мирских сходках, Новиков знал

ЭР03134

однакож все, о чем происходило на них совещание, по той причине, что после каждой сходки являлась к нему депутация из крестьян и просила его совета и решения.

Дурно ли, хорошо ли прикажет он, но дело решалось окончательно по его наставлению, и если кто осмеливался противоречить, ему грозили одним словом — что так приказал Иван Степанович. Волостное правление носило одно пустое название и скорее было канцелярией Новикова, чем присутственным местом: все споры между крестьянами, жалобы их на обиды, одним другому нанесенные, и прочие иски и тяжбы их разбирались одним Новиковым во дворе дома его или на станциях во время проезда у той квартиры, где он останавливался. В первом случае строгий судья-самозванец каждый день, утром или после обеденного отдыха, выходил на крыльцо и, сев в приготовленное кресло, выслушивал жалобы и просьбы собравшейся толпы крестьян, спрашивал ответчиков и обсуждал обстоятельства, тут же решал дела окончательно, и горе обвиняемому: его подводили к столбу, на дворе врытому, привязывали ремнями и наказывали плетьми до тех пор, пока угодно было Ивану Степановичу; а он был до того жестокосерд, что то и дело кричал: «Прибавьте ему!», так что иногда несчастного уносили на руках полумертвого; подобные решения случались и на станциях, хотя и не часто...

Обсчитать при расчете кого-нибудь лишними процентами на одолженные деньги Новиков также не считал для себя грехом.

Крестьяне постоянно были у него в долгу, и, сколько ни уплачивали, все оставались недоимки.

Избытки в скоте, а также и в других припасах входили в состав торговли Ивана Степановича; крестьяне очень мало продавали в сторонние руки: все везлось к нему и сдавалось приказчикам, а цены за принятый товар зависели от самого Новикова беспрекословно. Если он узнавал, что у какого-нибудь крестьянина появилась хорошая лошадь, то, не раздумывая долго, сейчас же посылал приказчика к владельцу такой лошади с приказанием отобрать ее и привести к нему. Посланный отправлялся, осматривал лошадь и, найдя ее доброю, уводил ее на двор Ивана Степановича, а хозяину приказывал явиться туда же через неделю. Не смея ослушаться, крестьянин молча смотрел на уводимую и нередко любимую лошадь и не решался делать ни малейшего возражения. Когда лошадь Новикову нравилась, то оставалась вовсе у него, а прежнему хозяину, явившемуся в назначенное

ЭР03134

время, платили за нее, сколько вздумается Ивану Степановичу, и всегда менее против стоимости; крестьянин оставался доволен и тем, что получил, очень хорошо понимая, что ни убеждения, тем более возражения, не поведут ни к чему доброму: его же прикажут вытолкать вон, а при случае отомстят еще посильнее. Высшие власти, посещая Томск и Барнаул, также хорошо знали Ивана Степановича, принимали его запросто на чай или обед. Ездили с ним по городу в одном экипаже и при случае пивали за его здоровье».

Вот в подобные руки попало в конце концов как русское, так и туземное население Сибири.

От хищнического их хозяйствования богатая страна разорялась и пустела. Промышленность совершенно не развивалась, не улучшались торговые пути, не было необходимых школ.

При въезде в любой город прежде всего бросался в глаза острог, при въезде в село — этап.

Проезжие поражались богатству, уживавшемуся рядом с бедностью, поражались массе нищих и кабаков, поражались той небывалой силе и своеволию, которые присвоила и позволяла себе горсть мироедов.

Создав свои первоначальные капиталы, как это мы уже видели, открытым порабощением и грабежом туземного населения, они далее расширяли их путем экономического закабаления и эксплоатации как своих соплеменников, так и туземцев.

5. Заботливые родственники

В таймырских тундрах хорошо знают авамского самоеда Ненянка. «Камень-человек, — говорят про него. — Крепко большой человек. Оленя много имеет, чумов много имеет, сильный хозяин».

Сейчас на новой оленьей упряжке он приехал в Гальчиху — русский поселок в низовьях Енисея — и сидит в гостях у своего друга Иннокентия Васильевича.

В теплой избе, пропахшей каким-то особым духом — смесь запаха кожи, табачного дыма и еще чего-то неопределенного, кислого, — сидят приятели за столом, попивая с расцвеченных синими розами емких блюдечек крепко заваренный кирпичный чай.

С тарелок смотрят прямо в рот горячие масляные шанюжки, густо смазанные запекшейся сметаной, подрумянен-

ЭР03134

ные круглые сибирские калачи, ватрушки с черемухой, раздерушки.

Приятели, к обоюдному удовольствию, покончили уже со своими делами и сейчас благодушествуют.

Они оба довольны друг другом. Каждому казалось, что он удачно провел торг и остался в барышах.

— Хороший год был, — причмокивая кусочком сахара, зажатого в желтых зубах, медленно говорит Ненянк. — Зверя много, охота большой. На оленя по тундре болезь нашла. Много голов пропало, а мои ничего, не захватила. Важенки отелились. Теперь мое стадо добро. Можно людям помочь. Скот в цену пошел. Таюну и другим несколько голов дал — пушнины получил, выгодно. Сейчас мне много должны. Оленей под отработку взяли. С накидом хорошим пушниной, рыбой вернут. У многих пастбища малооленны стали — арендовал.

— Да, тебя учить нечего. Что дела делать умеешь, это я знаю, — перебил Иннокентий Васильевич, вытирая лоб, вспотевший от восьмого стакана чая. — За это люблю. Других бы из ваших себе в кумовья не взял. Я уж тебя уважу, товарец подберу добрый. Там у себя, по чумам, сможешь смело в полтора раза накидку сделать. О тебе даже сам Валентин Сергеевич, пристав, везде с похвалой отзывается. Сколько раз слышал своими ушами, как он говорит: «Добрый этот самоедин Ненянк. Всегда исправно ясак и повинности всякие с его рода идут. Примерный человек, даром, что инородец».

У гостя от похвалы глаза заиграли.

— Без меня он с них в срок ничего не собрал бы. Ведь я как делаю? Срок платежей пришел — у всех платить нечем, у меня есть. Плачу за того, за этого. За всех плачу. Я не боюсь. Люди свои — потом вернут, отработают. И мне хорошо — большой начальник доволен, а мне не к спеху, подождать можно. Люди работать мне за это будут. С накидом вернется.

— Дело, дело.

— Ну, ехать пора однако. Прощай, Иннокентий Васильевич.

— Куда тебе торопиться? Посиди маленько. Побалуемся еще чайком.

— Нет, поеду. Стаду без хозяина долго нельзя быть.

. . . . . .

Моросит мелкий осенний дождь. Серое небо сливается с

ЭР03134

поблекшей, тусклой тундрой, так что не знаешь, где сырец — на земле или в воздухе.

Резкий, порывистый ветер рябит поверхность лужи, играет оголенными ветками сутулых полярных березок.

На самом краю стойбища стоит обветшалый чум. Облезлую оленью покрышку, прорванную и уже не раз заплатанную во многих местах, починяет хозяйка, зашивая ее крепкими жилами.

Внутри, у тлеющего очага, жмутся друг к другу дети. Меньшой карапуз не одет совсем. Он стоит, расставя ноги, и греется, повернув к огню свой ненормально большой, выступающий вперед, округлый живот.

Поднимаемое ветром покрывало, закрывающее вход, то и дело тяжело хлопает по стенке жилища.

Сам хозяин, притащив с берега реки выброшенную водою, принесенную издалека лесину, тщательно старается расщепить ее.

Он работает старым, разбившимся по обуху топором и не может сладить с непосильной работой.

Выбившись из сил, злобно бросает топор на землю и грузно опускается на бревно, поджав ноги под себя.

Достав из-за пазухи маленькую, но длинную трубку, аккуратно выбивает о дерево из нее нагар и, набив табаком, смешанным с корой, высекает огнивом искру и закуривает.

— Придется опять к Ненянку итти. Топор просить надо, железки для песцовых ловушек надо, на зиму пороху, свинца, пыжей нет.

Жена оторвалась от работы:

— А чем отдавать будем? И так за оленей, за старые долги половина добычи уйти должна. С голоду умирать придется. Хлеба нет, всего нет.

Хозяин ничего не отвечал. Безнадежными, как осеннее небо тундры, глазами он уставился в даль, остекленело смотря в одну точку.

Рука с потухшей трубкой, точно мягкий ремень из ровдуги, опустилась вниз.

Вскоре он запел тягучую, печальную песню. Ненцы не знают трафаретных песен, имеющих раз навсегда установленные слова.

«— Плачет осенний дождь, плачет.

Ветер гонит по небу отдельные облачка, отдельные, как березки в тундре, облачка гонит холодный ветер.

Они сливаются вместе, как собирающиеся в стадо олени,

ЭР03134

и окутывают собой тундру, точно складываются в большой чум.

Если бы оленей было столько же, сколько облачков, тогда были бы сыты все хазово, все хазово были бы одеты, согреты и накормлены тогда.

В тундре весною земля согревается солнцем и тает снег.

Когда весною под теплым солнцем тает снег, тундра покрывается белыми цветочками.

Как звезды горят на небе зимой, так горят летом цветы в тундре.

Каждый цветок превращается в ягоду, из ягоды родится новый цветок. Растение хранит свою ягоду, но птица съедает ее. Ой, суровая птица прилетает в тундру и съедает ягоду.

Человек имеет ребенка, ребенка у него может забрать другой человек.

Птица съест одну ягоду, тогда останутся другие, человек возьмет одного ребенка, тогда останутся другие...»

У женщины, прильнувшей к заплате, заблестели на глазах две прозрачные, как роса, капли.

Певец замолк, резко тряхнул головой, точно желая отогнать этим от себя черные думы, и молча вошел в чум.

Подойдя к ребятишкам, взял за тощую ручонку старшего из них, десятилетнего Харюша, и, не говоря ни слова, быстро потащил его за собой, к стоящим в отдалении жилищам.

Недавно вернувшийся из Гольчихи Ненянк, окруженный своими семейными, рассматривал разложенные на кувалана[1] привезенные им товары.

Вошедшие поздоровались.

— Как съездили, Ненянк?

— Это ты, Таюм? Хорошо. Ты, верно, пришел за товарами, которые я привез на твою пушнину? Что тебе надо?

Пришедший быстрым взглядом окинул разложенное.

— Муки надо. Хлеба нет. Порох надо. Пыжи, свинец надо. Топор раскололся... — неуверенным голосом начал он перечислять.

— Тебе много надо, Таюм, — отвечал Ненянк. — Сейчас пушнина дешевая. Русский мало дал. А ты за оленей, которых брал, долг платить должен, за то, что я на своих оленях за тебя к русским ездил, платить должен. Много тебе дать не могу. Выбирай, что нужнее, всего нельзя.

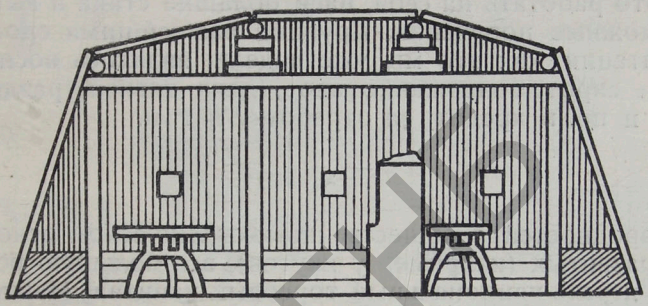
[1] Кувалаы—оленные коврики.

ЭР03134

Хотя бедняк и ожидал этого, но понуро опустил голову, потеряв остатки надежды. Последние олени пали в этом году, промысел неудачный был, в долги сильно залез.

— Как жить будем? — спросил он, адресуясь куда-то в пространство.

— Рад помочь, не могу. Самому трудно. В долг давать больше нельзя, а помочь помогу. Ты мне родня, не чужой. Обычай знаешь. Своя кровь — своя забота. Я тебе уже говорил — давай паренька своего, я его опекать буду. Пусть живет. Не объест. За стадами ходить будет. Выращу его как-нибудь. Потом сочтемся. Повзрослеет — батрачить будет,

Внутреннее устройство якутской юрты.

в работниках поживет и отработает все расходы, которые на него сделаю, да и за тебя немного отдаст.

Отец грустно взглянул на сына.

Мальчик прижался к его потертой малице[1] и, крепясь, безмолвно подергивал оттопыривавшимися в сдерживаемом плаче губами.

Таюм отвернулся.

— Харюш, ты останешься здесь, — решительно сказал он.

— Тогда набирай товара, — указал на разложенные вещи Ненянк.

. . . . . .

Под влиянием русского торгового капитала и правительственного законодательства, выдвигавшего на первое место родовую знать, старейшины быстро обособлялись. Часто соприкасаясь с людьми, власть имущими, они скоро воспринимали элементы русской культуры, а сталкиваясь постоянно с торговцами, так называемыми тунгусниками,

[1] Малица—меховая одежда.

ЭР03134

сколачивавшими себе капиталы за счет обирания туземцев, заимствовали у них методы обогащения. Только эти приемы они подвергали соответствующей переделке на основе родовых обычаев.

Хотя коллективное хозяйство давно уже распалось на хозяйства отдельных семейств, тем не менее родственные узы в сознании людей продолжали еще иметь большое значение. Богачи сумели приспособить это явление в своих интересах, беря на себя «заботу» о неимущих сородичах. Кочуя совместно, под видом оказания помощи беднякам предоставлением им для пользования своих оленей, они заставляли их за это работать на себя, пася большие стада и выполняя всевозможные поручения. Другими важнейшими способами эксплоатации, как это мы уже видели, являлось воспитание детей и сирот, содержание вдов, дача оленей, различного товара и пр. в кредит, за отработку и т. п.

*

У народностей, в общественно-экономическом отношении более развитых (например у якутов), все большую роль начинает играть национальный торговый капитал. Между феодальной знатью и национальной торговой буржуазией возникает ожесточенная борьба за господство.

Это можно хорошо характеризовать на следующем примере.

Богат и знатен был кюняйский род, входивший в состав Шехсогонского якутского наслега. На протяжении нескольких столетий его представители стояли у власти, управляя всей округой. В богатстве никто не мог с ним тягаться.

Используя свое социальное положение, кюняйцы захватили себе наибольшее количество лучших земель в наслеге и, поддерживаемые верхушками других родов, не допускали никаких переделов их.

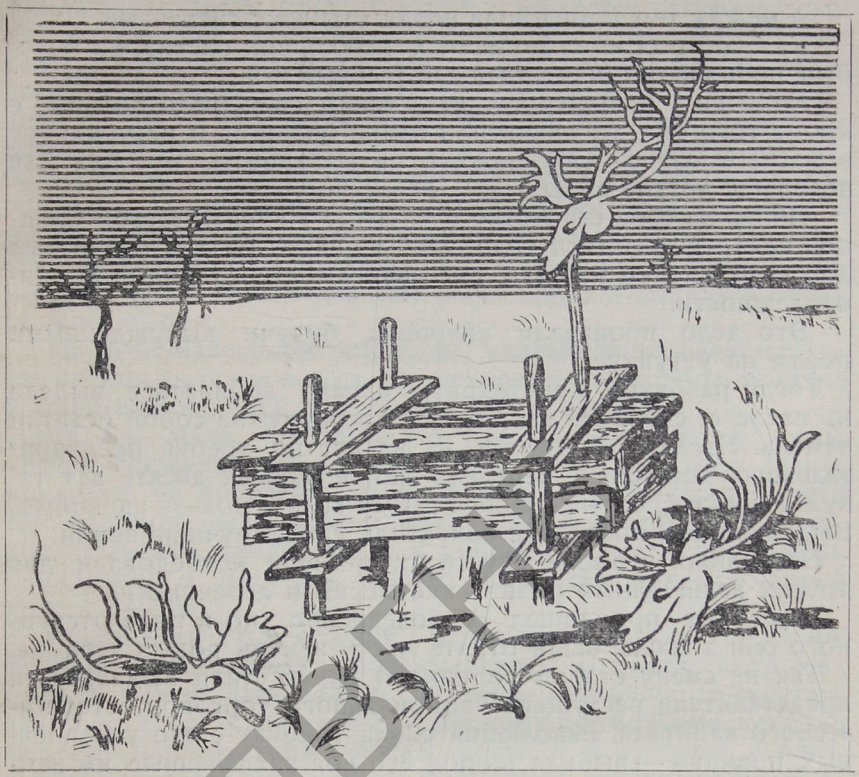
Но вот с развитием торгового капитала среди членов захудалого рода снекачи выделился некто Нестор Слепцов. Это был ловкий якут, разжившийся на ростовщичестве.

Подыгрываясь к русскому начальству, экономически подчиняя себе население, он вскоре получил в свои руки большую власть.

Влияние тоенского рода кюняйцев резко пошатнулось, но огромные земельные наделы все же еще продолжали обеспечивать за ним большую силу.

Чувствуя под ногами достаточно крепкую почву, снекачи,

ЭР03134

Ненецкая могила.

во главе со Слепцовым, открыто начали требовать передела земель.

Старая аристократия, увидя намерения кулака, всколыхнулась и, употребив все свое традиционное влияние, добилась на этот раз отклонения притязаний своего конкурента. Только небольшая доля угодий была прирезана снекачам.

Но уже и это больно ударило по самолюбию знатных кюняйцев, у которых, впервые, может быть, за целые столетия, «отобрали» землю, которая формально была наслежной, но которую они уже давно привыкли рассматривать как свою собственность.

Стремясь сохранить за собой свое пошатнувшееся теперь положение, они начали лелеять мысль о том, как бы им выделиться совсем из наслега, чтобы сохранить в своем владении то, что они успели захватить за сотню-другую лет.

ЭР03134

А между тем произошла новая стычка с снекачами.

Каждый род имел по два-три небольших озерка, на которых производил общественный рыбный лов.

Конечно у кюняйского рода таких озер было больше, а кроме того они же захватили самое большое и центральное в наслеге озеро — Мундайбан, на которое не пускали для неводьбы другие роды.

Попав за свое богатство в улусные головы, Нестор Слепцов начал добиваться того, чтобы доступ на это озеро был дан всем членам наслега, вне зависимости от родовой принадлежности.

Это дело проиграли кюняйцы, будучи вынужденными пойти на уступку.

Тогда разбитые аристократы начали добиваться выдела из наслега, стремясь этим путем сохранить за собой остатки земель. Наслег, разумеется, их не пустил, требуя предварительного коренного передела земли. Целых десять лет тянулся процесс, окончившийся в 1914 году в пользу кюняйцев. Выделившись, последние захватили самые лучшие земли.

Несколько времени спустя их примеру последовали два других зажиточных рода — хайняский и лебечинский.

Выдел их произошел безболезненно, но в виде отступного они должны были отдать часть земель роду Слепцова.

Так на смену старой родовитой знати стали выдвигаться представители растущего национального торгово-ростовщического капитала. Революция сбила тойонат с его укрепленных позиций — выбила из-под его ног захваченные им земли, но одновременно и кулак принужден был отдать то, что он успел отвоевать у родовой знати или в свою очередь награбить у бедноты [1].

6. На краю гибели

Среди таежной глуши и диких берегов реки Оби раздался протяжный, заунывный гудок сирены. Пароход, шумя пенящими воду колесами и оставляя за собой на прозрачной поверхности длинную полосу разбегающихся в разные стороны волн, круто повернул к зеленому берегу и мягко ударился о длинные деревянные мостки. С борта взвился толстый канат для привязи к причалу. Капитан, стоя на своем мостике, отдал какое-то распоряжение в рупор. Ко-

[1] М. К. Расцветаев, Очерки по экономике и общественному быту якутов.

ЭР03134

манда засуетилась, приготовляясь к погрузке топлива. Усталые от сидения, лежания и вынужденного бездействия пассажиры лениво потягивались и расправляли одряблевшие члены. Они медленно сходили на берег, чтобы за время стоянки посидеть на сочной траве, набрать букеты пестрых полевых цветов, прицениться, а быть может, и купить что-нибудь у высыпавших на пристани баб, зазывающих ласковыми голосами покупателей, предлагающих им дешевые яйца и масло, сырое и топленое докрасна молоко, густую сметану, творог, калачи, мед, поджаренные куски мяса, дичины, домашней птицы, копченую или обваленную в подрумяненных сухарях рыбу.

На этой маленькой остановке, удаленной от села, надежды на покупателей плохи, но, несмотря на это, вся лужайка у пристани заполнилась подошедшим народом.

Все эти люди, живущие по глухим, медвежьим углам, наспех сбежались сюда, заслыша гудок, для того чтобы поглазеть на проезжих, полюбоваться на малопривычный еще пароход, быть может, покалякать с матросами и, главное, погулять, придравшись к удобному случаю посудачить о виденном и получить новый запас тем для разговоров друг с другом.

Среди всей этой веселой, перекидывающейся шутками, меткими замечаниями, поплевывающей скорлупы кедровых орехов толпы замешалась, держась несколько в стороне, кучка остяков. В оборванных, висящих лохмотьями клочках меховой или ситцевой одежды, босые и полуголые, с бледными, одутловатыми лицами и впалыми, совершенно потухшими или, наоборот, лихорадочно горящими глазами, эти люди казались каким-то мрачным пятном, представлялись какими-то призраками среди царящего вокруг оживления.

Ребятишки, мал-мала меньше, прикрываясь рубищами, покрытые по лицу и телу коростой, быстро засеменили своими кривыми от рахита ножонками.

— Дай хлеба, дай хлеба!—приставали они к пассажирам.

С палубы кто-то швырнул в них сверток. Из разорвавшейся грязной газеты рассыпались по земле обглоданные кости рыб, недоеденные корки черствого хлеба и другие объедки.

Ребятишки, крича, шумя и дерясь, наперебой бросались собирать это и тут же все поедали с жадностью.

С парохода сошел человек, одетый в суконную поддевку и высокие, хорошо вычищенные сапоги, и перевалистой походкой направился к группе взрослых туземцев.

ЭР03134

Он вытащил из кармана бутылку с водкой и начал потряхивать ею перед их лицами, соблазнительно прищелкивая при этом языком.

Глаза споенных купцами, приученных к алкоголю людей стали разгораться.

— За что дашь? — начали они плаксиво приставать к к барышнику.

— Пушнина есть? Соболь, белка есть?

— Нету мех. Мех давно нет. Весь продан. Съели мех,— беспомощно лепетали несчастные. — Рыба есть. Возьми стерлядь.

— Куда мне ее! Мне другой товар надо, — неумолимо настаивал на своем торговец.

Возбужденные видом вина остяки начинали всячески упрашивать и хитрить.

Со всех сторон на них сыпались насмешки.

— Ну, ладно. Куда ни шло — за стерлядку бери по рюмке, — великодушно согласился продавец.

Полуголодные туземцы наперебой начали отдавать последние свои запасы пищи, с жадностью припадая воспаленными губами к маленькой оловянной стопке.

Единственный сошедший здесь с парохода пассажир, одетый в черную косоворотку и чесучовый пиджак, с блестящими очками на худом бритом лице, стоя со своим небольшим чемоданчиком, молча наблюдал всю эту картину. Наконец он не выдержал и подошел к одному из остяков.

— Ведь дети твои голодные, сам есть хочешь. Посмотри, во что ты одет. Зачем же тебе надо последнюю рыбу отдавать за водку?

Остяк удивленно, точно не понимая, взглянул на незнакомца.

— Внутри горит. Не могу. Все равно умирать. Выхода нет. — И, сказав это, он опять потянулся за чаркой.

Незнакомец отвернулся и пошел по направлению к видневшемуся вдали селу.

Он был сослан в сибирскую глушь за участие в революционном движении. Оторванный от своей деятельности в пролетарских центрах, он видел, что, ведя пропагандистскую работу здесь, он многого не добьется.

Забитый до последней степени народ, разбросанный на огромных сибирских просторах, затерянный в беспредельной тайге и тундре, был слишком темен, слаб и не подготовлен для революционной борьбы.

Приезжий ясно увидел, что эти подавленные и прини-

ЭР03134

женные люди не в силах бороться со своими угнетателями и что они могут воспрянуть и начать строить свою новую, свободную жизнь только при помощи пролетариата.

Тесно соприкасаясь с туземным населением, оказывая ему медицинскую помощь, стараясь вести культурную работу, через некоторое время, изучив быт остяков, он писал в письме к своим далеким друзьям:

«На рыбалках у тобольских промышленников работники — исключительно остяки, а в Нарымском крае множество туземцев вовсе бросили зверопромышленность, так как кулаки вытеснили их со всех хороших охотничьих участков, и поступили в работники к купцам, мещанам и крестьянам. Жизнь в этих работниках для инородцев, оторванных от семьи, в самой жалкой обстановке, безжалостном труде и скудном вознаграждении, большей частью товаром и вином, служит нравственной порчей и физической гибелью. Они являются апатичными и относящимися тупо и безучастно к собственной гибели.

Плата такому работнику бывает пятнадцать-двадцать рублей в лето, причем часто наниматель вносит за него ясак, повинности; а для инородца достаточно, если прикроют его наготу.

Обедневшие остяки понемногу стягиваются и ищут работы на судах, коноводках, пароходах и даже на приисках, где погибают.

Их можно видеть в городах и на пристанях в несчастных рубищах, или выпрашивающих милостыню, или валяющихся около кабаков...»

Нажива русских промышленников за счет туземцев вошла в поговорку. На вопрос тобольского губернатора в Самарове, селе, где кулаки обирают остяков, промышленник ответил губернатору: «Благодаря господу богу остяками живем, хорошо нас кормят».

Под игом торгового капитала богатая страна постепенно разорялась хищническими способами лова, как, например, запруживанием заливов, речек и других мест, куда входит рыба, уничтожением икры и т. п., подрывались возможности рыболовства.

Быстро уничтожались пушные богатства. Так, в начале XIX века в один только Китай сбывалось из Сибири до восьми миллионов белок, но вследствие варварского избиения зверя продукция быстро шла на убыль, выражаясь в 1836 году в четыре миллиона шкурок, а в 1837 году уже только в два миллиона девятьсот тысяч.

ЭР03134

Но что же сказать на то, что вследствие разорения в 1874 году было вывезено из России мехов на 2 250 тысяч рублей, но зато привезено из-за границы на 6 миллионов рублей.

Уничтожение лесного зверя и рыбы ставило туземное население в безвыходное положение. Угнетаемое и разоряемое царским правительством, церковью, торговцами и своей национальной знатью, оно начало быстро вымирать от голода и болезней.

Правительство иногда начинало давать хлеб голодающим, но требовало потом возмещения его стоимости. Это оказывалось непосильным, и подобные филантропические начинания быстро прекращались.

Из-за почти полного отсутствия медицинской помощи часто свирепствовали различные эпидемии. Так, например, на севере средней Сибири, по словам современника, «опустошение и погибель большинства инородцев сперва гнилою горячкою, а в 1850 и в 1851 годах оспою, было до того сильно, что валялось всюду по лесам много трупов, которые привлекали хищных зверей, вроде медведя, россомах и волков, от алчности которых бежали дальше лучшие звери».

В результате численность туземного населения быстро сокращалась. Так, например, по Западной Сибири оседлое туземное население составляло в 1851 году 40 470 человек, а к 1878 году оно сократилось до 37 880 человек, ительменов на Камчатке в 1744 году было 20 000 человек, в 1823 году — 2 760 человек, в 1850 году уже только 1 951 человек. Некоторые народности, как, например, аринцы, за время царского хозяйничания вымерли окончательно.

Как почти во всех колониальных странах империалистических государств, так и в Сибири черная смерть протягивала свою костлявую руку к голодному и изнемогающему под гнетом местному населению, бессильному в борьбе за свою жизнь.

Великий вихрь Октября принес освобождение и право на жизнь и труд для малых народов Сибири.

ЭР03134

IV. К КОММУНИЗМУ

1. Октябрьский вихрь

Наступил 1917 год. Только к лету по таежной глуши и тундрам начали носиться туманные слухи — белого царя прогнали.

Пробудились было некоторые надежды на более легкую жизнь. Об этом говорили радостные ссыльные, спешно собиравшие свои скудные пожитки.

Эти странные русские люди, единственные относившиеся хорошо к туземцам, вскоре уехали. Пристава и другое местное начальство собрало к себе всех старшин, сказало им, что сейчас вместо Николая стало какое-то временное правительство, предупреждало, что не должно быть никаких волнений, и в результате все осталось попрежнему. Так же наезжали тунгусники, так же своевольничали кулаки.

Наконец подошла осень. Выпал первый ранний снег. Покрываясь льдом, стали реки. Непрерывно подули сильные, переходящие в ураган октябрьские ветра. Как и всегда, в это время года гудели они по приполярным далям, грозно ударяясь о стены чумов.

Хотя связь с далеким, культурным югом и прекратилась, но по тундрам и лесным чащам поползли новые разговоры, новые вести, точно занесенные воздушными вихрями. Казалось, что гул урагана приносил с собой отдаленный грохот стрельбы, раздававшейся в это время в главнейших промышленных центрах Сибири — Омске, Иркутске и Красноярске.

А здесь в это время, как и в Европейской России, власть перешла в руки советов. Создался Центральный исполнительный комитет советов Сибири — Центросибирь, находившийся в Иркутске.

В Томске свила себе гнездо контрреволюционная сибирская областная дума.

ЭР03134

«Областники» — представители нарождавшейся местной промышленной буржуазии и связанной с ней интеллигенции — стремились к обособлению своей родины, всячески доказывая право Сибири на полунезависимое капиталистическое состояние.

Когда советы увидели, что деятельность этой организации начинает становиться прямо враждебной интересам пролетариата, тогда они 26 января 1918 года распустили ее.

В России, и в частности в Сибири, было множество военнопленных чехословаков. Их корпуса в течение многих месяцев стремились попасть на родину. Военный комиссариат принял со своей стороны необходимые меры, чтобы сделать это возможным, только поставив условием предварительную сдачу оружия. Бесконечные эшелоны потянулись на Владивосток, чтобы дальше двигаться морем.

Между тем на берегах Великого океана высадился японский десант, и империалисты оккупировали Приморье, поддерживаемые белогвардейскими бандами Семенова. Дальнейший отъезд военнопленных должен был временно затормозиться.

Тогда эсеры, русские офицеры и другие деятели контрреволюции вошли в связь с чехословацким командным составом и, объединившись, всячески начали провоцировать солдатские массы.

Заняв западносибирские железнодорожные пути, корпуса чехословаков двинулись к востоку с оружием в руках.

Под их натиском отряды Красной гвардии или расходились по тайге, начиная партизанскую борьбу, или отступали по железной дороге.

Центросибирь перебралась из Иркутска в Верхнеудинск, когда Иркутск был занят чехами, затем революционное сибирское правительство переезжает в Читу, но вскоре эвакуирует и этот город.

Сжимаемые со всех сторон японскими интервентами, белогвардейскими русскими и чехословацкими отрядами, партийные организации и отряды Красной гвардии после совещания 28 августа 1918 года, состоявшегося на станции Урульга, решили борьбу с врагом организованным фронтом прекратить.

Отряды рассосались по домам, разбрелись в леса и деревни. Начался новый период революционной борьбы — мощное повстанческое движение.

Созданное эсерами «демократическое правительство» продержалось недолго, и 18 ноября 1918 года была установ-

ЭР03134

лена военная диктатура «верховного правителя» — адмирала Колчака.

Черносотенцы распоясались, начав невероятный террор. Коммунистов, попадавших в их руки, зверски убивали. В тюрьмах гноили всякого, кто работал вместе с советской властью или оказывал ей содействие. По одному подозрению в сочувственном отношении к революции арестовывали людей.

Большевики не сдались, но ушли в подполье.

Ночью 23 ноября 1918 года в Томске в небольшую пекарню, помещавшуюся во дворе дома № 7 по Белой улице, входили, стараясь быть незамеченными, какие-то люди. Это представители партийных организаций Томска, Новосибирска, Красноярска, Омска, Иркутска и Челябинска съехались на свою вторую областную конференцию.

В этой конспиративной квартире было решено не дожидаться, пока вся рабочая масса Сибири будет подготовлена к всеобщему восстанию в общесибирском масштабе, а, не упуская из виду эту основную цель, немедленно же приступить к организации ряда местных восстаний с целью расстроить весь контрреволюционный тыл. Кроме того часть партийных сил была брошена на помощь разраставшемуся крестьянскому движению. Надо было теснее связаться со всеми партизанскими отрядами и взять их под свое руководство.

По всей Сибири, от западных ее границ до берегов океана, не вынесшие белого террора крестьяне — бедняки и батраки — бежали в тайгу и организовывались в отряды под руководством большевиков. Из объединенных отрядов создавались целые партизанские полки и армии, крепко насолившие белым, уничтожая их отряды, деморализуя тыл.

Туземное население, темное и забитое, привыкло издавна считать всех русских за одно, видеть в них своих поработителей. Плохо понимая происходящее, оно поэтому в основной своей массе не участвовало в партизанском движении. Только отдельные лица присоединялись к повстанцам. Да к тому же все военные действия не раскидывались на всю Сибирь, а сосредоточивались в ближайших к железной дороге районах, из которых туземцы давно уже были оттеснены в стороны, в степную или таежную глушь.

Шел славный 1919 год.

Разбитая под Челябинском белая армия отступала. В то же время Колчак лихорадочно готовился к отпору, сгруппи-

ЭР03134

ровав все свои резервные силы на равнине между Тоболом и Ишимом.

Пятая Красная армия, заняв в конце августа город Курган и перейдя реку Тобол, двигалась далее на восток, преследуя отступающих белых.

Противник, дойдя до своей главной оборонительной линии за рекой Ишимом, остановился и, закрепившись, перешел в контрнаступление.

Колчак двинул все войска. В районе станции Петухово наши понесли значительный урон. В то же время на тыл красных дивизий двинулся с юга белогвардейский конный корпус.

Несмотря на большую стойкость, проявленную бойцами, пятая армия под давлением численно превосходящих сил противника стала отходить к реке Тоболу. Отход сопровождался таким упорством в отражении атак, что в оборонительных боях за сентябрь нашими было взято у белых свыше пятидесяти орудий.

К концу сентября обе борющиеся стороны ослабли настолько, что пятая армия отошла на левый, западный берег Тобола, с намерением привести в порядок измотанные неустанной борьбой войска, пополниться и отдохнуть, а белые еле-еле дотянулись до Тобола, будучи не в силах перешагнуть его.

В половине октября красные войска, окрепнув, перешли в наступление и окончательно разгромили колчаковцев.

14 ноября был занят Омск.

Панически отступающая к востоку белая армия быстро таяла под натиском наших частей, уничтожаемая партизанами, замерзающая на лютом сибирском морозе, гибнущая от сыпняка.

7 января 1920 года был взят Красноярск, где сдались остатки колчаковской армии. В то же время партизаны после непродолжительного боя заняли Иркутск.

В Забайкалье и на Дальнем Востоке, начиная от реки Селенги, была временно образована Дальневосточная республика, служившая буфером между советским государством и территорией, захваченной Японией.

10 сентября 1922 года японские империалисты были принуждены начать эвакуацию Приморской области.

25 октября революционная армия заняла Владивосток, а засевшее там белогвардейское правительство бежало в Корею. 10 ноября 1922 года народное собрание в Чите постановило ликвидировать ДВР, и вся Сибирь до берегов Ве-

ЭР03134

ликого океана окончательно влилась в состав Союза советских республик.

Освобожденные от капиталистического гнета народы начали строить свою новую, социалистическую жизнь.

2. По некапиталистическому пути

Как известно, различные социал-соглашательские партии очень много кричат и шумят о равноправии народов.

Многие социал-демократы и наши левые уклонисты доказывают, что все — даже мелкие и культурно отсталые — народы должны быть выделены в самостоятельные государственные образования и предоставлены самим себе в вопросах строительства своей жизни.

Эта программа очень стара. Еще в годы революции из среды сибирской партии «областников» выделилась особая группа «шаманистов», твердившая пышные фразы о самостоятельности народов Сибири.

Но «ленинизм, — говорит товарищ Сталин, — низвел национальный вопрос с высот широковещательных деклараций на землю, заявив, что декларации о «равенстве наций», не подкрепляемые со стороны пролетарских партий прямой поддержкой... являются пустыми и фальшивыми декларациями».

В самом деле, сибирские малые народности, «не прошедшие или почти не прошедшие капитализма, не имеющие или почти не имеющие своего пролетариата, отставшие ввиду этого в хозяйственном и культурном отношениях, не в состоянии использовать полностью права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать таким образом ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне» (XII съезд ВКП(б).

Поэтому уже вскоре после окончательной победы пролетариата в нашей стране во всю широту был поставлен вопрос о строительстве национальной по форме и социалистической по содержанию культуры сибирских народностей. Была создана специальная организация при ВЦИК — Комитет севера, задачей которого поставлено оказание самого широкого содействия малым народам севера в построении социалистического общества, в переходе к нему, минуя стадию капитализма.

Вскоре же после того, как замолкли на сибирской земле пулеметы и пушки, туземцы почувствовали что-то новое.

ЭР03134

Прежде всего исчезло старое начальство, попритихли и попрятались в свои норы предприимчивые тунгусники.

И вот однажды от кочевья к кочевью, от чума к чуму разнеслась весть: приехали новые русские начальники и всем велят собираться вместе на большой суглан (съезд). Все должны съехаться туда тогда, когда зацветут жаркие цветы.

Для жителя северной глуши, часто не знающего ни месяца, ни чисел, это наиболее четкое указание срока.

Со всех сторон потянулись, как перелетные птицы, летящие весной на север, туземцы, съезжаясь где на оленях, где на собаках к своим центрам.

На местах сугланов быстро росли из чумов подвижные городки.

Эта суровая страна давно не видела подобного оживления. Женщины, громко разговаривая, разжигали огни, готовя праздничную еду; весело бегали взапуски, боролись и кувыркались ребятишки; степенные мужчины, попыхивая трубочками и пуская из них клубы сизого дыма, сходились кучками, жестикулировали, передавали друг другу всякие новости.

— Белого царя теперь нет, пристава нет, купцов нет,— радостно, но в то же время изумленно и недоверчиво говорили они, — новые порядки пойдут. Как-то теперь жить будем?

Никто ничего не знал, но у всех на душе было легко и весело. Молодежь, собравшись в кружок, начала пляску. Смеясь, оживленными выкриками в такт движениям сопровождали они свой национальный танец — иохарье.

Отойдя в сторону, тихо совещались шаман и несколько богачей.

Когда все прибыли, то сошлись на поляну и расселись большим кругом. На середину вышел новый русский начальник в больших роговых очках, с черной давно не стриженной бородой и в кожаной тужурке.

Он запросто уселся, поджав под себя ноги, и заговорил на понятном для всех языке.

Говорил он много и долго, но так просто и интересно, точно рассказывал сказку. Никто не проронил ни слова из его речи.

Напомнив об еще совсем недавнем прошлом эвенкийской народности, он рассказал о том, что и большинство русских, как раз те, кто трудился и работал на всех, находились в нелучшем положении. Он умело показал, что у рабочих и угнетенных колониальных народов был один и тот же враг,

ЭР03134

что этот враг сейчас сломлен, но не добит и прячется по разным щелям. Настало время для всех трудящихся строить новую, свободную и счастливую жизнь. Но этому мешают кулаки, попы и шаманы. С ними надо вести беспощадную борьбу. Трудящиеся каждого народа должны сами управлять собой. Чиновников больше не будет. Все местные дела должны решать выборные родовые советы, объединяемые в свою очередь туземными районными исполнительными комитетами. Судьи также должны избираться из своей среды.

Когда он кончил, наступила полная тишина: так неожиданно и поразительно было слышанное. Но уже через минуту со всех сторон послышалась масса вопросов о том, как быть с рыбалками, захваченными промышленниками, кому, если не будет купцов, продавать пушнину и где получать за нее товары, кто будет лечить больных, если, как говорил докладчик, шаманы — обманщики, кто должен воспитывать сирот, если не будет богачей?

Так создавались первые национальные советы в тайге и тундрах, где в это время ярко и красочно расцветали жаркие цветы.

. . . . . .

Среди глухой тайги выросло новое, большое здание. Бревна своим свежим тесом радовали глаз. Над входом красовалась вывеска — «Государственная фактория».

Вскоре туземцы начали со всех сторон стекаться сюда. Они приезжали в одиночку или целыми группами, иногда подкочевывали со всем имуществом, быстро расставляя здесь чумы, они привозили сюда добытую охотой пушнину, доставляли наловленную рыбу и все другие продукты своего труда.

Кто бы и с чем ни пришел, он всегда знал, что здесь будет встречен ласково и гостеприимно.

В большой, жарко натопленной комнате, на столах, на прилавках и на полках, поднимающихся до самого потолка, аккуратно расставлены самые разнообразные товары. Тут имеется все, что может понадобиться охотнику, рыболову и скотоводу.

Приехавшие, одетые в одежды из оленьего меха туземцы, переговариваясь друг с другом, расхаживают по лавке. Они, как настоящие хозяева, совершенно свободно подходят ко всем товарам, щупают их руками, рассматривают с большим интересом, спрашивают цены. То, что им нужно и нравится, каждый из них отбирает в особую кучку.

ЭР03134

Заведующий факторией тут же смотрит и оценивает привезенный мех.

— Теперь жить можно стало, — говорит один из приезжих, обращаясь к кончившему работу фактору,—не то, что раньше было. Фактория не надувает. Фактория правду делает. Сколько привез, столько получи. А купцу привозил много, тот почти ничего не давал. Все, говорил, за долги должно итти, бери новый долг. Пушнина шла дешево, а товары дорого.

. . . . . .

С уничтожением зависимости от произвола торговца малые народности Сибири начали сбрасывать с себя и многовековый, укоренившийся в обычном праве гнет своей родовой аристократии и национального кулачества. Разрозненные хозяйства, зависевшие в значительной степени от кулаков, начали объединяться в мощные колхозы и охотничье-рыболовные артели.

«Северные колхозы очень своеобразны и сильно отличаются от обычных сельскохозяйственных колхозов, — пишет журнал «Наши достижения».—Самый крупный и наиболее крепкий колхоз Обдорского района—Мужевский. Колхоз объединил 128 хозяйств с 641 едоком. Большинство — зыряне (коми), но есть остяки и несколько русских семей. Обобществление имущества и рабочей силы сразу сделало более выгодным труд колхозников, повысив доходность их хозяйств».

На севере хозяйство всегда слагается из нескольких отраслей. Оно всегда смешано. Это ясно видно на примере мужевской артели «Путями Ленина».

На узком разграфленном листе надпись: «Календарный план работ» и в скобках: «Количество людей, занятых на промыслах». В графе «Всего рабсилы» — 162 человека.

В левой половине листа — тяжелая колонна месяцев: двенадцать. Вверху наименование шестнадцати промыслов и работ, выполняемых колхозниками.

Рыбный промысел. С ноября по май пустуют клетки граф. В июне начинается весенний лов — 110 человек. Со второй половины августа по сентябрь количество занятых возрастает до 138 человек. К концу октября клетки опять пустуют. Зато в графе «Государственные дровозаготовки» появляется цифра 90.

Бригада оленеводов-пастухов — 13 человек. С апреля по октябрь число их повышается до 20—25 человек. Летом

ЭР03134

труднее пасти оленей: появляется гнус, изводящий животных; приходится откочевывать в глубь тундры и на Урал.

Пушным промыслом занимается бригада в 15 человек. Каждому даны нарты и восемь оленей. Промышляют ноябрь, декабрь, март. Основа пушного промысла — песец.

Дальше идут домашние работы и т. д. В хозяйстве колхоза все заняты своим делом. Каждая бригада имеет свой календарный план работы. Высчитано количество рабочих часов и возможный валовой доход от работы.

. . . . . .

В чуме эвенка Василия Тихонова большое несчастье: заболел его любимый сын.

Мальчику уже десять лет, тогда как трое остальных детей совсем еще малыши. Нелегко родителям прокормить такую семью, но теперь уже оставалось ждать недолго до того времени, когда старший начал бы помогать в хозяйстве.

И вдруг он заболел. Вернулся с пастьбы оленей совсем разбитым, еле доплелся до своего места и слег. Красные щеки пылали огнем, а все тело подергивалось дрожью.

Ночью начался бред. Отец с тоской и тревогой прислушивался к бессвязным словам и стону, но наконец не выдержал и, взволнованный, побежал к шаману.

Тот, явившись, начал камлание. Шаманил долго и напряженно, кружился и колотил в бубен, затем объявил, что злобный дух покинул больного и мальчик будет здоров, взял беличьи шкурки в награду и ушел.

На другой день ребенку стало еще хуже.

— Попробуй, на базу съезди, — посоветовал сосед, — там русские приехали, больных лечат.

Хоть и не доверял этому Василий, но все же решился свезти туда сына.

Навьючив на оленя две торбы, в одну из них поместил ребенка, а в другую, висевшую на другом боку, положил для равновесия разный скарб.

Умело разбираясь в запутанных таежных тропинках, на второй день выехал он к реке и, следуя по ее течению, добрался до нового, выросшего в самом центре непроходимых лесов поселка.

Недавно здесь отстроилась культбаза. На диком берегу, среди вековых сосен и елей, белели новые тесаные просторные дома.

Из труб приветливо курился дымок, на опушке виднелись стоящие кучкой ульи, а в стороне, на обширной поляне, раскинулся опытный огород, где культивировались различные

ЭР03134

огородные растения. Здесь велись опыты по выведению новых скороспелых и морозоустойчивых сортов, способных произрастать в суровых условиях севера.

Тут же, недалеко, возвышался флюгер и другие приборы метеорологической станции, но выше всех построек, выше всех других сооружений вздымалась к небу, поднимаясь над вершинами деревьев, радиомачта.

Вокруг культбазы стояло несколько чумов съехавшихся сюда эвенков.

Тихонов встретил своих знакомых и, посоветовавшись с ними, пошел к одному из новых зданий, на котором висела вывеска — «Медпункт».

Подойдя к ступенькам высокого крыльца, он нерешительно посмотрел на их сверкающую чистотой поверхность, взглянул на свои ноги и начал подниматься наверх.

В передней комнате его встретила русская женщина, одетая во все белое, такое ослепительно белое, как чистый январский снег, ложащийся на деревья.

Увидев вошедшего, она ласково улыбнулась и наполовину знаками, наполовину заученными стандартными фразами начала расспрашивать о том, что ему нужно.

Наконец, поняв, в чем дело, она что-то записала в большую книгу, похожую на такие книги, в каких когда-то скупщики пушнины записывали его, Василия, долги, и, позвав его с собой, вышла на улицу за больным ребенком.

Взяв, по ее указанию, сына на руки, отец понес его опять в тот же дом.

Василия привели в следующую комнату. Здесь стоял большой белый шкаф со стеклянными дверцами, стол, заставленный какими-то склянками, пузырьками и непонятными инструментами, несколько табуреток и обитый клеенкой диванчик.

Навстречу поднялась другая женщина, одетая в такую же белую одежду. Она отличалась только тем, что была несколько меньшего роста, а из-под белой косынки блестели узкие живые и улыбающиеся черные глаза на смуглом широкоскулом, немного приплюснутом лице.

Василий в изумлении остановился и даже чуть не выронил от неожиданности ребенка.

Он сделал уже радостное движение, но сейчас же опять застыл в почтительной позе и начал кланяться.

— Ты что же, Василий, — звонко засмеялась молодая женщина, — или не узнаешь Таньку Чапогирову, Михайлы дочь? Помнишь? Еще несколько лет назад русские приезжали

ЭР03134

из Туруханска, учиться эвенков набирали. Я тогда поехала, Ванька Петров, Панкагирский да еще кое-кто. Меня в город Красноярск послали, вверх по Енисею. Там школа такая есть. Людей лечить учат. В ней для национальных меньшинств отделение. Теперь кончила и вернулась. Фельдшерицей работаю здесь, на медпункте. А у тебя сын заболел? Что с ним?

Весь страх у Василия пропал. В этой чистой и чужой комнате он почувствовал себя так же хорошо, как и в своем родном чуме.

Долго дивился на то, как изменилась Татьяна, которую он помнил еще девчонкой. Радостно ему было смотреть, как она вместе с пришедшим очкастым доктором ощупывала ласковыми руками горячее тело его ребенка. В шамана он потерял веру, теперь не хотелось и вспоминать о нем. Глядя на этих людей, он был уверен, что сын его будет спасен.

Оставя сына на чистой больничной койке, Василий вечером пришел к Татьяне. Она жила в отдельной комнатке небольшого дома, занятого медперсоналом.

Сидя за ужином, они разговорились о жизни, о новых порядках.

— Конечно жить туземцу-бедняку легче стало, — говорил гость, — но все-таки иногда тяжело приходится. Нет-нет да и пойдешь подчас к богачу на поклон. А они всегда теперь причитают, говоря, что им трудно стало. Но ничего, покряхтят, да дадут, а работать зато на себя заставят еще больше прежнего. И рад бы к ним не итти, да нельзя. Ребятишек много, и все есть просят. Когда они еще работниками станут, а пока кормить всех надо, одевать.

— А ты бы в интернат к нам их отдал. Они и сыты были бы и учились. А как кончат школу, хорошими работниками станут. Смогут быть на советской работе и оленеводство сумеют поставить как следует и промысел. Сейчас нельзя вести хозяйство, как раньше, по-старинке. Это промышленники, думавшие только о своей личной корысти, могли разорять страну, выбивать зверя и рыбу, а мы сами должны о будущем помышлять и вперед загадывать. И охоту и другие промыслы надо вести культурно, умеючи, так, чтобы и доход был хороший и зверь не истреблялся, чтобы оленье стадо росло, а не гибло от всяких болезней. А наша туземная школа, помимо общих знаний, научит и тому, как строить наше особенное северное хозяйство.

Вот одного-двух ребят отдай в интернат, а остальных

ЭР03134

учи в кочевой школе. Сейчас везде создаются такие школы и красные чумы. И в вашем роде их скоро организуют.

— А что это такое, красные чумы, для чего они? — живо заинтересовался Тихонов.

Таня налила ему и себе по новой чашке чая, пододвинула к гостю сахар и хлеб и продолжала:

— Ведь ты сам знаешь, что в наших условиях, когда зимой надо охотиться, летом ловить рыбу, когда приходится заниматься одним и тем же людям разными отраслями производства, волей-неволей, пока не подвинется вперед наша техника, нам приходится вести кочевой образ жизни. На оседлый быт сразу не перейдешь. А раз люди кочуют, перевозя с собой и детей, то, следовательно, и школа должна быть подвижной. Учитель, вместе со всем школьным хозяйством, тоже должен кочевать вместе со всеми. Только при этом условии могут нормально итти занятия.

— Понятно, понятно, — слушая с большим интересом, гость кивал головой.

— Ну, а красный чум—это больше для взрослых. Учиться должны не только дети. Наши народы сильно отстали в своем развитии, и мы все поэтому должны особенно быстро подтянуться. В подвижном красном чуме проводятся разнообразные беседы о том, как нужно на новых началах перестраивать хозяйство тайги и тундры, о том, что такое советская власть и как она строится, рассказывается о всяких достижениях науки и техники, читаются на родном языке газеты. В свободные минуты здесь можно получить отдых, поиграть в различные игры, послушать музыку. Иногда в красный чум привозят особую машину, которая называется киноаппаратом. Эта штучка показывает на натянутом холсте разные, как бы живые картинки. Да, много там чего интересного бывает. Разве все рас казать можно.

Василий, все время внимательно слушая, допил свой чай и отодвинул стакан.

— Знаешь что? — оживленно сказала хозяйка. — Все это трудно тебе понять, пока ты сам не увидишь. Давай пройдем по нашей культбазе.

Они вышли на улицу.

Последними отблесками вечерней зари алело небо. Кое-где начинали мерцать яркие звезды. Тихо шептались деревья под дуновением теплого весеннего ветерка. Где-то лаяла собака. Откуда-то доносились человеческие голоса. Из окон домов лился свет.

ЭР03134

Они остановились на середине поросшей мягкой травой улицы и, стоя молча, полной грудью вдыхали свежий воздух.

«Как все быстро меняется в эти годы!» думал Василий.

Он тяжело вздохнул.

— Ты что? — спросила Таня.

— Смотрю на звезды и завидую им. Они всегда молоды, а я становлюсь стар. Ты тоже счастливая. Ты много хорошего увидишь в жизни, а мне не успеть: могилы отцов зовут меня к себе.

— Лучше брось такие мысли, Василий, посмотри, как тут хорошо. Пойдем.

Они медленно пошли по поселку.

— Вот здесь, — поясняла гостеприимная хозяйка, — помещается тузрик — туземный районный исполнительный комитет. В том домике — метеорологическая станция, где изучают погоду, климат. Там же помещаются и другие научные работники, как, например, геологи, занимающиеся отыскиванием различных камней, горных пород, ископаемых, вроде угля, графита и других, приносящих людям большую пользу.

Там, на окраине, стоит помещение звероводческой станции, работающей над вопросами правильной организации пушного хозяйства. У них есть свои лисьи и соболиные питомники.

В них разводят этих животных и восстанавливают постепенно то, что было уничтожено вследствие хищнического истребления зверя промышленниками.

— А здесь что? — Тихонов остановился под окнами большого дома, за которыми было видно, как ходят люди, и откуда раздались звуки какой-то музыки.

— Зайдем сюда. Сам увидишь, — улыбнулась Таня, гордая тем, что чудеса ее любимой культбазы так поражают гостя.

В большой комнате, уставленной шкафами с книгами и столами, покрытыми красной материей, на стене висели портреты.

Среди них выделялись два.

С одного смотрели прищуренные, как бы все видящие насквозь глаза человека с большим открытым лбом и русой бородкой, на другом был изображен кто-то черноволосый, стоящий во френче и высоких сапогах, несколько откинув назад голову и смело, решительно смотря вдаль, вперед, словно видя будущее.

— Это иконы? — наивно спросил Василий.

ЭР03134

— Это Ленин и Сталин, — коротко ответила молодая женщина.

Даже вышедший из глухой тайги эвенек знал эти два имени. Он стоял молча, не сводя глаз с портретов.

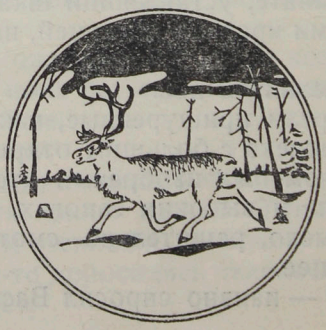
— Большие люди, — вымолвил наконец Василий. — А что обозначают значки, нарисованные под ними?

— Это лозунг. Это слова Сталина, который указал нам наш путь. Здесь написано:

«Период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета культур, социалистических по содержанию и национальных по форме... Развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и ускорением общеобязательного первоначального образования на родном языке... Только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства... В этом именно и состоит основа ленинской политики помощи и поддержки развитию национальных культур народов СССР».

Подойдя к столу, Василий потянулся к лежащим книгам, на обложках которых были нарисованы знакомые, родные эвенкийские орнаменты.

— Эти все книги, — продолжала объяснять Таня, — напечатаны на нашем языке. До сих пор у нас не было своей письменности, а, следовательно, и не могло быть знаний. Русская культура подавляла нас. Сейчас вместе со свободой мы получили право развивать свою культуру, мы получили право на знание, мы получили свою письменность, свою азбуку, теперь мы можем учиться на своем родном языке. Мы получили свое право, наравне с передовыми народами, войти в историю общечеловеческой культуры.

ЭР03134

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 5

I. Далекое прошлое

1. Когда и как жили древнейшие обитатели Сибири 9
2. Неолит в Сибири 17
3. Стоянка, рассказавшая о том, когда и как были приручены домашние животные и люди начали заниматься земледелием 21
4. Три тысячи лет назад в южной Сибири 27
5. Как начал разлагаться древний род 32
6. Могилы вождей скотоводов на Алтае 38
7. В земледельческом поселке 42
8. Как и почему роды объединялись в племена и народы . . 45
9. Исчезнувший народ 43
10. Хакасское государство VII—XIII веков 49
11. Остяки и вогулы XV—XVII веков 60
12. Сибирское ханство 67

II. По пути русских завоеваний

1. Порабощение русскими Западной Сибири 71
2. На крайнем севере 87
3. Вверх по Енисею 99
4. В «качинской землице» 108
5. Якуты 119
6. Кровавая река 131
7. Далекая Чукотка и Камчатка 142

III. Под игом самодержавия

1. Царские пристава и туземная знать 154
2. Враги ли они друг другу? 159
3. Из сотоварищей — в хозяева 163
4. Купеческий разгул 166

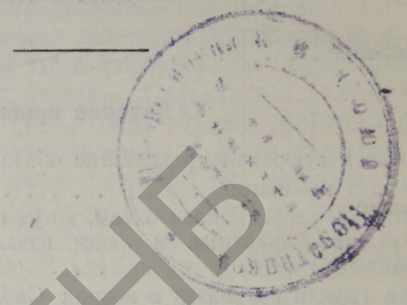
АБГПС

ЭР03134

5. Заботливые родственники 171
6. На краю гибели 178

IV. К коммунизму

1. Октябрьский вихрь 183
2. По некапиталистическому пути 187

ДВГНБ

ЭР03134

Редактор *Г. Сазыкин*
Технический редактор *М. Лойтерштейн*
Корректор *Л. Фарисеева*

Переплет по рисунку художника *Л. Эппле*
Сдано в производство 4/VI—1935 г. Подписано к печати 10/VIII—1935 г. МГ-56. Инд. Ю-2. Формат 82×110/32. 12 1/2 печ. л. 12,2 авт. л. Уполномоченный Главлита Б—7234. Тираж 15 000.

17 типография треста „Полиграфкнига“,
Москва, Шлюзовая наб. 10.

Цена 3 руб. Переплет 1 р.

ДБГБ

ЭР03134

ДВГНБ

ЭР03134

ДВГНБ

ЭР03134

ДВГНБ

ЭР03134

ДВГНБ

ЭР03134

4р.
=40к
1960г.

ДВГНБ

ЭР03134